

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 10 (76). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Герасимов К. Б. – д-р экон. наук, доц.;

Ершова С. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Климовец О. В. – д-р экон. наук, проф.;

Климчук С. В. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Насырова Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Казахстан;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Стародубцева Е. Б. – д-р экон. наук, проф.;

Шманева Л. В. – д-р экон. наук, доц.;

Шмарловская Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 8 от «___» ноября 2024 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Подписано в печать «_» _____ 20__ г. Формат 70x100 1/16.

8,7 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № _____.

Цена «Бесплатно».

Дата выхода в свет «_» _____ 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024 г.

УДК 338

СТРАТЕГИИ МАСШТАБИРОВАНИЯ СТАРТАПОВ

Артюхова И. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ivartuhova@mail.ru

Поскольку непрерывность роста является одним из главных факторов выживания бизнеса в условиях современного рынка, то в жизненном цикле каждого стартап–проекта наиболее значимая роль отводится такому этапу, как масштабирование. Именно в процессе масштабирования стартап–проект закрепляется на рынке и проходит трансформацию в зрелую компанию, а созданная в его рамках бизнес–модель проходит проверку на жизнеспособность в условиях реального рынка. В данном исследовании рассматриваются особенности масштабирования стартап–проектов и отличия данного процесса от традиционного бизнеса, а также оценки потенциала роста стартап–проектов и формирования наиболее оптимальной стратегии для их масштабирования.

Ключевые слова: стартап, стартап–проект, масштабирование, развитие бизнеса, стратегии масштабирования, управление развитием стартап–проекта.

ВВЕДЕНИЕ

Непрерывный рост и повышение операционной эффективности являются приоритетными целями развития для любого бизнеса, поскольку в условиях конкурентной рыночной среды даже предприятия, обладающие исключительным коммерческим потенциалом, могут быть вытеснены с рынка на начальном этапе своего жизненного цикла за счёт предложений конкурентов, предлагающих массовый продукт с более привлекательным соотношением цены и потребительских качеств для потенциальной аудитории покупателей. Следовательно, необходимость развития и масштабирования в условиях современного рынка обусловлена потребностью формируемого бизнеса и стартап–проектов закрепиться в рамках своего целевого сегмента и сохранить его за собой в долгосрочной перспективе. При этом в контексте управления развитием стартап–проектов особенно важно выделить различия между понятиями «масштабирование» и «рост».

В подавляющем большинстве случаев понятие роста включает в себя увеличение доходов и объёмов производства продукции, но используемые предприятием бизнес–модель и его коммерческая структура остаются в неизменном виде, что может привести к непропорциональному росту издержек и снижению общей эффективности деятельности.

В свою очередь, масштабирование предполагает не только количественный рост операционных показателей бизнеса, но его коммерческого потенциала в целом посредством внедрения новых продуктов и освоения новых направлений деятельности, перестроения и расширения инфраструктуры сбыта, а также оптимизации управленческих и производственно–технологических процессов. Кроме того, масштабирование предполагает сохранение и/или увеличение уровня коммерческой эффективности бизнеса, достигнутой им ранее на предыдущем этапе своего жизненного цикла, что выгодно отличает его от обычной модели роста, когда

зависимость между увеличением издержек и получаемой прибыли является нелинейной.

Уточнению фундаментальных различий между ростом и масштабированием бизнеса посвящено исследование А. В. Бондаренко. Автор отмечает, что рост бизнеса предполагает увеличение доходов темпами, с которыми в нём увеличиваются задействованные ресурсы – капитал, сотрудники, технологии. В то же время масштабирование предусматривает, что бизнес нашел более эффективные пути для роста, которые позволяют достичь увеличения доходов более существенными темпами, нежели происходит увеличение задействованных расходов и ресурсов [1, с. 224].

Следовательно, рост предполагает экстенсивное развитие бизнеса, а масштабирование – интенсивное, увеличивая отдачу со всех вложений, направляемых его собственниками и инвесторами на его развитие, и делает данную модель более подходящей для стартап-проектов.

Поскольку большинство стартап-проектов направлены на радикальное изменение существующей отрасли рынка или создание принципиально новых, то приоритетной задачей для них является не практическая реализация бизнес-идеи, а создание эффективной модели для её масштабирования и коммерциализации в рамках целевого рынка.

По мнению Е. В. Сумароковой, масштабирование является наиболее ответственным этапом в жизненном цикле стартап-проекта, который успешно прошел стадии первоначального проектирования и формирования начальной бизнес-модели [7, с. 28].

К основным признакам, которые свидетельствуют о необходимости перехода к масштабированию стартап-проекта, можно отнести следующие:

- устойчивый спрос на предлагаемый продукт/услугу, который имеет тенденцию к дальнейшему увеличению и не сможет быть удовлетворён посредством текущей коммерческо-производственной инфраструктуры;
- недостаточная ёмкость выбранного сегмента при выводе продукта на рынок, которая не позволяет в полной мере реализовать его коммерческий потенциал без расширения аудитории покупателей и выхода на новые рынки сбыта;
- необходимость увеличения операционной прибыли пропорционально изменению объёмов выпуска и сбыта;
- необходимость оптимизации производственных и коммерческих издержек посредством экономии ресурсов на эффекте масштаба.

При этом переходе к масштабированию бизнеса должна предшествовать объёмная планово-аналитическая работа по выбору наиболее оптимальной стратегии расширения, а также формированию плана по её практической реализации. Повышенные требования к предварительной проработке сопряжены с повышенным уровнем рисков, отличающихся по своему генезису и форме воздействия на процесс масштабирования бизнеса, которые необходимо учесть и предпринять все доступные меры по их сокращению.

В контексте управления масштабированием бизнеса риск предполагает вероятность отклонения показателей эффективности функционирования бизнеса от

СТРАТЕГИИ МАСШТАБИРОВАНИЯ СТАРТАПОВ

запланированных значений или от уровня, который он демонстрировал на этапе первоначального формирования и выхода на рынок.

В числе ключевых факторов риска, которые могут оказать негативное воздействие на функционирование бизнеса при его масштабировании, можно отметить [5, с. 161]:

- некорректное выполненное обоснование проекта масштабирования, связанное с низким качеством выполнения планово-аналитической работы и нехваткой исходных данных о параметрах целевой рыночной среды;

- незапланированное увеличение стоимости привлечения финансово-инвестиционных ресурсов вследствие увеличения ставки ЦБ, снижения инвестиционной привлекательности бизнеса или общего сокращения рынка инвестиционного капитала;

- неоптимальная структура источников финансирования проекта по масштабированию бизнеса, например, чрезмерное использование банковских кредитов, а также нехватка собственных средств и привлеченных инвестиций;

- неустойчивость циклов внутриотраслевой и макроэкономической динамики, что затрудняет прогнозирование их воздействия на конечную эффективность проекта масштабирования бизнеса;

- общая неустойчивость макроэкономической ситуации внутри национальной экономики, например, замедление темпов роста национальной экономики из-за пандемии COVID-19, экономический кризис 2022 года и иные события, которые оказывают деструктивное воздействие на функционирование бизнеса и темпы его развития внутри страны.

В случае стартапов повышенные риски масштабирования связаны с тем, что большая часть данных проектов носит инновационный характер, что делает невозможным использование управленческих решений и типовых стратегий масштабирования без их предварительной адаптации с учётом специфики конкретного направления бизнеса и имеющихся в его распоряжении ресурсов.

Именно по указанным выше причинам следует акцентировать внимание на том, что основным приоритетом команды стартап-проекта на первичных этапах его жизненного цикла является не практическая реализация своей изначальной идеи, а формирование релевантной бизнес-модели, которая бы позволила успешно развивать проект и масштабировать его с минимальным уровнем сопутствующих рисков, а также исключая избыточное увеличение требуемых для этого расходов.

Цель исследования – разработать систему методических инструментов выбора стратегии масштабирования стартапов. Задачами являются рассмотрение типологии и анализ перспективности стратегий масштабирования стартапов, построение модели механизма стратегии стартапа, представление кейсов оптимальных стратегий.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Авторами большинства тематических исследований выделяются два базовых пути масштабирования бизнеса – горизонтальный и вертикальный, которые существенно отличаются по своему содержанию.

Горизонтальное масштабирование бизнеса предполагает расширение операционной зоны бизнеса посредством открытия дополнительных торговых точек или производственных линий, что приводит к увеличению его присутствия на рынке, но в то же время не предполагает качественных изменений в самой бизнес-модели, что делает данный сценарий недостаточно релевантным для использования при масштабировании стартап-проектов из-за более высокого уровня рисков.

Вертикальное масштабирование предполагает качественное развитие бизнеса посредством изменений в продуктивном ассортименте, качественных и/или стоимостных характеристик продукции, а также развития сопутствующего сервиса.

В рамках рассмотренных нами выше путей масштабирования бизнеса существует классификация частных стратегий, предложенная О. К. Никоновым [3, с.352].

Однако данная классификация, на наш взгляд, требует дополнения, поскольку некоторые из предложенных автором стратегий также могут быть сегментированы на отдельные виды, механизм реализации которых в рамках процесса масштабирования различается. Дополненная классификация представлена наглядно на рисунке 1.

Рисунок 1. Базовые стратегии масштабирования стартап-проектов.

Источник: составлено автором на основе [3].

На наш взгляд, открытие новых филиалов – торгово-розничных точек или производственных подразделений является наименее приемлемым решением для масштабирования стартап-проекта, поскольку требует значительного вложения

СТРАТЕГИИ МАСШТАБИРОВАНИЯ СТАРТАПОВ

финансовых ресурсов, но при этом не гарантирует эквивалентный прирост доходности.

В частности, создание дополнительных торговых представительств при сосредоточении основного производства в одной точке потребует существенных вложений не только на аренду помещений, найм и обучение персонала, но и на исследование местного рынка и организацию рекламной компании, а также существенного роста логистических издержек по доставке продукции, что приведет к увеличению её итоговой себестоимости и снижению общей маржинальности бизнеса. Кроме того, создание обширной сети филиалов повышает вероятность дублирования отдельных бизнес-процессов, что снижает общую эффективность работы стартапа и повышает накладные издержки.

К числу основных преимуществ данного подхода по сравнению с прочими стратегиями горизонтального масштабирования бизнеса можно отнести возможность сохранения полного контроля бизнеса в руках основной управленческой команды проекта, а также потенциально самый высокий уровень доходности по сравнению с прочими альтернативами. Более выгодными с позиции материально-финансового обеспечения является масштабирование стартап-проекта путём создания франшизы или же лицензирования. Создание франшизы является более гибким и прибыльным способом дальнейшего масштабирования стартап-проекта, а также увеличения узнаваемости и присутствия созданного в его рамках бренда на рынке. Для того чтобы созданная франшиза была эффективной, команда стартап-проекта должна создать не только эффективную бизнес-модель, которая хорошо покажет себя в рамках конкретного предприятия, но также быть понятной для использования франчайзи, входящих в новый для себя бизнес.

Кроме бизнес-модели необходима также и проработка механизма работы материнской компании с потенциальными франчайзи, которая бы предоставляла им всестороннюю поддержку и сокращала сроки открытия новых филиалов.

Отличительным преимуществом создания франшизы по сравнению с созданием собственных филиалов для масштабирования стартап-проектов является значительное увеличение финансовой нагрузки, поскольку издержки по открытию новых филиалов ложатся на франчайзи, но при этом сохраняются широкие возможности по управлению за деятельностью новых филиалов и развитием бренда.

Недостатками данного подхода являются повышенные требования к организации взаимодействия головной компании и франчайзи, а также необходимость делить получаемую прибыль с последними.

В контексте масштабирования стартап-проектов следует также отметить, что в их случае ситуация может быть осложнена низким интересом потенциальных франчайзи к приобретению франшизы на начальных этапах её существования и соответственно, невысокой величине паушальных взносов и ставок роялти.

Объясняется это тем, что интерес к покупке любой франшизы связан с получением для франчайзи возможности использовать зарекомендовавшего себя на рынке бренда и поверенной бизнес-модели, что с высокой вероятностью обеспечит для него получение прибыли уже в первые месяцы работы.

В случае стартап–проектов, успешно прошедших этап первичного выхода на рынок, известность бренда среди покупателей находится на довольно низком уровне, повышение которой и является одной из главных задач масштабирования бизнеса.

В подобной ситуации более оправданным может быть использование такого подхода, как лицензирование, который предполагает полную передачу лицензиату прав на использование бренда головной компании и его развитие на определённом рынке за фиксированную сумму или регулярные отчисления лицензионных сборов.

Финансовые риски головной компании в данном случае являются минимальными, но при этом она утрачивает управленческий контроль за деятельностью лицензиата, а также развитием своего бренда на определённом рынке или его сегменте, что может привести к ухудшению потребительских качеств продукта и снижению общего уровня доверия к бренду среди потребителей. Кроме того, если лицензионный договор имеет бессрочный характер, то при успешной работе филиала, управляемого лицензиатом, данный рынок может оказаться закрытым для головной компании в будущем или ей придётся создавать для выхода на него аналог, который будет представлен под новым брендом.

На наш взгляд, наиболее оправданным использованием лицензирования для масштабирования стартап–проектов является увеличение узнаваемости бренда за счёт рынков, самостоятельное освоение которых для головной компании является неоправданным по финансовым или юридическим основаниям.

Данный шаг позволит команде стартапа аккумулировать дополнительные средства за счёт лицензионных отчислений, а также получить необходимую информацию об отношении потребителя к их продукту на рынке, где его присутствие было лицензировано, которая поможет более эффективно спланировать открытие собственных филиалов.

Наиболее оптимальным решением для первичного масштабирования стартап–проекта, на наш взгляд, является передача функций по маркетинговому продвижению и реализации продукции на аутсорс путём заключения соответствующих соглашений с партнерами, каждый из которых будет отвечать за продажи продукции в рамках своего целевого рынка. Данный подход позволяет головной компании концентрироваться на обработке заказов, а также развитию производства и доработке своего продукта, что очень важно для молодых стартапов, поскольку смещение акцента на продажи может привести к распылению ограниченных ресурсов и ухудшению качества продукта.

Основным недостатком в данном случае является необходимость разделения получаемой прибыли между головной компанией и её коммерческими подрядчиками, а также риски недополучения прибыли и нанесения ущерба деловой репутации из-за недостаточной квалификации деловых партнёров.

Как можно заметить, все рассмотренные выше стратегии могут быть в равной степени эффективными при переходе стартап–проекта на стадию масштабирования, но выбор наиболее оптимального варианта или их комбинации должен исходить из целей, которые ставит перед собой команда стартап–проекта и его актуального состояния.

СТРАТЕГИИ МАСШТАБИРОВАНИЯ СТАРТАПОВ

В свою очередь, использование вертикальных стратегий масштабирования более оправданно рассматривать как второй шаг после укрупнения своего присутствия на рынке и создания приемлемой по размерам коммерческой сети, которая сможет обеспечить необходимую ёмкость потребительского рынка для сбыта новых видов продукции и окупаемости вложений в развитие производства.

Как было отмечено выше, в большинстве случаев эффективность масштабирования любого бизнеса зависит от последовательности и качества проработки данного процесса.

На наш взгляд, в процессе масштабирования любого бизнеса или стартап-проекта можно выделить 6 ключевых этапов (рис. 2).

Рисунок 2. Механизм масштабирования стартап-проекта.

Источник: составлено автором на основе [4].

В данном случае следует отметить, что выбор правильной цели имеет очень весомое значение для успешного масштабирования, поскольку установка как нереалистичной цели, так и цели, несоответствующей фактическому потенциалу стартап-проекта, может привести к выбору его командой заведомо неподходящей стратегии.

В случае стартап-проектов наиболее частым является установка завышенных целей масштабирования, поскольку для команды проекта свойственно завышать коммерческий потенциал своего продукта, фактический уровень спроса на который среди потребителей может оказаться существенно ниже. Для предотвращения данных ошибок целесообразно опираться не только на результаты самоанализа, но также на оценки бизнеса от независимых аудиторских и аналитических организаций.

Самоанализ проекта и его независимая оценка бизнеса не только позволяют оценить потенциал масштабируемости, но также и наиболее узкие места в его хозяйственной инфраструктуре, устранение которых является обязательным для разработки и успешной реализации стратегии масштабирования.

Для того чтобы оценить степень масштабируемости стартап–проекта, целесообразно опираться на следующие индикаторы [2, с. 144]:

1. Наличие и объём свободных ресурсов. Повышение эффективности использования ресурсов является залогом эффективного развития любого бизнеса, поэтому чем больше величина незадействованных финансовых, трудовых и производственных мощностей, тем больше потенциал проекта для дальнейшего масштабирования.

2. Величина неудовлетворенного спроса на рынке. Получение данных сведений возможно посредством проведения маркетинговых исследований рынка или с учетом количества потребительских запросов, которое предприятие не может выполнить из-за ограничения своих текущих мощностей.

3. Устойчивость финансовых показателей. Масштабирование предполагает повышение финансовой нагрузки на проект из-за роста издержек, поэтому чем более стабильными и высокими являются его текущие показатели, тем больший запас финансовой прочности он имеет для успешного расширения.

4. Наличие прямых аналогов и их количество на рынке. Конкуренция выступает сдерживающим фактором для развития любого бизнеса, поэтому чем меньше прямых аналогов предлагаемого командой стартап–проекта находится на рынке, тем выше его потенциал для масштабирования при наличии платёжеспособного спроса.

Выбранная командой стартап–проекта стратегия должна учитывать состояние данных индикаторов и обеспечивать достижение поставленной цели при комфортном уровне сопутствующих рисков. Рассмотрим три кейса по выбору оптимальной стратегии масштабирования стартап–проекта, обладающих различными вводными (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика кейсов по выбору оптимальной стратегии масштабирования стартап–проекта

Характеристика	Кейс 1	Кейс 2	Кейс 3
Объём свободных ресурсов	Минимальный	Средний	Высокий
Величина неудовлетворённого спроса	Высокая	Низкая	Низкая
Уровень конкуренции на текущем рынке	Низкий	Высокий	Средний
Устойчивость финансовых показателей	Низкая	Средняя	Высокая
Способ масштабирования по горизонтали	Лицензирование	Создание франшизы	Открытие новых филиалов
Способ масштабирования по вертикали	Расширение производственных мощностей и ассортимента	Выход на новые рынки сбыта	Модернизация системы распространения продукции

Источник: составлено автором.

СТРАТЕГИИ МАСШТАБИРОВАНИЯ СТАРТАПОВ

Первый сценарий характерен для малых стартап–проектов, сосредоточенных на выпуске инновационного продукта и ограниченных в ресурсах, большая часть которых была направлена на разработку и тестирование опытных образцов.

При этом из-за новизны продукта спрос на него находится на высоком уровне, но не может быть удовлетворен по причине нехватки производственных мощностей стартап–проекта. Наиболее целесообразным шагом в данном случае будет лицензировать свою продукцию и бренд на рынках, которые не представляют интереса для команды стартап–проекта в долгосрочной перспективе. При этом основной рост проекта будет обеспечен за счёт текущего рынка и увеличения производственных мощностей благодаря полученным от лицензиатов денежных средств.

Второй сценарий предполагает, что стартап–проект посвящен выпуску уже существующей продукции, но обладающей уникальными качествами, которые могут заинтересовать потребителей. При этом высокий уровень конкуренции и ограниченность в свободных ресурсах затрудняет развитие для нового бизнеса на текущем рынке.

Наиболее целесообразным сценарием в данном случае будет создание франшизы, которая позволит привлечь дополнительные средства, а также вывести бренд и продукцию компании на более свободные и перспективные рынки, сохраняя при этом управленческий контроль за деятельностью новых филиалов. Данный шаг поможет стартап–проекту сформировать материальную и потребительскую базу для самостоятельного выхода на новые рынки, где популярность его бренда является наиболее высокой.

Последний сценарий предполагает, что продукт, выпускаемый в рамках стартапа, обладает минимальными отличиями от аналогов на рынке, что позволило сэкономить значительную часть ресурсов на разработке и выходе на рынок. При этом конкуренция находится на среднем уровне из-за устойчивости рынка и низкого интереса к нему со стороны новых игроков. В данном случае целесообразно сделать ставку на расширение присутствия на рынке за счёт открытия собственных филиалов, а также повышения эффективности системы продвижения и распространения продукции.

Следует отметить, что независимо от того, какая стратегия масштабирования была выбрана изначально, в процессе её реализации могут потребоваться корректировки в зависимости от реакции бизнеса на происходящие изменения.

Для оперативного отслеживания данных изменений предполагается использовать такие метрики, как [6, с. 161]:

1. **Время ответа** – позволяет оценить изменения оперативность выполнения бизнес–процессов по мере увеличения нагрузки, например, период производства продукции после поступления заказа. Чрезмерное увеличение времени отклика свидетельствует о проблемах в процессе масштабирования проекта и неправильном выборе стратегии.

2. **Пропускная способность** – характеризует количество задач, которые позволяет выполнить бизнес–система за единицу времени, например, объём выпуска продукции или число оказанных клиентам услуг за месяц (квартал). Наиболее

благоприятным сценарием является линейное увеличение пропускной способности бизнеса по мере роста нагрузки на него.

3. Параллелизм – характеризует количество одновременно выполняемых процессов и задач внутри бизнес системы без существенного снижения её общей производительности. Например, средний уровень рентабельности должен сохраняться одинаковым независимо от рынка и модели присутствия на нём бизнеса. Как правило, для успешного масштабирования бизнес–система должна обеспечивать высокий уровень параллелизма при минимальном снижении эффективности.

Своевременное выявление отрицательной динамики рассмотренных выше индикаторов позволяет команде стартап–проекта сделать вывод о том, что выбранная ими стратегия масштабирования является неэффективной и необходима её доработка с учётом полученных данных.

ВЫВОДЫ

По итогам проделанной работы можно заметить, что масштабирование является наиболее важным и рискованным этапом в жизненном цикле стартап–проекта, некачественное планирование которого может не обеспечить достижения поставленных целей, но привести к банкротству успешного ранее бизнеса.

Основной проблемой выбора оптимальной стратегии масштабирования стартап–проектов в отличие от более привычного бизнеса является ограниченность ресурсов, в первую очередь финансовых, что повышает риски и делает затруднительным создание собственной производственной–торговой сети.

По нашему мнению, наиболее оптимальным решением для большинства стартап–проектов будет создание франшизы или передача функций по продвижению своей продукции на аутсорс, что позволит увеличить присутствие бренда на рынке без существенных вложений и привлечь дополнительные средства, которые можно направить на развитие собственного производства и доработки продукта. При этом исключается вероятность конкуренции внутри одного бренда и/или снижения доверия к нему со стороны потребителей, как это допустимо в случае заключения лицензионных договоров.

При этом конечная эффективность масштабирования стартап–проекта и достижение поставленных целей во многом зависит от качества аналитической работы как на предварительном этапе, так и в процессе реализации выбранной стратегии.

Наличие исчерпывающих сведений о стартап–проекте позволяет не только определить потенциальный уровень его масштабируемости, но также и своевременно произвести корректировку выбранной стратегии при получении негативной реакции на неё со стороны бизнес–системы проекта.

Перспективы исследования заключаются в том, чтобы предложить механизм стратегического планирования различных форм масштабирования стартапов, а также разработать и апробировать систему показателей оценки эффективности масштабирования стартапов, в том числе для представленных кейсов.

Список литературы

1. Бондаренко А. В. Механизмы масштабирования микробизнеса // Социальные и экономические системы. 2023. № 2. С. 219–234.
2. Громов А. И., Фляйшман А., Шмидт В. Управление бизнес–процессами: современные методы: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 367 с.
3. Никонов О. К. Бизнес–модели масштабирования как стратегия развития иностранных и российских компаний // Экономика: Вчера, Сегодня и Завтра. 2022. № 12. С. 350–357.
4. Паштова Л. Г., Шохин Е. И., Булава И. В. Корпоративные финансы и управление бизнесом: монография. Москва: КноРус, 2021. 392 с.
5. Сафин Р. И. Основные риски масштабирования бизнес: сущность и особенности минимизации // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 12. С. 160–162.
6. Смирнова Е. А., Лукашов С. О. Сущность и способы масштабирования бизнеса // CHRONOS. 2022. № 11. С. 161–162.
7. Сумарокова Е. В., Давлатов А. М., Котова А. Н. Маркетинговые решения в масштабировании бизнеса // Материалы X Международного научно-исследовательского конкурса «Наука и просвещение». 2023. С. 26–30.
8. Кирильчук С. П., Артюхова И. В. Методологический инструмент в менеджменте отбора и масштабирования стартапов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 49–56.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 338.439.01

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Вершицкий А. В., Киселева А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vershitsky@gmail.com

В статье рассматривается общая характеристика продовольственной безопасности региона на примере Республики Крым. Проведен статистический анализ продовольственной самообеспеченности региона, выявлены основные проблемные аспекты в данной сфере. Предложен механизм совершенствования процесса обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Республика Крым, региональная самообеспеченность, импортозамещение, продовольственное прогнозирование.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение продовольственной безопасности является одной из ключевых задач государственной политики Российской Федерации, основные положения которой отражены в Доктрине продовольственной безопасности РФ [1]. В современных условиях влияния многочисленных геополитических, экономических и экологических факторов проблема обеспечения продовольственной независимости страны приобретает особую актуальность и ставит перед регионами Российской Федерации новые задачи в сфере развития аграрного сектора и производства продуктов питания.

Вопросы обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне получили довольно широкое освещение, став предметом множества отечественных исследований. Научное сообщество изучает проблемные вопросы продовольственной безопасности регионов с позиции различных аспектов: от развития сельского хозяйства региона и внедрения мер государственного регулирования до адаптации производства в условиях изменения внешних факторов влияния. Так, следует отметить позицию Касымова Д. Х. [2], который, раскрывая роль законодательной базы при формировании национальной продовольственной безопасности государства, акцентирует внимание на необходимости формирования эффективной региональной политики, позволяющей объективно оценить уровень обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации в условиях глобализации. Схожего мнения придерживается Насада А. Ю., рассматривая в своем исследовании проблемные аспекты продовольственной безопасности регионов с позиции отсутствия комплексного законодательного регулирования данной сферы на региональном уровне [3].

Отдельные аспекты исследования уровней продовольственной безопасности, связанные с выявлением проблемных зон в региональной продовольственной политике, а также разработкой мер для их преодоления, стали предметом анализа в работе Артемовой Е. И., Плотниковой Е. В. и Оболенской М. Н. [4]. В свою очередь,

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ...

Святохо Н. В. [5], исследуя проблемы и перспективы обеспечения продовольственной безопасности Республики Крым, отмечает, что государственная политика в сфере продовольственной безопасности должна учитывать специфику и потребности конкретного региона с целью формирования действенной системы продовольственной безопасности, способной выполнять свои функции даже в условиях чрезвычайных ситуаций.

Однако несмотря на наличие множества публикаций по многим аспектам обеспечения продовольственной безопасности региона, в настоящее время в отечественной науке отсутствуют комплексные исследования. Республика Крым с её специфическими геополитическими, климатическими и экономическими условиями сталкивается с особыми вызовами в обеспечении продовольственной безопасности. Ввиду ограниченных ресурсов, зависимости от поставок продовольствия из других регионов России, влияния санкционных ограничений, обеспечение устойчивого внутреннего производства и продовольственного самообеспечения требует скоординированной работы всех уровней власти. Несмотря на серьезные проблемы, сельское хозяйство региона имеет значительный потенциал развития и при государственной поддержке может стать ведущим сектором экономики региона [5]. Становится очевидной необходимость разработки и реализации комплексного механизма обеспечения продовольственной безопасности Республики Крым с применением методов долгосрочного планирования, учитывающего как внешние, так и внутренние факторы влияния.

В данной связи целью статьи является разработка направлений совершенствования региональной системы обеспечения продовольственной безопасности посредством обоснования применения прогнозных методов в контексте самообеспеченности территории на основе динамического и структурного анализа статистических данных, в частности, Республики Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В настоящее время вопросы продовольственной безопасности занимают центральное место в повестке дня многих субъектов Российской Федерации, включая Республику Крым. Обеспечение населения качественной и доступной продукцией, переход к импортозамещению, а также стимулирование внутреннего производства являются ключевыми факторами обеспечения стабильности и развития регионов страны.

Анализ ряда научных публикаций позволяет выделить три основных типа регионов в зависимости от уровня продовольственного обеспечения территории: аграрные регионы с благоприятными условиями для сельского хозяйства и преобладанием аграрного сектора; промышленно-аграрные регионы, где сбалансированы условия для сельского хозяйства и промышленности; промышленные регионы, неблагоприятные для развития сельского хозяйства, но с акцентом на промышленное развитие.

Республика Крым, являясь промышленно-аграрным регионом, характеризуется наличием как благоприятного климата и природных ландшафтов, обуславливающих

выращивание разнообразных сельскохозяйственных культур и видов продукции, так и различных предприятий пищевой промышленности.

Продовольственная безопасность государства тесно связана с внутренним производством продуктов питания, поэтому экспорт и импорт продовольствия следует рассматривать в контексте неразрывной связи с региональным сельским хозяйством. Так, основная доля в составе экспорта Республики Крым приходится на продовольственные товары и сырье для их производства. По итогам 2023 г. доля государств–участников СНГ, стран Азии и Африки во внешней торговле Республики Крым по продукции АПК возросла на 15 % по сравнению с предыдущим годом и достигла более 80 %. Основными покупателями крымской продукции АПК с наибольшим удельным весом в 2023 году стала Беларусь, доля которой составляет 73 % экспортируемой продукции АПК. В меньших объемах продукция АПК экспортировалась в Абхазию, Армению, Киргизию, Турцию, Узбекистан [6]. Кроме того, по данным Федерального центра оценки безопасности и качества зерна и продуктов его переработки, в Республике Крым в 2023 г. сертифицировано к экспорту 1 134 тыс. тонн зерновых, в том числе пшеницы – 532 тыс. тонн [7]. Основными направлениями экспорта крымского зерна в 2023 году стали Турция (32 % экспорта), Ливия (16 %) и Израиль (15 %). В меньших объемах зерно экспортировались в Саудовскую Аравию, Сирию, Ливан, Алжир, Беларусь, Пакистан, Казахстан и Узбекистан.

Сфера продовольственной безопасности в современных условиях является ключевым аспектом обеспечения экономической стабильности и социального благополучия населения в регионе. В соответствии с положениями Доктрины [1], основополагающим индикатором оценки продовольственной безопасности является уровень самообеспеченности территории.

Вместе с тем, данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о том, что уровень собственного производства основных социально-значимых групп продовольствия в Республике Крым за последние годы остается недостаточным для полноценного обеспечения потребностей населения региона. Несмотря на потенциал имеющихся ресурсов, сельское хозяйство и промышленное производство в Крыму сталкивается с рядом факторов, затрудняющих увеличение объемов внутреннего производства продовольствия. Подтверждением данных положений является динамика уровня самообеспеченности Республики Крым в сравнении с Краснодарским краем и Южным федеральным округом в целом (рисунок 1) [8].

Анализ самообеспеченности Республики Крым основными социально значимыми продуктами питания свидетельствует о том, что регион в полной мере способен удовлетворить внутренние потребности населения в большей части, но не во всех категориях продовольствия, что создает зависимость от ввоза товаров и увеличивает уязвимость региона перед внешними факторами. Предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности Республики вырабатывают широкий ассортимент продовольственных товаров, за исключением продуктов молочных сгущенных, картофеля переработанного и консервированного, овощей и грибов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ...

замороженных, муки рисовой, гречневой, ячневой, сахара, крахмала, дрожжей, какао-порошка.

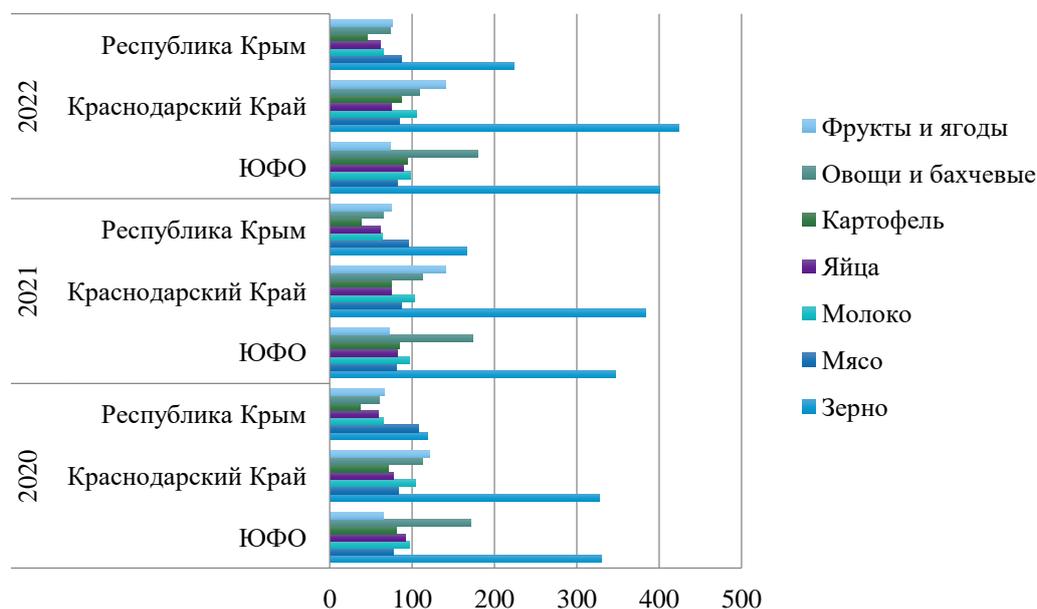

Рисунок 1. Динамика уровня самообеспеченности Республики Крым, Краснодарского края и Южного ФО основными продуктами питания в 2020–2022 гг., %.

Источник: составлено авторами на основе [6].

Вместе с тем, с начала 2024 года наблюдается снижение объемов производства свинины на 5,7 %, масла сливочного на 14,4 %, муки на 3,5 %, изделий колбасных на 9,7 %, круп на 5,5 % [6]. Исходя из этого, отсутствие или недостаточные объемы собственного производства некоторых видов продовольственных товаров требуют привлечения дополнительных ресурсов для удовлетворения потребностей населения региона.

Следует отметить, что Республика Крым имеет уникальные условия для развития сельского хозяйства и, как следствие, все условия для развития эффективной и конкурентоспособной пищевой и перерабатывающей промышленности. В отрасли пищевой и перерабатывающей промышленности сосредоточена пятая часть всех промышленных предприятий республики, в которой занято 28,2 тыс. человек. Однако доля крымских товаропроизводителей составляет около 30 % от общего объема реализуемых товаров. [6].

Нехватка отдельных видов продукции и сезонное увеличение спроса компенсируется поставками из других субъектов Российской Федерации [9]. Основными категориями ввоза остаются социально значимые продукты питания, такие как мясо и рыба, молочная продукция и бакалея, сахар и соль, что усиливает

зависимость региона от внешних поставок и создает риски продовольственной безопасности территории.

Так, импорт Республики Крым в основном представлен продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем [6]. Товарная структура основных продовольственных товаров в регионе характеризуется значительной частью ввоза продуктов питания из других регионов России, что создает дополнительные логистические затраты и увеличивает риски поставок продовольствия (рисунок 2).

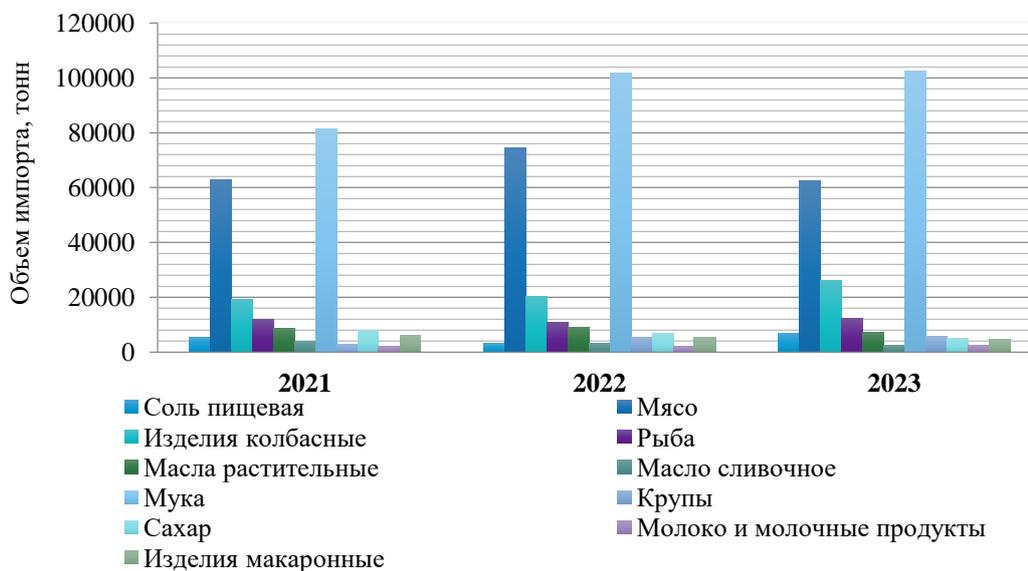

Рисунок 2. Товарная структура ввоза основных продовольственных товаров в Республику Крым 2021–2023 гг.

Источник: составлено авторами на основе [10].

Динамика товарооборота основных продовольственных товаров в регионе свидетельствует о том, что доля ввоза продовольствия в Республику Крым ежегодно увеличивается, а в некоторых случаях значительно превышает вывоз, подтверждая тот факт, что собственного производства в регионе все еще недостаточно для полного самообеспечения.

Главной же задачей на региональном уровне остается обеспечение производства товарной продукции в количестве, качестве и ассортименте в соответствии с потенциальными возможностями и потребностями внутреннего и внешнего рынка. В этой связи особое значение приобретает динамика товарных запасов организаций розничной торговли Республики Крым, представленная в таблице 1 [8].

Снижение количества товарных запасов в днях торговли в регионе, с одной стороны, характеризуется высоким уровнем потребления продовольствия в Республике Крым, с другой стороны, может свидетельствовать об отсутствии крупных логистических центров, которые обеспечивают эффективное распределение

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ...

товаров и управление запасами продовольствия.

Таблица 1. Динамика товарных запасов в организациях розничной торговли Республики Крым 2020–2023 гг.

Товарные запасы	2020	2021	2022	2023
Млн. рублей в фактически действовавших ценах	17285,4	19969,5	21040,8	15780,9
Обеспеченность запасами в днях торговли	56	49	43	32

Источник: [8]

Все вышеуказанные факторы в совокупности могут создать сложную ситуацию в сфере продовольственной безопасности Республики Крым, в связи с чем возникает необходимость внедрения комплексного механизма долгосрочного планирования и прогнозирования товарооборота для обеспечения потребностей региона. В данной связи согласимся с позицией Клименко А. И. [11], который в своем исследовании приходит к выводу о том, что отсутствие системы прогнозирования продовольственных запасов может привести к усилению продовольственных рисков.

Проводимая региональная антисанкционная политика предполагает, помимо всего прочего, проведение политики импортозамещения, направленной на поддержку отечественных производителей социально значимых товаров (в том числе продовольственных), реализуемой посредством множества механизмов государственной поддержки. основополагающие шаги в данном направлении сделаны, и для того, чтобы скоординировать дальнейшие действия, необходимо применение механизмов прогнозирования продовольственных запасов, соответствующих современным вызовам.

Одним из инструментов прогнозирования продовольственных запасов регионов на основе динамического и структурного анализа статистических данных может стать разработка календаря потребления региона, который позволит четко определить долю самообеспеченности республики и объемы необходимого ввоза продовольственных товаров. Календарь потребления сможет учитывать сезонность производства и потребления продукции, объемы экспорта и импорта, а также демографические показатели Республики Крым.

В свою очередь, на базе разработки прогнозных балансов продовольственных ресурсов впоследствии можно провести оценку потребности в импорте, динамику уровня самообеспечения, определение фондов потребления и расчет среднедушевого уровня потребления основных продуктов питания [11].

ВЫВОДЫ

Общая характеристика сферы продовольственной безопасности Республики Крым подчеркивает важность комплексного подхода к развитию и совершенствованию продовольственной системы, направленного на обеспечение продовольственной независимости, доступности и качества продуктов питания для населения региона. Для этого необходимо стимулирование развития внутреннего

производства, предоставление поддержки местным производителям сельскохозяйственной и пищевой продукции посредством субсидий, льгот налогообложения и других форм государственной поддержки. Кроме того, особое внимание должно быть сконцентрировано на укреплении прямых связей между регионами Российской Федерации для обеспечения поставок продуктов питания без посредников при минимизации логистических затрат. Строительство крупных оптово-логистических центров в данной связи будет способствовать эффективному хранению и распределению продовольственной продукции.

В свою очередь, внедрение прогнозных методов анализа показателей собственного производства и потребления Республики Крым может принести значительные положительные эффекты: во-первых, механизм прогнозирования позволит повысить уровень самообеспеченности региона основными социально значимыми продуктами питания, что укрепит продовольственную безопасность Республики в долгосрочной перспективе; во-вторых, календарь потребления позволит оптимизировать процессы межрегионального товарообмена, что позволит нивелировать внешние продовольственные риски. Наконец, данный инструмент создаст основу для более точного планирования продовольственных запасов и позволит разработать эффективные меры государственной поддержки агропромышленного сектора региона.

Обеспечение продовольственной безопасности Республики Крым остается основополагающим направлением социально-экономического развития региона, требующего комплексного подхода и принятия эффективных мер. Для успешной оптимизации региональной системы обеспечения продовольственной безопасности необходимо скоординированное действие всех заинтересованных сторон, включая правительственные и неправительственные организации, бизнес-сообщество и активное участие местного населения. Развитие внутреннего производства, укрепление логистической инфраструктуры и оптимизация системы поставок и распределения – ключевые факторы на пути к обеспечению устойчивого развития регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/.
2. Касымов Д. Х. Нормативно-правовое регулирование продовольственной безопасности в РФ // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 374–376.
3. Насада А. Ю. Правовые проблемы определения понятия продовольственной безопасности субъектов РФ и критериев ее достижения // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 232–241.
4. Артемова Е. И., Плотникова Е. В., Оболенская М. Н. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России её регионов // Вестник Академии знаний. 2020. № 3 (38). С. 44–49.
5. Святохо Н. В. Обеспечение продовольственной безопасности Республики Крым: проблемы и перспективы // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 4 (49). С. 193–204.
6. Министерство сельского хозяйства Республики Крым: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://msh.rk.gov.ru/structure/c97e7a6a-a306-46af-9e25-3560d79d2588>.
7. Федеральный центр оценки безопасности и качества зерна и продуктов его переработки [Электронный ресурс]. URL: <https://fczerna.ru/>.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ...

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

9. Гутникова О. Н. Крымский рынок мяса убойных животных и птицы: текущее состояние, прогноз развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 41–50.

10. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57846>.

11. Клименко А. И., Усенко Л. Н., Холодова М. А. Прогнозирование продовольственной безопасности региона в контексте экономической доступности продуктов питания // Мелиорация и гидротехника. 2022. № 1. С. 264–283.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 330.101.8

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И КАПИТАЛА

Дегтярев С. В.

Донецкий государственный университет, Донецк, Российская Федерация
E-mail: sergey_degtyarev97@mail.ru

В статье рассматривается история развития процессов концентрации производства и капитала с середины XVIII в. по настоящее время. Ретроспективный анализ проведен в разрезе экономических школ и их представителей. Особое внимание уделено анализу идей марксистской школы и её представителей относительно процессов концентрации капитала и производства. Особый вклад в анализ процессов концентрации производства и капитала внесли К. Маркс и В. И. Ленин. К. Маркс в своих исследованиях выделил факторы, предрасполагающие к появлению и развитию процессов концентрации производства и капитала. В. И. Ленин в своих работах определил связь между концентрацией производства и монополией, результатом которой стала теория «империализма как монополистического капитализма». Вместе с тем он определил концентрацию производства как фактор роста концентрации капитала. Был проведен анализ роли концентрации и централизации производства в становлении начальных этапов индустриальной стадии роста; развития процессов концентрации и централизации в некоторых странах. Предложена авторская периодизация подходов к развитию концентрации производства и капитала.

Ключевые слова: концентрация, производство, капитал, капитализм, монополия, эффект масштаба, конкуренция, акционерные компании.

ВВЕДЕНИЕ

Протекающие процессы деглобализации, борьба за экономические ресурсы, переход от однополярного мира к многополярному находит отражение в транснациональных корпорациях, а следовательно, процессы концентрации производства и капитала, в том числе и национальной экономики, являются актуальными, а решение проблем их развития представляет научный интерес и ценность.

Наблюдается дальнейшее развитие и возникновение новых форм концентрации и централизации производства и капитала, чему способствуют структурные изменения в современной мировой экономике. Их деятельность распространяется на все сферы экономической жизни и превращается в ведущую силу в современной мировой экономике.

Так, технологический сектор продолжает доминировать в ТОП–100 компаний по рыночной капитализации. Его доля по состоянию на 31 марта 2024 года составила 33 %, что больше на 5 п.п. по сравнению с прошлым годом. Акции «Великолепной семерки» за последние пять лет привели к увеличению совокупной стоимости 100 крупнейших компаний (по версии PwC), на долю которых приходится 34 % от общей капитализации. Среднегодовой показатель роста рыночной капитализации «Великолепной семерки» составляет 23 % [1].

В 2023 году «Великолепную семерку» возглавил Microsoft. После трехлетнего лидерства Apple уступила первое место Microsoft, которая вернула себе верхнюю строчку благодаря достижениям в области искусственного интеллекта и облачных сервисов, что привело к увеличению рыночной капитализации на 46 %. По версии

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

международной компании PwC, рыночная стоимость Microsoft оценивается в 3 126 млрд долл. [2], что равняется 53,4 % валового внутреннего продукта (ВВП) Германии, 75 % – Франции, 90,5 % – Италии.

Одной из форм концентрации и централизации выступают сделки M&A. Необходимо отметить, что по итогам 2023 года самая значительная сделка произошла в нефтедобывающем секторе: Exxon подписала соглашение о покупке Pioneer Natural Resources Co. за 59,5 млрд долл. США (за 64,5 млрд долл. США с учетом долга), а Chevron достигла договоренности о покупке Hess Corp. за 53 млрд долл. США (за 60 млрд долл. США с долгом) [3].

Вопросы концентрации производства и капитала, их экономического содержания и сущности являются объектом анализа ученых на протяжении всего времени.

Исследованию процессов концентрации производства и капитала посвящены работы представителей таких экономических школ и направлений, как классическая школа (А. Смит), марксистская школа (К. Маркс, В. И. Ленин, Р. Гильфердинг), неоклассическая школа (А. Маршал), неокейнсианство (Дж. Хикс, Й. Шумпетер, П. Сраффа, Дж. Робинсон, Э. Чемберлен), институционализм и новый институционализм (Дж. Гэлбрейт, Р. Коуз).

Среди современных ученых, изучавших данные процессы, следует отметить: Е. А. Гордеева, В. В. Потапова, И. С. Пильмана, Н. Г. Куцевола, Е. А. Кислова, Д. А. Сорокина и др.

Цель статьи – провести ретроспективный анализ процессов концентрации производства и капитала, а также с помощью графического метода отразить хронологический этап развития данных процессов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Многие отечественные и зарубежные ученые изучали функционирование и развитие концентрации производства и капитала, а также их результаты и основные последствия для экономической системы. Рассмотрим становление и развитие процессов концентрации производства и капитала в ретроспективном анализе.

Представители классического (А. Смит, Дж. Ст. Милль) и неоклассического направлений (А. Маршал, Дж. М. Кейнс, Э. Чемберлен) исследовали процесс концентрации капитала с позиции эксплицитного подхода, на основе которого экономика рассматривалась как множество систем. Их количество, масштаб и сложность определялись необходимостью выявить и описать типовые экономические явления и события того времени на основе устойчивых связей, неразрывность которых гарантировалась использованием универсальных механизмов товарооборота, разделения труда, кооперации или специализации производства, движения денег и капитала.

Они также исследовали сферы экономики, в рамках которых удовлетворялся интерес потребителя, а критерием экономической эффективности становилась максимизация удовлетворения потребностей.

Представители классической школы пришли к выводу, что концентрация производства и капитала являются синонимичными процессами и определили их, как развитие экономических отношений. Концентрацию производства и капитала изучали как объективное явление, неразрывно связывая его с развитием рынка.

Первые учения о концентрации производства относятся к середине XVIII века. В этот отрезок времени концентрация производства рассматривалась через призму конкуренции.

Основоположником классической теории конкуренции является А. Смит, в работах которого концентрация производства выступала основой для формирования конкурентоспособных фирм. Следует отметить, что концентрация производства им рассматривалась как неразрывно связанный процесс с развитием рынка безотносительно ее причин и способов реализации. А. Смит в одном из своих основных трудов «Исследование о природе и причинах богатства народов» подчеркнул, что разделение производства на мелкое и крупное происходит из-за разделения труда и специализации в соотношении с размером спроса [4, с. 10]. За счет разделения труда и роста производств происходит увеличение мануфактурных предприятий, в том числе оказывает влияние и увеличение размеров рынка.

В середине XVIII века первоначальное накопление капитала позволило дать старт развитию капитализма. Непрерывное развитие мануфактур способствовало созданию предпосылки для перехода к машинному производству: специализация и разделение труда, упрощение трудовых ресурсов.

Весомый вклад в изучение процессов концентрации и централизации производства и капитала внесли ученые марксистской школы. Марксисты дифференцировали эти процессы

К. Маркс – основоположник теории концентрации производства и капитала – выделил факторы, предрасполагающие к появлению и развитию вышеуказанных процессов, а также определил их формы и содержание. Им было установлено, что концентрация капитала отражается в концентрации производства, несмотря на существование различных форм капитала. «*Всякий индивидуальный капитал, – отмечает К. Маркс, – представляет собой большую или меньшую концентрацию средств производства ... всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе...*» [5, с. 639]. В итоге, капитал создается не просто товаром или рабочей силой, а товаром – рабочей силой, он создается как в обращении, так и в производстве. Данный факт свидетельствует о том, что интеграция всех видов капитала достигается при формировании промышленного капитала, который и создает прибавочную форму в отличии от других его форм. Все остальные формы являются производными от промышленного капитала.

Согласно теории К. Маркса, превращение прибавочной стоимости в капитал есть ничто иное, как накопление капитала, то есть концентрация капитала, которая происходит в процессе воспроизводства. К источникам концентрации капитала следует отнести: часть прибыли, вкладываемой в дополнительный капитал;

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

амортизационные отчисления; часть национального дохода, используемого для накопления государством. Концентрация капитала является постоянным, объективным процессом, неотъемлемым от эволюции человечества. К объективным экономическим факторам, обуславливающим необходимость накопления капитала, можно отнести рост производительности труда, улучшение качества средств труда, норму прибавочной стоимости, разницу между применяемой и потребляемой частью капитала и др. Таким образом, концентрация капитала – постоянное расширение ресурсной базы воспроизводства прибыли с целью её максимизации.

Любое накопление, – отмечал К. Маркс, – является средством нового накопления. С увеличением массы богатства, выступающего в качестве капитала, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов, что приводит к расширению производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства. Данная трактовка К. Марксом содержания и структуры капиталистической концентрации производства периода восходящего капитализма имеет важное значение. Маркс рассматривал её как единый, общий процесс, который реализуется в двух формах: «простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом», и централизация капиталов, т. е. «экспроприация капиталиста капиталистом» [5, с. 640]. Нарращивание производственно-экономического потенциала индивидуальных капиталов посредством капитализации части прибавочной стоимости является первой формой концентрации производства. Вторая форма (централизация капитала) есть «концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности... превращение многих мелких в небольшое: количество крупных капиталов» [5, с. 641].

Концентрация капитала порождает тенденцию к ограничению конкуренции, что в последующем приводит к монополии. Он показал, что данная тенденция ведет к застою капиталистического производства: «... если бы капиталобразование стало делом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон» [6, с. 284].

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин рассмотрел проблематику концентрации капитала в промышленном секторе, укрупнение производства, а также монополизацию экономики, в том числе отдельных отраслей. Изучая исторические предпосылки данного явления, он подчеркнул ключевую роль процесса концентрации капитала в формировании крупных промышленных предприятий, что в конечном счете приводит к появлению монополий: «громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во всех более крупных предприятиях являются наиболее характерными особенностями капитализма» [7, с. 310].

Образование монополистического капитала приводит к одновременному разрешению и усилению противоречия на более высоком уровне. Об этом писал В. И. Ленин: «Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно ... Это обострение противоречий является самой могучей

двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» [7, с. 422].

Продолжая учения К. Маркса о двойственном характере капиталистической концентрации, В. И. Ленин изучил обратное воздействие этого процесса на концентрацию капитала. Появление монополий он объяснял приспособлением капитала к закономерностям концентрации производства. В. И. Ленин показывает становление собственного содержания процесса концентрации производства как приобретение производством общественного характера.

Такой подход исследования позволяет продолжить развивать взгляды К. Маркса о противоречивом единстве капитала и производства. Изучение появления финансового капитала подводит В. И. Ленина к выводу о возможности противоположного движения процесса. Он отмечал: «Техническая концентрация прогрессивна в технике, финансовая может укреплять и укрепляет всеилие монополистического капитала и при отсталой технике» [8, с. 171].

Особо В. И. Ленин выделял роль концентрации производства и определил ее как «наиболее яркое и наиболее рельефное, но отнюдь не единственное проявление» [9, с. 599]. Одним из известных высказываний В. И. Ленина о монополии стал тезис, что основным и общим законом капитализма является появление монополий концентрации производства, которое дает базу к пониманию существования господства монополий.

Изучая взгляды В. И. Ленина на процессы концентрации, необходимо использовать не отдельные его высказывания, а весь понятийно-категориальный аппарат, связанный с ее развитием, применять ленинскую теорию концентрации производства и выведенный им закон экономической концентрации [10, с. 100].

Для современного исследования монополистической концентрации методологически важным является подход В. И. Ленина об объединении и сосредоточении производства в рамках индивидуального субъекта экономических отношений. Он характеризовал подобную концентрацию как составляющую часть процесса обобществления.

Проведенный анализ монополистических объединений предприятий позволил В. И. Ленину определить, что их появление усиливает обобществление не только внутри предприятий, но и в системе общественного производства. Данный процесс происходит благодаря концентрации производства, которая в монополии «синтезирует» новый уровень разделения труда.

Прогресс обобществления проявляется в возрастании монополистической концентрации. В рамках такой монополии производство расширяется в масштабах, которые являются общественно необходимыми, и отличается от расширения производства немонополистических субъектов. В. И. Ленин говорил, что крупные предприятия вытесняют мелкие сильнее, чем наоборот [11, с. 291]. То есть концентрация производства является фактором к росту концентрации капитала.

Ключевой особенностью концентрации производства в рамках монополии является возможность регулирования роста производства от размеров рынка. В условиях капиталистического формирования концентрации любой капиталист

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

стремится расширить свое производство и увеличить свой капитал до большего размера, чем он имеет.

В. И. Ленин закон экономической концентрации интерпретировал как «победы крупного производства над мелким», то есть происходит процесс уничтожения мелкого производства [10, с. 100].

Начальным этапом развития концентрации при капитализме В. И. Ленин выделил увеличение мелкого производства. Он писал: «поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его» [12, с. 344].

Объединение большего числа мелких индивидуальных капиталистов под руководством единого звена непосредственно ведет к возрастающей роли монополистических предприятий, что впоследствии ведет к росту концентрации производства и капитала. Нельзя рассматривать процесс концентрации производства лишь с точки зрения его объединения в более крупную и сложную производственную структуру. Организовывая производство в новых отраслях, мелкие производители сразу имеют тесную связь с крупными, высококонцентрированными производствами.

Концентрация производства проявляется через увеличение доли мелких и средних предприятий. В. И. Ленин говорил, что одним из факторов укрепления финансовой олигархии является концентрация производства мелких капиталистов [7, с. 345].

Таким образом, можно сделать вывод, что представители марксизма результатом объединения первоначальных затрат с частью прибавочного продукта при объединении производства считали увеличение размеров производства, то есть концентрацию производства. Накопление капитала является сдерживающим фактором концентрации, так как происходит процесс противостояния и конкуренции владельцев капитала. Накопление капитала характеризуется концентрацией средств производства, но в то же время отталкивает многие индивидуальные капиталы, так как препятствует притяжению капиталов, которое является концентрацией уже образовавшихся капиталов. Таким образом, данный процесс является централизацией производства, так как происходит перераспределение массы капитала, а не его увеличение.

А. Маршал при изучении концентрации производства рассматривал её только с положительной стороны. В научный обиход им было введено понятие «организация производства» как особого фактора, обеспечивающего рост производительности труда в обществе. А. Маршал продолжил учения А. Смита о разделении и специализации труда как основы благополучия фирмы. Им было отмечено, что акционерные компании имеют гораздо больший успех на рынке по сравнению с другими формами организации хозяйственной деятельности. А. Маршал отмечал, что акционерные компании более гибкие и способны безгранично расширяться в рамках своей сферы, при этом захватывая позиции во всех направлениях [13]. В своих исследованиях он пришел к выводу о создании крупных организационных структур в производстве, преимуществом которых является экономия за счет эффекта масштаба.

До середины XIX века процессы концентрации и монополизации рассматривались экономистами как отдельные явления. Неоклассическая микроэкономическая теория рассматривала рыночные аспекты концентрации капитала и монополизации в промышленности, при изучении данных процессов не учитывалась их взаимосвязь и исторический анализ.

Дж. Хикс продолжил исследование основ классической теории фирмы, сделав основной упор на то, что теория фирмы – это теория формирования и распоряжения капиталом. При анализе концентрации капитала он использует метод анализа фирмы как частного случая оптимизационного поведения индивида [14, с. 177–183].

Дж. Хикс утверждал, что накопление капитала возникает в том случае, когда затраты факторов производства увеличивают объемы выпуска или сокращают их затраты, но не сохраняют на прежнем уровне затраты и выпуск [14]. Интерпретируя концентрацию капитала с такой точки зрения, можно говорить о фактическом укрупнении производства и экономии за счет эффекта масштаба.

Й. Шумпетер также, как и представители марксизма, в своих работах учитывал взаимосвязь концентрации производства и монополии. В своей теории эффективной конкуренции и монополии он дал высокую оценку крупным предприятиям. Ключевое место в развитии государства Й. Шумпетер отводит монополии, однако не рассматривает ее как элемент, определяющий тип конкуренции.

В таблице 1 представлены особенности развития концентрации и централизации в некоторых странах.

Таблица 1. Становление концентрации и централизации в странах

Страна	Период	Характеристика
А	1	2
Англия, Нидерланды	XVIII в.	Образование централизованной мануфактуры преимущественно в отраслях по производству сахара, сукна и шелка. Промышленный переворот в Англии (XVIII–XIX вв.) способствовал формированию новой отраслевой структуры экономики страны и образованию монополий.
Франция	середина XIX в.	Развивается тяжелая индустрия и образуются крупные банки, такие как «Credit Mobilier» (в 1852), «Credit Lyonnais» (1865).
США	кон. XIX – нач. XX.	1 этап (с 1870–х до конца 1890–х гг.): горизонтальная интеграция (основные формы – пулы, аналоги картелей). 2 этап (с конца 1890–х до середины 1900–х годов): вертикальная интеграция.
Германия	кон. XIX в.	Концентрация капитала предприятий привела к возникновению картелей (в 1879 году было 14 картелей, а в 1890 г. – 290). Эти картели занимались преимущественно сбытом продукции, а синдикаты монополизировали переработку природных ресурсов.

Источник: составлено автором по материалам [15–16]

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

Высокий уровень концентрации капитала, в конце XIX – начале XX века способствовал выходу капитала за национальные границы, что привело к возникновению транснационального капитала. Наиболее активное формирование транснациональных корпораций наблюдается в 60–х гг. XX века. Возникновению транснациональных корпораций способствовали такие факторы, как НТП, внедрение новейших технологий, углубление общественного разделения труда и др. Начинает развиваться пространственная децентрализация производства, основанная на концентрации капитала в глобальном масштабе.

В XX веке банки начинают доминировать в сфере концентрации и централизации капитала, а начиная со второй половины XX века за, национальные границы начинают выходить финансово-промышленные группы и создаются транснациональные корпорации и банки. Транснациональные корпорации и транснациональные банки становятся ведущими формами концентрации и централизации капитала, формой консолидированного промышленного и финансового капитала. Создается международное производство вещественных товаров и услуг на подконтрольных предприятиях в разных странах мира. Концентрация капитала требует соответствующих организационных форм, позволяющих при необходимости вовлекать в производственный процесс максимальный объем доступных ресурсов. Изучению данных процессов посвящены труды Дж. А. Гобсона и Р. Гильфердинга [17–18].

Дж. А. Гобсон в работе «Империализм» исследовал неразрывную связь между концентрацией производства и концентрацией капитала, в том числе о возникающем при усилении концентрации в финансовой сфере «желании сильных и хорошо организованных финансовых групп развивать и обеспечивать себе ... рынки для избыточной массы своих товаров и капиталов» [18, с. 98]. В начале своего исследования обратил внимание на то, что при развитии концентрации производства в условиях свободной конкуренции она имеет положительные (развитие технического прогресса производства) и отрицательные (рост цены и сокращение потребления) последствия. Дж. А. Гобсон определил концентрацию производства в виде треста. «Первым результатом успешного образования треста или комбината является закрытие хуже оборудованных и хуже расположенных фабрик и заводов и заполнение всего рынка продуктами тех из них, которые лучше оборудованы и расположены. Этот процесс может сопровождаться ... ростом цен и некоторым сокращением потребления: в некоторых случаях тресты получают свои барыши главным образом от повышения цен, в других же – благодаря сокращению издержек производства, что достигается применением только лучших станков и уничтожением бесполезной конкуренции» [18, с. 76]. Он утверждал, что количество капитала в промышленности ограничивается концентрацией в данной сфере, который можно было вложить в эту сферу и в дальнейшем увеличить массу доходов, что позволит создавать и накапливать новые капиталы.

В своем главном научном труде «Финансовый капитал» марксист Р. Гильфердинг не проводил четких границ между процессами концентрации и централизации, он считал данные процессы синонимами.

В середине XX века большой интерес вызвала работа одного из представителей неокейнсианства П. Сраффы, в которой он привел доводы, что крупные фирмы получают дополнительные преимущества под влиянием увеличения производства. Реализовать преимущества они могут только при нарушении свободной конкуренции и оказании влияния на ценообразование.

Во второй половине XX века зародилось новое направление в экономической теории, которое получило название «новая институциональная экономика». В рамках этого направления исследователи старались модифицировать существующие концепции процессов концентрации и централизации производства и капитала. Яркими представителями институционализма и нового институционализма являются Р. Коуз, Ф. Найт, Д. Норм, Р. Бокэ, О. Харт, А. Алчан, О. Уильямсон и др.

В институциональной доктрине процессы концентрации производства и капитала рассматриваются с точки зрения институциональной структуры общества и возможностей ее изменения. Представители новой институциональной теории концентрацию производства и капитала связывают с минимизацией транзакционных издержек.

Следует отметить тот факт, что сильной стороной теорий институционализма и нового институционализма в рамках исследования данных процессов стали исследование институциональной природы фирмы и разработка моделей ее влияния на структуру рынка и отношений в нем. Досконально изучен эффект масштаба, который является следствием концентрации с точки зрения транзакционных издержек, в результате чего их можно использовать для сравнения эффективности концентрации производства и капитала.

В результате развития процессов концентрации производства и капитала в конце 60-х – начале 70-х гг. функционирование крупных предприятий приобретает новую форму – транснациональные корпорации (ТНК).

Появление и функционирование новых объединений не могло не найти отражение во взглядах ученых. Р. Мюллер утверждал, что процессы концентрации, рост слияний и развития внутрифирменных отношений ведут к отрицанию рынка и конкуренции. Однако процессы, протекающие в 80-х и 90-х годах показали противоположную тенденцию относительно мнения Р. Мюллера. Международная конкуренция не ослабела, а наоборот, увеличилась [19, с. 28]. Одним из основных факторов, повлиявших на усиление роли концентрации, стали процессы глобализации.

На основе проведенного анализа становления и развития концентрации производства и капитала [15–16, 19] предложена авторская периодизация концептуальных подходов к развитию концентрации производства и капитала с помощью инструмента хронологической визуализации – таймлайн, который учитывает изменение взглядов и научных подходов с эволюционной точки зрения.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

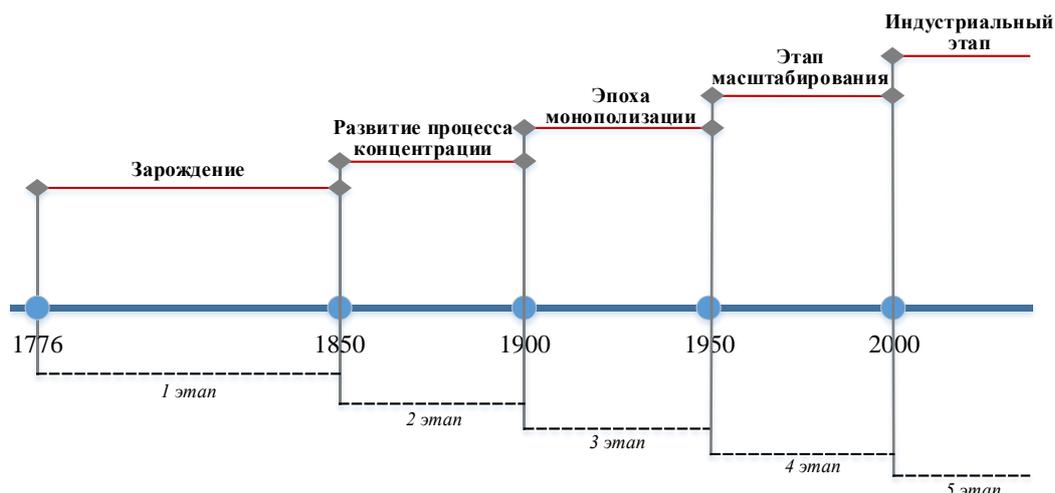

Рисунок 1. Периодизация концептуальных подходов к развитию концентрации и централизации капитала и производства (разработано автором).

Первый этап – зарождение (1776 – 1850 гг.). Промышленный переворот, то есть переход от ручного труда к машинному, вызвал интерес у экономистов к такому явлению, как концентрация производства. В этот период концентрация производства изучалась через призму конкуренции. Концентрации капитала не уделялось особого внимания.

Второй этап – развитие процесса концентрации (1850 – 1900 гг.). Данный этап ознаменован появлением, на наш взгляд, основного труда, посвященного изучению процессов концентрации капитала и производства – «Капитал». Маркс определил концентрацию производства как результат концентрации капитала. Концентрация производства – это ни что иное, как укрупнение предприятия.

Особое внимание в исследованиях Маркса было отведено капиталу. Капитал создается одновременно в обращении и производстве. К. Маркс описал процесс превращения прибавочной стоимости в капитал, определил его факторы, в результате которых и происходит процесс концентрации капитала. Также К. Маркс выявил зависимость между ростом капитала и его структурой, а также определил, что централизация капитала осуществляется за счет конкуренции и кредита.

Основоположником марксистской школы также определена централизация (производства/капитала) как форма концентрации, то есть централизация вытекает из концентрации. Кроме того, на этом этапе были сформулированы положительные и негативные последствия концентрации.

Третий этап – эпоха монополизации (1900 – 1950 гг.). В этот период подчеркнута ключевая роль концентрации производства в формировании крупных предприятий, в результате чего образуются монополии. Появляются такие организационные формы предприятий, как концерны и синдикаты. В изучении процессов концентрации и централизации производства некоторые ученые начинают рассматривать через финансовый капитал, который образуется путем слияния промышленного и банковского капиталов. В результате этого был сделан вывод о

том, что вмешательство банков введет к ускорению концентрации производства. Продолжено изучение положительных и негативных последствий концентрации производства в развитии экономики и общества. Концентрация капитала рассматривалась с позиции усложнения организационной структуры и управления рынка.

Четвертый этап – этап масштабирования (1950 – 2000 гг.). Данный этап характеризовался тем, что концентрация капитала возникает в результате укрупнения производства и экономии за счет эффекта масштаба. Концентрация капитала отождествлялась с концентрацией производства. Впервые были сформулированы противоречия между экономическими последствиями роста предприятий и социальными последствиями монополий представителями не марксистской школы.

Пятый этап – индустриальный (2000 г. – н.в.). Концентрация производства и капитала рассматривается как результат минимизации транзакционных издержек. Изучены положительные и отрицательные последствия концентрации капитала.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведя ретроспективный анализ развития и функционирования процессов концентрации производства и капитала, можно сделать вывод, что концентрация происходит во всех сферах: производство, финансы, обращение. Концентрация производства является фактором роста концентрации капитала, которая может еще существовать в форме централизации. В основе концентрации производства находится масштабирование факторов производства, а концентрации капитала – накопление и капитализация части прибавочной стоимости. Таким образом, концентрация производства – производная от концентрации капитала.

Полученные результаты исследования могут являться основой для анализа современных процессов монополизации в условиях нестабильной геополитической ситуации, способствовать выявлению и предотвращению угроз национальной экономической системе со стороны монопольных корпоративных структур. Определение взаимосвязи между концентрацией производства и концентрацией капитала позволит определить механизмы формирования современных корпоративных структур, а также получения монопольной прибыли в отраслях за счет исследуемых процессов.

Перспективы настоящего исследования связаны с изучением движущих сил и факторов, воздействующих на трансформацию процессов концентрации производства и капитала, а также их форм и методов оценки.

Список литературы

1. Global Top 100 companies by market capitalization // PwC. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/>
2. GDP // The world bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/>.
3. Объем сделок M&A в мире в 2023 году был ниже \$3 трлн впервые за десятилетие: офиц. сайт Интерфакс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/938331>.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов; [перевод с английского]. Москва: Издательство АСТ, 2019. 1072 с.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ...

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения [Текст]. Издание 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 908 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения [Текст]. Издание 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 25. Ч. 1. 554 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. 668 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 28. 854 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1971. Т. 3. 832 с.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 30. 832 с.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 4. 594 с.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. Издание 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 2. 696 с.
13. Маршал А. Принципы экономической науки [Текст]: [в 3 т.: перевод с английского]; [авт. вступ. ст.: Дж. М. Кейнс]. М.: Прогресс; М.: Фирма «Универс», 1993. Книга 4. Гл. 12. С. 362.
14. Хикс Дж. Стоимость и капитал: Пер. с англ. [Текст]; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–94] Р. М. Энтова. М.: Прогресс, 1988. 487 с.
15. Данилина С. А. Мотивы концентрации и централизации капитала [Текст] // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции, Брест, 24–25 апреля 2014 года / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Кафедра экономической теории, Брестский областной исполнительный комитет, Закрытое акционерное общество «Брестский научно-технологический парк»; редкол.: П. С. Пойта [и др.]. Брест: Альтернатива, 2014. С. 21–24.
16. Кизим Н. А. Концентрация и интеграция капитала [Текст]. Х.: Бизнес Информ, 2000. 102 с.
17. Гильфердинг Р. Финансовый капитал [Текст]: Новейшая фаза в развитии капитализма; Пер. с нем. И. Степанова. [Москва]: Огиз: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. Загорск. 460 с.
18. Гобсон Дж. Империализм; Пер. с англ. с предисл. к русск. изд. В. Б. Беленко. Ленинград: Прибой, [1927] (гос. тип. изд-ва «Ленингр. правда»). 286 с.
19. Проблемы исследования современного финансового капитала: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; [Отв. ред. А. В. Аникин, С. В. Пятенко]. М., 1989. 255 с.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 336.71

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫХ СТРАТЕГИЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Кирильчук С. П., Сиваков М. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: skir12@yandex.ru

В статье представлены результаты научного исследования формирования и реализации финансовых стратегий современных банковских организаций Российской Федерации в условиях постпандемийного и санкционного периодов, сложной геополитической и нестабильной социально-экономической ситуации. Рассмотрены роль, значение и виды финансовых стратегий коммерческих банков, проведен анализ размеров банковских организаций России и Республики Крым, выделены ключевые цели крупнейших участников банковского сектора экономики. Обоснованы перспективные стратегические направления деятельности отечественных банков, адаптированные под условия турбулентности внешней среды.

Ключевые слова: финансовая стратегия, банковский сектор, коммерческие банки, турбулентность внешней среды, зарубежные санкции, деструктивные факторы, наращивание капитала, адаптационные стратегии.

ВВЕДЕНИЕ

Гарантия финансовой безопасности современных коммерческих банков выступает одним из ключевых факторов формирования социального «института доверия» для всех субъектов экономических отношений. Являясь «кровеносной системой» финансового рынка, банки обеспечивают циркуляцию денежных потоков, формируют финансовую устойчивость его стейкхолдеров, отражают уровень благосостояния общества и его отдельных индивидов. В условиях турбулентности внешней среды роль банковского сектора в обеспечении финансовой безопасности государства, регионов, бизнеса многократно возрастает, что обуславливает актуальность темы проведенного исследования.

Современным банкам как финансовым посредникам присуща зависимость от различного рода деструктивов, негативное влияние которых позволяет снизить грамотно сформированная финансовая стратегия. В общем виде она понимается как система долгосрочных целей и принципов финансовой деятельности банка, а также комплекс мер по их достижению. Е. А. Бибикова и С. В. Симонцева дополняют и уточняют данное определение следующим образом: «финансовая стратегия банка – это система долгосрочных целевых установок в области привлечения и трансформации финансовых ресурсов банка, определяемых общими долгосрочными задачами его деятельности и финансовой политикой, а также система способов их достижения в условиях нестабильности факторов внешней среды» [2]. В свою очередь, Ю. С. Пименова трактует финансовую стратегию банка «как детализированный план действий, который охватывает весь процесс формирования

финансов и их планирования, направленный на достижение в долгосрочной перспективе общеорганизационных целей» [6].

В специализированной литературе можно встретить и другие определения финансовой стратегии банка, расширяющие понятийно-категориальный аппарат экономической науки [4]. Однако, несмотря на различные подходы, все они включают базовые постулаты: эффективное развитие, долгосрочные финансовые цели, финансовую деятельность, финансовые отношения и зависимость от внутренних и внешних условий среды. Именно углубленное изучение последнего фактора и стало основополагающим при написании данной статьи.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Целью проведенного исследования явилась оценка реализации финансовых стратегий коммерческих банков Российской Федерации в условиях турбулентности внешней среды. Методология проведенного исследования включает в себя структурный и статистический анализ, прогностическое моделирование, а также эмпирический синтез полученных результатов.

Как справедливо отмечает О. А. Синиченко, начавшаяся в 2020 году пандемия коронавирусной инфекции усугубила уже имеющиеся диспропорции международного финансового рынка, а многочисленные санкции зарубежных стран усилили их непосредственно для банков Российской Федерации [8]. Внешнее давление на отечественный банковский сектор Г. В. Семеко характеризует как беспрецедентное и считает, что «ограничение доступа российских кредитных организаций к мировому рынку капитала и международной платежно-расчетной инфраструктуре» негативно сказывается на социально-экономическом развитии России [7].

Классическая проблема невозврата заемных средств, выделенная А. М. Нургалиевой, А. П. Бейсеновым и Н. К. Кенжехановой [5], приобретает новые характерные черты в процессе цифровых трансформаций финансового рынка. Это не только глобальные вызовы кибербезопасности и постоянно совершенствующиеся хакерские атаки, но и усиливающееся влияние сети Интернет на потребительское поведение. По наблюдениям ученых из Великобритании О. Э. Досуму, Р. Сакариягу, О. Ойекола, Р. Лаваль, существует значительное негативное влияние настроений в социальных сетях на паническое массовое изъятие банковских вкладов и доходность мировых фондовых рынков. При этом в наибольшей степени страдают именно крупные, высокоразвитые в технологическом отношении государства, тогда как страны так называемого третьего мира практически не сталкиваются с указанной проблемой [10].

Адаптивная и динамичная финансовая стратегия банка помогает значительно снизить не только отрицательные последствия указанных проявлений турбулентности внешней среды, но и уменьшить риск их возникновения. Это достигается благодаря решению следующих задач банковской организации:

1. Обеспечение финансовой устойчивости и конкурентоспособности:

- финансовая стратегия позволяет сформировать оптимальную структуру активов и пассивов банка;

- она способствует эффективному управлению финансовыми рисками и поддержанию ликвидности;

- реализация финансовой стратегии повышает инвестиционную привлекательность банка.

2. Достижение стратегических целей развития банка:

- финансовая стратегия обеспечивает согласованность между целями, ресурсами и мерами по их достижению;

- она определяет приоритетные направления инвестирования и наращивания ресурсной базы;

- реализация финансовой стратегии способствует росту масштабов бизнеса и повышению конкурентных позиций банка.

3. Повышение эффективности управления финансами:

- финансовая стратегия обеспечивает системность и комплексность в управлении финансами банка;

- она позволяет оптимизировать распределение финансовых ресурсов и контролировать их использование;

- реализация финансовой стратегии повышает обоснованность принимаемых финансовых решений.

4. Обеспечение взаимосвязи с общей стратегией развития:

- финансовая стратегия тесно увязана с общей стратегией банка и обеспечивает ее финансовую реализуемость;

- она определяет финансовые возможности банка для осуществления стратегических инициатив;

- реализация финансовой стратегии создает синергетический эффект от согласованности всех направлений деятельности банка.

Таким образом, финансовая стратегия является важнейшим элементом стратегического управления коммерческим банком, позволяющим обеспечить его долгосрочную устойчивость и эффективность деятельности.

Отечественные банки используют различные финансовые стратегии, объединенные по трем направлениям: генеральное, оперативное и выполнения отдельных стратегических задач. Условиям адаптации к турбулентности внешней среды отвечает оперативная финансовая стратегия, в рамках которой банки могут придерживаться стратегий второго порядка: наращивания капитала, расширения депозитной базы, кредитования, инвестирования, других финансовых операций. Так, коммерческие банки России в 2023 году, несмотря на все внешние и внутренние деструктивные факторы, получили максимальную в истории отечественного финансового рынка чистую прибыль – 3,3 трлн руб. Этому способствовала как принятая в большинстве банков генеральная стратегия роста, так и оперативная стратегия наращивания капитала. «Избыток собственных средств в целом по сектору на конец 2023 года составил 5 трлн руб. – для банков это и существенная подушка безопасности в случае непредвиденных убытков, и возможность увеличивать кредитный портфель» [9].

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫХ СТРАТЕГИЙ КОММЕРЧЕСКИХ...

Структура крупнейших банков России по объему капитала представлена на рисунке 1.

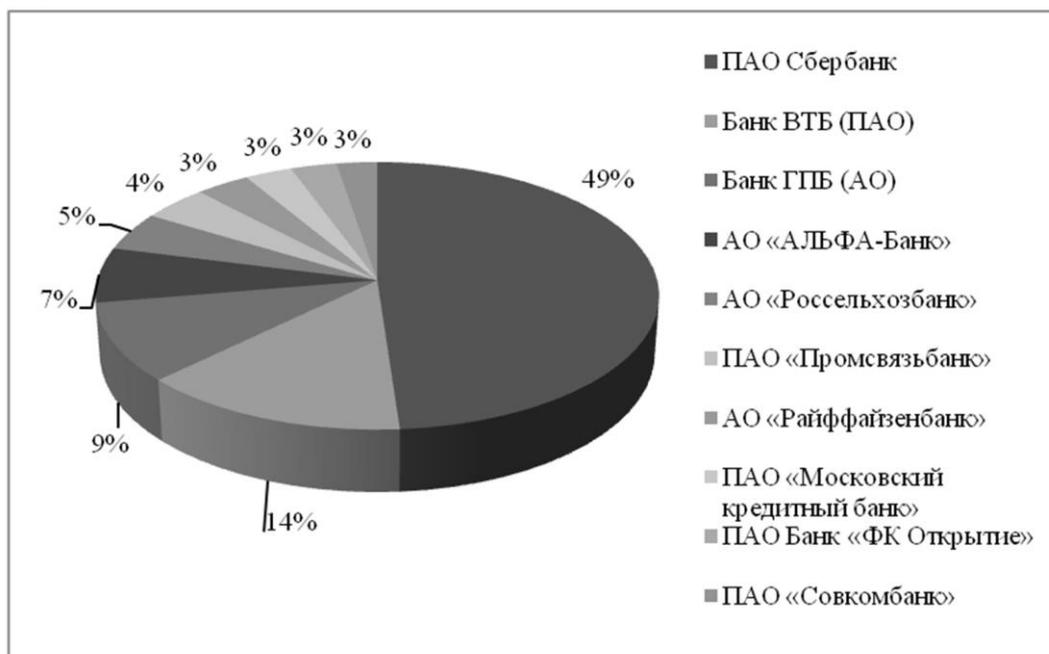

Рисунок 1. Структура крупнейших банков России по объему капитала в 2024 году, %.

Источник: составлено авторами по данным [1].

Как видно из данных, сгруппированных на рисунке 1, первое место в рейтинге коммерческих банков России с капиталом в 6265,2 млрд руб. занимает ПАО Сбербанк, на втором месте – Банк ВТБ (1781,4 млрд руб.), на третьем – Банк ГПБ (Газпромбанк) (1227,5 млрд руб.).

Финансовая стратегия Сбербанка на период 2024–2026 гг. представляет собой человекоцентричную бизнес-модель и направлена на развитие искусственного интеллекта «нового поколения», с помощью которого банк переведет большинство решений в онлайн, создаст «умного» AI-помощника для клиентов, а также демократизирует финансовые технологии. Кроме того, Сбербанк продолжит расширять финансовую экосистему, сформированную в предыдущие три года, а целевым ориентиром среднесрочной стратегии станут рентабельность капитала (ROE) выше 22,0 % и дивиденды на уровне 50,0 % чистой прибыли по МСФО.

Стратегия Банка ВТБ, также разработанная на период 2024–2026 гг., позволит увеличить доступность финансовых услуг для 100 млн. граждан благодаря росту числа отделений на 40,0 % и развитию курьерской доставки банковских продуктов в 23 тыс. городов и поселков России. В свою очередь, финансовая стратегия Газпромбанка в большей степени ориентирована на достижение краткосрочных

целей внедрения ключевых платежных технологий: цифрового рубля, унифицированного qr-кода и «единой розетки».

Региональные банки Российской Федерации придерживаются аналогичных стратегических целей с поправкой на территориальные особенности, уровень конкуренции и наличие «материнских» банков. Например, в Республике Крым в 2023 году были открыты отделения Сбербанка и Промсвязьбанка, однако в 2017 году их список был шире. Рейтинг банков региона в 2023 году представлен в таблице 1.

Таблица 1. Рейтинг банков Республики Крым по размеру активов, 2023 год

Наименование банка	Место по объемам активов в России	Размер активов, млн. руб.	Темп прироста активов за 2022-2023 гг., %	Рейтинговая оценка агентства «Эксперт РА»
АО «АБ «Россия»	13	1 296 617	27,5	Оценка – «ruAA». Прогноз – «стабильный».
ПАО «РНКБ»	28	233 826	14,9	Оценка – «ruA+». Прогноз – «стабильный».
АО «ГЕНБАНК»	95	51 434	12,5	Оценка – «ruBB». Прогноз – «стабильный».
АО «ЧБРР»	197	7 334	4,7	Отозвана с 2014 года.
ЗАО КБ «ИС Банк»	204	6 609	0,9	Отсутствует.

Источник: составлено авторами по данным [1].

В настоящее время наиболее универсальными банками Крыма можно назвать ПАО «РНКБ» и АО «АБ «Россия», однако банк «Россия», несмотря на сильные репутацию и статус, уступает банку «РНКБ» в широте охвата клиентов и рыночной позиции в регионе. Самыми небольшими кредитными организациями являются банк «ЧБРР» и «ИС Банк», которые имеют относительно слабое продвижение на региональном финансовом рынке, сравнительно маленький спектр услуг и пользуются спросом ограниченного круга лиц.

Независимо от размеров капитализации банки Республики Крым, как и банки России в целом, стремятся к оптимизации своих финансовых стратегий. Адаптационные направления развития банковского сектора находятся на стыке двух разноректорных финансовых моделей: цифровизации финансовых услуг [5, 9] и социальной ориентации бизнеса [11]. Те банки, которые сумели синхронизировать процессы внедрения технологических инноваций и клиентоориентированные траектории индивидуального обслуживания, обеспечены «специфическим практико-методическим инструментарием менеджмента стартапов», по мнению авторов С. П. Кирильчук, И. В. Артюхова [3, с. 49], как показывает практика, гораздо более устойчивы к вызовам и угрозам внешней среды.

В качестве перспективных стратегических финансовых решений для коммерческих банков Российской Федерации можно выделить следующие:

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫХ СТРАТЕГИЙ КОММЕРЧЕСКИХ...

- участие во вновь созданной в период зарубежных санкций СПФС – внутригосударственной системе передачи финансовых сообщений, обеспечивающей киберзащиту информационных данных и надежность их передачи;
- диверсификация банковской сети и внешнеэкономических операций с дружественными к России странами, формирование новых межбанковских корреспондентских отношений;
- поэтапная девальютизация кредитного портфеля, гибкое использование макропруденциальных надбавок, привлечение органов государственного и муниципального управления к формированию механизмов партнерства, поддержки и гарантийных выплат;
- поддержка бизнеса в части опережающего импортозамещения с целью формирования долгосрочных и стратегически важных партнерских взаимоотношений и др.

ВЫВОДЫ

Банковский сектор экономики относится к сферам не только повышенного риска, но и существенного влияния на социально-экономическое развитие общества и его институциональных структур. Снижение последствий влияния вызовов и угроз внешней среды банковской деятельности лежит в плоскости формирования и реализации адаптационных финансовых стратегий.

В теории и практике банковского дела выделяют несколько видов финансовых стратегий (генеральную, оперативную и отдельных стратегических решений), из числа которых в условиях экзогенной турбулентности наиболее востребованы две последних. Устойчивость к негативным изменениям сравнительно выше у тех банков, которые сумели синхронизировать процессы внедрения технологических инноваций и клиентоориентированные траектории индивидуального обслуживания.

Поскольку деструктивные явления и угрозы в основном носят вероятностный и случайный характер, адаптационные стратегии развития банковского сектора Российской Федерации должны включать моделирование типов финансовой безопасности в зависимости от продолжительности, степени, масштабов и глубины влияния турбулентности на деятельность коммерческих банков.

Список литературы

1. Банковский сектор: официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/banking_sector/.
2. Бибилова Е. А., Симонцева С. В. Финансовая политика коммерческого банка: значение, роль, принципы формирования // Вестник ИГЭУ. 2011. № 5. С. 70–73.
3. Кирильчук С. П., Артюхова И. В. Методологический инструмент в менеджменте отбора и масштабирования стартапов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 49–56.
4. Назарова А. О., Аннабердиева Н. Стратегические направления бизнеса коммерческих банков // Всемирный ученый. 2024. Т. 1. № 27. С. 646–652.
5. Нургалиева А. М., Бейсенов А. П., Кенжеханова Н. К. Роль финансовой стратегии в развитии коммерческого банка // Наука в жизни человека. 2022. № 1. С. 150–155.
6. Пименова Ю. С. Финансовая стратегия коммерческого банка: значение, виды, задачи, функции и принципы // Совершенствование инструментария финансового обеспечения стратегического развития

экономических систем РФ: сб. матер. Межд. науч.-практ. конф. (Самара, 29 марта 2019 г.); под общ. ред. Н. М. Тюкавкина. Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2019. С. 299–305.

7. Семеко Г. В. Банковский сектор России в условиях международных санкций // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 2 (54). С. 106–129.

8. Синиченко О. А. Адаптация банковского сектора к условиям неустойчивости глобальной финансовой среды // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 1 (57). С. 106–125.

9. Aleemi A. R., Javaid F., Hafeez S. S. Finclusion: The nexus of Fintech and financial inclusion against banks' market power // Heliyon. 2023. Vol. 9. Iss. 12. P. 225.

10. Dosumu O. E., Sakariyahu R., Oyekola O., Lawal R. Panic bank runs, global market contagion and the financial consequences of social media // Economics Letters. 2023. Vol. 228. P. 111–117.

11. Roziqov B. Tijorat banklarida moliyaviy xizmatlar sifatini oshirish va barqaror rivojlanish strategiyalari // IQTISODIY TARAQQIYOT VA TAHLIL. 2024. Vol. 4. Iss. 2. P. 218–223.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 330.341; 316.47

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Кравченко Л. А., Троян И. А., Реутова В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kравченко_L.A@mail.ru

Проанализированы и углублены теоретические основы взаимосвязи доверия, репутации и их влияния на социально-экономические показатели, исходя из положений теорий микро- и макроэффективности. Отмечается, что и доверие, и репутация представляют собой многоуровневые системы, включающие экономические субъекты, регионы и государство. Рассмотрена концепция доверия как одного из нематериальных ресурсов, который может быть использован государством для достижения экономических, социально значимых и общественно необходимых результатов. Авторами системно проанализированы факторы и уровни доверия экономических агентов. На основе исследования подходов к пониманию репутационного капитала раскрыта его сущность, определена роль в экономике. Подчеркнуто ключевое значение доверия и репутационного капитала в условиях цифровой трансформации и особенностей репутационной экономики. На основе диалектического метода познания обосновано, что в современных условиях результаты социально-экономического развития определяются высоким уровнем доверия и положительной репутацией.

Ключевые слова: доверие, репутация, экономические субъекты, деловая репутация, репутационный капитал, социально-экономическое развитие.

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные вызовы объективно обусловили формирование нового международного порядка как кардинальной перестройки всей системы международных отношений. Это вызывает смену императивов в современной экономической теории и социально-экономической политике. Основы действенности государственного регулирования связаны со способностью обеспечивать стратегические ориентиры социально-экономического развития с учетом национальных интересов, соблюдением определенных приоритетов, уменьшением вероятности потенциальных рисков, присущих рыночной экономике. Взвешенная экономическая политика предусматривает выбор оптимального инструментария регулирования, способного обеспечить достижение поставленных целей и необходимые результаты. Для этого должны быть учтены среда, в которой осуществляется политика, ее субъект, наличие ресурсов и возможностей. Несмотря на положительные тенденции российской экономики, все еще остро ощущается необходимость исследования ключевых факторов ее развития, поскольку при наличии множества соответствующих теорий и концепций до сих пор не решены важнейшие проблемы определения условий достижения устойчивого экономического роста. При этом следует учитывать, что эффект эндогенного развития достигается на основе высокого уровня доверия в обществе.

Доверие широко рассматривается в научных исследованиях в разных сферах: в межличностных отношениях, в бизнесе, в государственном управлении. К числу широко осуждаемых тем также относится проблема репутации в контексте ее

сохранения и укрепления как в обществе, так и в отдельных секторах экономики. Понятия доверия и репутации имеют много определений в соответствии с категориальным аппаратом различных наук. Их исследование имеет междисциплинарный характер, и они часто рассматриваются в политических, социологических, педагогических, юридических и экономических науках [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Эта тенденция вполне объяснима, так как междисциплинарный подход позволяет интегрировать концептуальные и методологические основы в различных областях знаний, что часто связано с определенными сложностями с точки зрения реализации в конкретных сферах практической деятельности, соотносимости рассматриваемых концепций и теорий, их объяснения и верификации [6].

При этом необходимо отметить недостаточность изученности как теоретических, так и прикладных аспектов исследования доверия. По данному вопросу еще нет единого мнения, а содержание терминов в их взаимосвязи не получило однозначного определения. Кроме того, в экономической научной литературе доверие во взаимосвязи с репутацией исследовано фрагментарно. Считаем, что недостаточно внимания уделено и практическим аспектам влияния доверия и репутации на социально-экономическое развитие Российской Федерации на микро-, мезо- и макроуровнях.

Объективность развития экономики России и ее регионов, а также сложность и недостаточная изученность проблем доверия и репутации обуславливают продолжение научных исследований, поскольку на этой основе раскрывается не только содержание данных понятий, но и строится стратегия государственного управления с учетом специфических функций в выполнении задач социально-экономического развития.

Целью статьи является развитие теоретических основ и практической составляющей доверия и репутации как факторов социально-экономического развития.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В современных условиях все большее значение получает развитие социальной сферы, корректирующей провалы рынка и смягчающей присущий ему дефицит справедливости. Это заставляет по-новому рассматривать роль социальных факторов, которые уже невозможно считать экзогенной переменной и абстрагироваться от них при изложении экономической теории. Современные экономические воззрения и теории все чаще обращаются к субъективным факторам развития экономики, теории и практики новых школ выстраивают свои научные исследования, основываясь и/или прибегая к выявлению социальных, психологических особенностей экономических субъектов, факторов, оказывающих влияние на индивидуальное поведение покупателей и продавцов, предпринимателей и других акторов на рынке.

Ранее разработано множество теорий экономического роста, повышения уровня благосостояния и качества жизни. Однако теории не всегда раскрывали ожидаемые результаты из-за игнорирования экономического поведения. Поведенческие модели, рассматривающие человеческое поведение, приобрели важное значение в последние

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ...

годы. Было замечено, что эмоции и мысли играют ключевую роль в создании различных экономических решений. Одним из факторов, влияющих на эти решения, также является доверие.

Феномен доверия формируется как результат реализации когнитивных моделей социальной реальности, которые могут совпадать с основными компонентами, такими как взгляд на национальные интересы, потребности локальных групп, цели и приоритетные задачи, общность интересов, ориентиры и критерии эффективности взаимодействия с точки зрения взаимных затрат и выгод. Современные исследователи среди новых факторов экономического роста называют также социальный капитал, понимая под ним такие явления, как доверие, правила сотрудничества, голосование, участие в референдумах, а также совместная деятельность в различных группах [7]. Доверие является результатом мобилизации социального капитала как совокупности актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием прочных разветвленных связей, которые в той или иной степени являются институциональными отношениями взаимного признания. Доверие определяется отношениями, поддерживаемыми существующими в конкретном обществе рынками и культурой на основе состояния ожидания взаимного обмена ресурсами [8]. Действительно, именно доверие становится базой формирования и развития социального капитала. Например, если рассматривать предпринимательскую сферу, то институт доверия играет важное значение, так как создает и повышает уровень ответственности людей в организации, тем самым способствует развитию профессиональной компетентности [3].

«Категория доверия характеризует, в первую очередь, общественные отношения, воплощающие в себе генезис формирования отношений между экономическими субъектами относительно реализации взаимных между ними обязательств и соблюдения соответствующих правил поведения, сформировавшихся в результате утверждения в течение длительного исторического периода формализованных и неформализованных институтов» [4]. Доверие – многомерное понятие, которое включает в себя доверие к государству, рыночным институтам, а также охватывает межличностное доверие – сеть общих норм и поведения, известную как социальный капитал. Этот последний и более широкий аспект доверия существенно влияет на различные экономические области, включая финансы, инновации, структуры организаций и рынки труда. Таким образом, доверие на микроуровне формируется не только под влиянием непосредственного опыта организации, но и в зависимости от среды, в которой она функционирует. «Формирование и рост доверия являются сложным социально-экономическим процессом, который зависит от совокупности таких факторов: деловой репутации организации; качества изготавливаемой продукции или оказываемых услуг; профессиональной привлекательности кадрового состава; информационной открытости организации; общности целей и согласованности интересов с потенциальным партнером; имеющегося опыта взаимодействия экономических субъектов; отсутствии сорванных контрактов; доходности, финансовой надежности организации на рынке» [2].

Одним из факторов формирования доверия к новым контрагентам является репутация. И в данном контексте, если доверие следует рассматривать как ожидание от какого-либо действия или взаимодействия, то репутация формируется на прошлом опыте и результатах действий и взаимодействий субъектов. Таким образом,

репутация становится проекцией создания института доверия в будущем. «Репутация в этом смысле является инструментом обеспечения доверия условиях неопределенности, что подтверждает важность механизмов ее оценки и учета» [9].

Репутацию возможно рассматривать как некую форму общественного мнения либо относительно объективную оценку этим обществом личных характеристик, прошлых результатов деятельности конкретного индивида, группы лиц, организации и института. В экономической теории говорят о деловой репутации, если имеют ввиду субъекта экономической деятельности. «Экономическая направленность определения «деловая репутация» характеризуется тем, что данный вид нематериального актива организации оказывает прямое влияние на стоимость организации, будучи конкурентным преимуществом в процессе осуществления экономической деятельности» [10].

В деловой среде также говорят о так называемом репутационном капитале как суммарной положительной оценке бизнеса партнёрами, конкурентами, клиентами, государством. Ученые под репутационным капиталом понимают «нематериальный институциональный ресурс (актив) экономического агента, обеспечивающий его конкурентные преимущества на рынке посредством генерации разнообразных сигналов для потребителей, характеризующих его качественно-количественные параметры развития и обеспечивающий производительность организации» [5]. За последнее десятилетие репутация стала таким же ценным товаром, как человеческий, интеллектуальный и инвестиционный капитал.

Репутационный капитал следует рассматривать как один из факторов производства, поскольку данный вид капитала следует воспринимать как результат деятельности самой организации, которая обеспечивает надлежащее качество товаров и услуг, отвечает спросу на рынке и в целом формирует свою положительную репутацию. «Репутационный капитал – это результат восприятия, знания и доверия к действиям фирмы в рыночных условиях, который вырастает из ее репутации, социальной ответственности, отношений потребительской лояльности и внутрифирменных отношений персонала» [11]. Также его определяют как общую сумму стоимости всех корпоративных нематериальных элементов, которые включают бизнес–процедуры, бренды и торговые марки, благотворительность, этические характеристики, качество и безопасность товаров и услуг, устойчивость развития. Этот термин, в первую очередь, представляет доверие к компании и ее лидерам и ценность их бренда как корпоративного, так и личного. В данном контексте репутационный капитал следует рассматривать как стоимость бренда организации и доверие, которое она завоевала у своих клиентов, инвесторов и общественности, что может повлиять на ее результаты деятельности и обеспечить долгосрочные конкурентные преимущества. «Подобно другим формам капитала возможна взаимная конвертация репутационного капитала в другие его формы – финансовый, материальный, социальный. Так, хорошая деловая репутация обеспечивает компании конкурентные преимущества, такие как приток клиентов, их лояльность, и, как следствие, способствует увеличению получаемой ею прибыли. Это является примером конвертации репутационного капитала в финансовый капитал. Формирование репутационного капитала требует определенных затрат, однако они могут быть эффективными инвестициями, приносящими доход. Социально ответственная компания получает важные преимущества и на рынке труда как

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ...

работодатель, привлекая высокопрофессиональных специалистов, обеспечивая лояльность персонала компаний. Так как репутация может способствовать развитию доверия со стороны клиентов, установлению долговременных связей с ними, в данном случае наблюдается преобразование репутационного капитала в социальный капитал, то есть в систему доверительных связей между организацией и сообществом клиентов и/или потребителей» [12].

Репутационный капитал развивается посредством последовательных действий, общения и способности соответствовать или превосходить ожидания заинтересованных сторон. Он является одним из важнейших аспектов любого бизнеса и наиболее трудно поддается количественной оценке, однако являясь нематериальным ресурсом, он все же измерим. Проследившая его взаимосвязь с репутацией как суммы ожиданий общества от возможных действий или поведения субъекта, формируется и основа для его оценки с помощью опросов, оценки бренда и анализа настроений в социальных сетях. Существуют три метода измерения репутации и уровня доверия:

- опросы, в которых респонденты сообщают о своем субъективном доверии к различным субъектам, институтам. Например, радиус социального доверия можно измерить, попросив респондентов оценить степень их доверия к различным категориям лиц, начиная с близких (например, семья) и расширяя до более далеких (например, незнакомцы);
- эксперименты, в которых доверие выводится из поведения участников [13];
- наблюдательное использование переменных и прокси, связанных с доверием [14].

Следует отметить, что измерение репутации и доверия – всего лишь инструментарий, который впоследствии позволяет обнаружить закономерности и зависимости экономики от трансформации репутационного капитала, в том числе и на региональном уровне [15]. И в этом контексте необходимо эффективное управление, которое подразумевает регулярный мониторинг и стратегическую коммуникацию для усиления позитивного восприятия и смягчения негативного. Доверие является ключевым фактором и международной привлекательности, о чем свидетельствуют Индекс легкости ведения бизнеса Всемирного банка, Отчеты о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума или Индекс восприятия коррупции. Доверие особенно важно для стран, которые хотят расширить свое участие в глобальных цепочках создания стоимости, поскольку оно имеет решающее значение для роста и расширения сложных отраслей с многочисленными межфирменными отношениями. Таким образом, исследование вопросов доверия и репутации формирует тройственность принципов, охватывающих стратегии влияния на поведение индивидов и деятельность организаций, на экономику в регионах и государственное управление в целом [16].

Репутационный капитал как нематериальный актив организации является краеугольным камнем ее устойчивого развития. Этот актив, часто называемый деловой репутацией фирмы, строится на нескольких основополагающих элементах, которые в совокупности способствуют ее общей устойчивости:

1. Надежность, в основе которой лежит доверие, оказываемое акционерами. Это доверие зарабатывается посредством последовательных действий, которые соответствуют заявленным ценностям и обещаниям.

2. Прозрачность – открытость в операциях и процессах принятия решений еще больше укрепляет это доверие. Такие компании, как Patagonia, которые предоставляют подробную информацию о своих цепочках поставок и деловой практике, являются примером прозрачности, позволяя заинтересованным сторонам увидеть приверженность компании этическим практикам.

3. Отзывчивость – способность реагировать и адаптироваться к потребностям заинтересованных сторон и изменениям рынка.

4. Последовательность – поддержание установленных правил и единого опыта во всех вопросах. Например, McDonald's создал себе мировую репутацию, гарантируя, что клиенты могут ожидать одинакового качества и обслуживания в любом из своих филиалов по всему миру.

5. Социальная ответственность – участие в социально ответственной деятельности. Организация TOMS Shoes «One for One», в рамках которой за каждую проданную пару обуви жертвуется одна пара обуви, является ярким примером того, как корпоративная социальная ответственность может быть интегрирована в бизнес–модель для создания положительной репутации.

6. Инновации. Постоянные инновации позволяют компании оставаться актуальной и прогрессивной в глазах заинтересованных сторон. Регулярное внедрение компанией Apple новых технологий и усовершенствований в ее линейке продуктов является свидетельством ценности инноваций в создании и поддержании прочной репутации.

Эти элементы при эффективном управлении и согласовании со стратегическими целями организации формируют основу, на которой строится надежная репутация. Они служат не только для привлечения клиентов, инвесторов и сотрудников, но и для обеспечения буфера против потенциальных кризисов или негативной рекламы. Доверие имеет решающее значение для роста и расширения сложных отраслей с множественными межфирменными отношениями. Государственная политика, направленная на содействие общему доверию, будет иметь существенные экономические последствия и для развития организаций.

Организации с высоким уровнем репутации могут рассчитывать на весомое поддерживающее поведение со стороны потребителей – 78 % хотят покупать их продукцию, 70 % стремятся в них работать, а 64 % готовы оказать поддержку во время кризиса, 53 % потребителей убеждены, что топ–10 компаний, являющихся репутационными лидерами, явно выделяются из бизнес–организаций. Среди драйверов, формирующих репутацию, важную роль играют качество продуктов и услуг, инновации, управление, результативность, лидерство и корпоративное гражданство. Особенную важность для организаций представляет образ ответственного корпоративного работодателя. Бизнесу необходимо учесть в своем развитии несколько важных правил: кризис – это не только необходимость поиска путей выживания, но и возможность повышения корпоративной репутации; чтобы стать репутационным лидером, следует прилагать больше усилий, так как репутация – это нестатичное понятие. Согласно результатам исследований, стоимость современной компании на 80–85 % формируется за счет нематериальных активов, самым ценным из которых является корпоративная репутация [17]. Все, от отзывов до индивидуальности бренда, может создать репутационный капитал, и все это сводится к одному слову: доверие. Чем больше доверия к субъекту, тем больше его

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ...

репутационный капитал. Положительная репутация позволяет лучше контролировать свои цены, добиться признания в отрасли и лидерства. Организации с сильным репутационным капиталом могут преодолеть кризис легче и быстрее, чем иные с отрицательной репутацией.

Исследования влияния доверия на экономический рост различаются не только с точки зрения используемых методов, но и в зависимости от предполагаемых каналов влияния. Известно, что экономический рост характеризуется как количественным, так и качественным изменением. И именно этот аспект экономического роста является основным в экономическом развитии, что особенно важно в современных условиях. Системные исследования доказывают высокую степень корреляции между обобщенным показателем доверия в обществе и уровнем ВВП на душу населения [18].

В текущих российских реалиях, когда из-за санкций организации стараются запастись критически важными компонентами, чрезвычайно важная задача – привлечение средств в экономику. Сегодня дефицит кадров появился как результат трансформаций в поведенческих установках и предпочтениях. После того как в 2020 г. многие ушли на дистанционный формат работы, потом неожиданно оказалось, что выходы оттуда разные. Кто-то решил остаться на «удаленке», кто-то вдруг обнаружил, что может работать сразу на три фирмы, кто-то решил создать собственный бизнес, а кто-то занялся креативной деятельностью. Все это существенно изменило ситуацию на рынке труда. И если ранее рынок труда был за работодателем, теперь он – за работником. Ученые утверждают, что для экономического развития России важны три составляющие: длинный взгляд (властей, бизнеса, населения), договороспособность и доверие большинству. Договороспособность – это условие жизни в стране, где есть разные культурные полюсы. Очень важный момент – это понимание того, что мы разные, но при этом должны быть настроены на договоренности, не презирать компромиссы [19]. Доверие большинству – это на данный момент самый сильный фактор, который влияет на уровень ВВП на душу населения. «Действия контрагентов становятся наблюдаемыми друг для друга. Недобросовестное поведение человека по отношению к одному из контрагентов может привести к потере репутации, снижению его рейтинга, что будет уменьшать возможность взаимовыгодного взаимодействия в дальнейшем» [20].

Исследования французских экономистов показали, что если бы в России уровень доверия был такой же, как в Швеции, то ВВП был бы на 69 % больше. Согласно исследованиям, уровень доверия сегодня в России низкий – около 25 %, но при этом велик его потенциал. Индекс доверия в российской экономике для юридических лиц выше, чем для физических лиц, однако для организаций он более подвержен колебаниям вследствие реакции на происходящие события как в экономической деятельности, так и в других сферах. Ученые полагают, что использование категории «доверия» для анализа различных форм влияния на экономику возможно через призму анализа его двух форм или ядер. «Закрытое доверие, которое дает некоторые экономические результаты, например, для жизни одного города, селения, но не дает положительных результатов для страны в целом. Второй вид доверия – доверие большинству. Оно дает очень большой экономический эффект – значительный рост в масштабах страны. Основная задача для России сейчас – найти возможность объединения усилий обоих ядер» [19]. В современных условиях «семье доверяют

82 % людей, но при определенных условиях готовы были бы 97 %. Соседям доверяют 21 %, но готовы были бы доверять 76 %. Людям, с которыми лично знакомы, доверяют 27 %, но готовы доверять 88 %. И даже впервые встреченным людям сейчас доверяют всего 2 %, но готовы доверять до 30 %» [21].

На степень доверия влияют различные условия, в том числе и Интернет, в котором есть анонимность, специальный язык. Доверие к тому или иному сообществу или отдельному его члену зависит от репутации. Хотя цифровая репутация является частью репутационной экономики, в основном контролируется гораздо более влиятельными и, возможно, сложными факторами – наличие значимой корпоративной цели, статус предпочтительного работодателя, управление конфиденциальностью данных и другие ключевые мировые тенденции репутации – именно они определяют уровень доверия в новых условиях. Концептуальный подход к обеспечению действенности института доверия в условиях цифровизации основывается на совокупности системообразующих факторов формирования и укрепления доверия, таких как: безопасность данных; платформенных систем; удобство и культура платформенного взаимодействия и др. В условиях цифровой трансформации и распространения шеринговых платформ меняются и определяющие доверие факторы на различных уровнях (рис. 1).

Рисунок 1. Доверие во взаимодействии субъектов экономики.

В современную цифровую эпоху присутствие продавца в Интернете является важнейшим компонентом его репутации. Профили в социальных сетях, рекомендации и онлайн-обзоры часто являются первыми точками контакта для

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ...

потенциальных клиентов. К каким-то советам индивиды прислушиваются, а какие-то игнорируют, и зависит их поведение от оценки репутации советчика. Довериться чужому мнению, проигнорировать или защитить себя от его поведения – в конечном счете, каждый решает сам. Специалисты по продажам должны помнить о своем цифровом следе, обращая внимание на то, чтобы их онлайн-личность соответствовала ценностям, профессионализму их взаимодействия в реальном мире.

Современный мир входит в эпоху так называемой репутационной экономики, определяемой как среда, в которой бренды строятся на основе того, как их воспринимают в сети, и обещаний, которые они дают в реальной жизни. Это рынок, где к профессионалам относятся как к продуктам, оценивают, комментируют и судят на основе репутации. Положительные взаимодействия с брендом будут означать новые возможности, а отрицательные – публично ухудшат репутацию бренда. Изучение репутационного ландшафта одной организации с целью минимизации рисков является недостаточным. Это также даст возможность сформировать определенный отраслевой коэффициент репутации. Репутационная экономика демонстрирует рост фриланса и цифровых профессий, в ней ключевая роль отводится репутации субъекта и доверия к нему в контексте цифровой трансформации работы со знаниями. Цифровые технологии не просто посредничают в производственных и организационных процессах, открывая новые способы удовлетворения спроса и предложения, но фактически способствуют распространению культурных концепций деятельности и ценностей, которые обещают стать новым стандартом отрасли.

ВЫВОДЫ

В настоящее время необходимы результативные технологии создания репутации России в условиях изменения мирового экономического порядка. Важными факторами, обеспечивающими экономическое развитие, являются не только материальные ресурсы, но и нематериальные, к которым относятся доверие и репутация. Исследование доверия имеет междисциплинарное значение, поскольку проблематика доверия находится на стыке нескольких наук – политической, экономической, социологической, психологической, юридической, государственного управления. При этом для каждой из них доверие выступает базовой концепцией, безусловной предпосылкой функционирования общественных институтов, рыночных отношений. Уровень доверия и репутации имеют не только отдельные организации, отрасли, регионы, но и страна в целом. В создании репутационного капитала государства непосредственно участвует каждый политический, социальный и экономический институт, от качества функционирования которых зависит формирование репутации страны. Таким образом, репутация выступает фактором формирования доверия, а деловая репутация способствует удержанию уже имеющихся партнеров и привлечению новых и значительно влияет на долгосрочное развитие. Ключевое значение сегодня приобретают лидерство, инновационность, гибкость и адаптивность, корпоративная этика, соблюдение принципов открытости при решении социальных вопросов. Следовательно, для повышения деловой репутации страны необходимо уделять особое внимание созданию благоприятных условий для развития человеческих

ресурсов. Успешная реализация социально-экономической политики должна соответствовать социальным, психологическим, технологическим, политическим требованиям современного общества, при этом доверие и репутация выступают драйверами экономического развития.

Список литературы

1. Гришин О. Е., Морозова В. В. Репутационный капитал современной России: проблемы формирования и реализации // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № (3). С. 84–95. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/49>
2. Пашук Н. Р., Белоглазова В. А., Варкулевич Т. В. Деловая репутация субъектов социального предпринимательства как фактор доверия региональных акторов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 3. С. 721–732. [Электронный ресурс]. URL: <https://1economic.ru/lib/117353>
3. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Захарова М. С. Доверие и репутация как компоненты когнитивного социального капитала организации // Социальная и экономическая психология. 2018. Том 3. № 4 (12). С. 150–177.
4. Реутов В. Е., Кравченко Л. А., Гиндес Е. Г. Доверие как институциональный фактор качества государственного управления экономикой // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2019. № 2 (64). С. 191–196.
5. Стуканова С. С., Стуканова И. П. Феномен доверия в системе высшего образования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 93–102. EDN: SOPFEM DOI: 10.24151/2409-1073-2023-1-93-102
6. Сафиуллин М. Р., Груничев А. С., Ельшин Л. А., Курбангалиева Д. Л. Факторный анализ влияния репутационного капитала на экономическую динамику региона // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 7. С. 1989–2004. doi: 10.18334/epp.10.7.110654
7. Апатова Н. В. Экономическое развитие и экономический рост: основные ориентиры в цифровой экономике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 3–14.
8. Князев Ю. К. Объективные и субъективные факторы в современной экономике // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 1. С. 127–140. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.9>
9. Яковлев А. А., Ткаченко А. В., Емельянова М. К., Балаева О. Н. Репутация и доверие в российской системе госзакупок // Journal of Institutional Studies. 2022. № 14 (1). P. 89–107. DOI:10.17835/2076-6297.2022.14.1.089-107
10. Белоглазова В. А., Варкулевич Т. В., Шилова А. Ю. Деловая репутация как экономическая категория: современные подходы и особенности для российских субъектов хозяйствования // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 12. С. 4567–4588. doi: 10.18334/ce.17.12.119866
11. Репутационный капитал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finansi24.ru/reputazkapital.htm>
12. Сарбаа Л. Н., Коньков А. Т. Репутационный капитал организации как социальная концепция // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2020. № 15–16. С. 47–50 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44779227>
13. Edward L. Glaeser, David I. Laibson, José A. Scheinkman, Christine L. Soutter, Measuring Trust, The Quarterly Journal of Economics, Volume 115, Issue 3, August 2000, Pages 811–846, <https://doi.org/10.1162/003355300554926>
14. Kucher, Marcel, and Lorenz Götte. «Trust Me. An Empirical Analysis of Taxpayer Honesty» FinanzArchiv // Public Finance Analysis, vol. 55, № 3, 1998, pp. 429–441. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/40912847>.
15. Розанова Н. Н. Репутационный капитал власти как ресурс регионального развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 3 (22). С. 63–68
16. Макеева Е. Ю., Ивашковская И. В., Ружанская Л. С., Попов К. А. Взаимосвязь социально-экономического развития регионов и корпоративных рейтингов российских компаний // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 86–102. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-7>
17. 2021 Global RepTrak 100. Глобальные лидеры репутации. [Электронный ресурс]. URL: <https://reputationcapital.blog/2021/04/2021-global-reptrak-100-globalnye-lidery-reputacii>

ДОВЕРИЕ И РЕПУТАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ...

18. Авдеева Д. А. Роль доверия в экономике // Социодиггер. 2021. Том 2. Выпуск 1–2 (7). С. 41–43. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-doveriya-v-ekonomike>
19. Правило трех Д: профессор МГУ раскрыл уникальную формулу процветания России. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/economics/pravilo-treh-d-professor-mgu-raskryl-unikalnuyu-formulu-procvetaniya-rossii/>
20. Никишина Е. Н. Доверие и шеринговые платформы // Вестник Московского университета. 2020. Серия 6: Экономика, № 4. С. 71–83. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43898757>
21. Культурные коды экономики: можно ли доверять большинству людей в стране. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/450665-kul-turnye-kody-ekonomiki-mozno-li-doverat-bolsinstvu-ludej-v-strane>

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 338.48

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В.

*Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа,
Российская Федерация
E-mail: mamleevaer@isi-rb.ru*

В настоящее время одним из бурно развивающихся видов экономической деятельности во многих субъектах Российской Федерации является туризм. Не является исключением и Республика Башкортостан, где туристическая отрасль является одним из инструментов развития территории. В статье проанализированы некоторые показатели развития туристической отрасли в регионе. Выявлены основные проблемы, тормозящие развитие туризма в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: туристическая отрасль, Республика Башкортостан, внутренний туризм, этнографический туризм, промышленный туризм.

ВВЕДЕНИЕ

На текущий момент одним из приоритетных направлений пространственного развития регионов Российской Федерации является туризм. Развитие туристической индустрии дает импульс для роста различных отраслей экономики, таких как строительство, промышленность, сфера услуг, торговля, транспорт и многих других, что положительно влияет на уровень социально-экономического развития территории.

В последние годы в нашей стране наблюдается бурный рост внутреннего туризма, обусловленный такими факторами, как пандемия; санкции, «сократившие для россиян возможности выезда за границу; транспортная доступность направлений и др.» [5].

Так, по итогам 2023 года, по оценкам Российского союза туриндустрии, внутренний турпоток вырос на 20 % по сравнению с предшествующим годом и составил 78 миллионов поездок, что стало историческим рекордом [2]. Эксперты центра отраслевой экспертизы «Туризм» считают, что в ближайшей перспективе внутренний туризм в России имеет потенциал для двухкратного роста [9]. Рост на 16,4 % по сравнению с 2022 годом продемонстрировал и выездной туризм, за рубеж выехали 8,1 млн. российских туристов.

На пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в июне 2024 года Президент Владимир Путин назвал развитие внутреннего туризма одним из приоритетов долгосрочной стратегии развития России. «За шесть лет доля туристической отрасли в валовом внутреннем продукте должна увеличиться до 5 %, а количество поездок по стране с размещением в гостиницах – вырасти до 140 миллионов человек.» Ключевыми задачами для развития туристической отрасли стране являются создание комфортной и доступной инфраструктуры для туристов. Отметим, что развитию туристической отрасли в нашей стране также способствовали программа туристического кешбэка (с 2020 по 2023 гг.) и национальный проект по развитию внутреннего туризма «Туризм и индустрия гостеприимства».

Республика Башкортостан (РБ) является одним из субъектов РФ, где активно развивается туристическая отрасль. Об этом свидетельствуют данные статистики. Если в 2018 году регион посетили 1,169 млн человек, то в 2023 году турпоток в республику составил 2,2 млн. чел. По сравнению с предыдущим годом рост составил 14 %. По данному показателю республика занимает 3 место в Приволжском федеральном округе и 12 – в России. На сегодняшний день в республике действуют следующие программы, способствующие развитию туристической отрасли в регионе:

- «Стратегия развития туризма в Республике Башкортостан до 2035 года»;
- Государственная программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Башкортостан»;
- Программа организации однодневных туров для старшего поколения «Башкирское долголетие. Туризм».

РБ обладает огромным туристическим потенциалом, который включает в себя разнообразные природные ресурсы, уникальные географические объекты, культурно-историческое наследие, рекреационную инфраструктуру. Все это позволяет развивать в регионе различные направления туризма: культурно-познавательный, экологический, оздоровительный, сельский, событийный и др.

Цель исследования – на основе анализа показателей, характеризующих функционирование туристической отрасли РБ и опросов представителей турфирм выявить основные проблемы, препятствующие эффективному развитию туризма в регионе.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Проанализируем некоторые показатели, характеризующие развитие туристической индустрии в РБ.

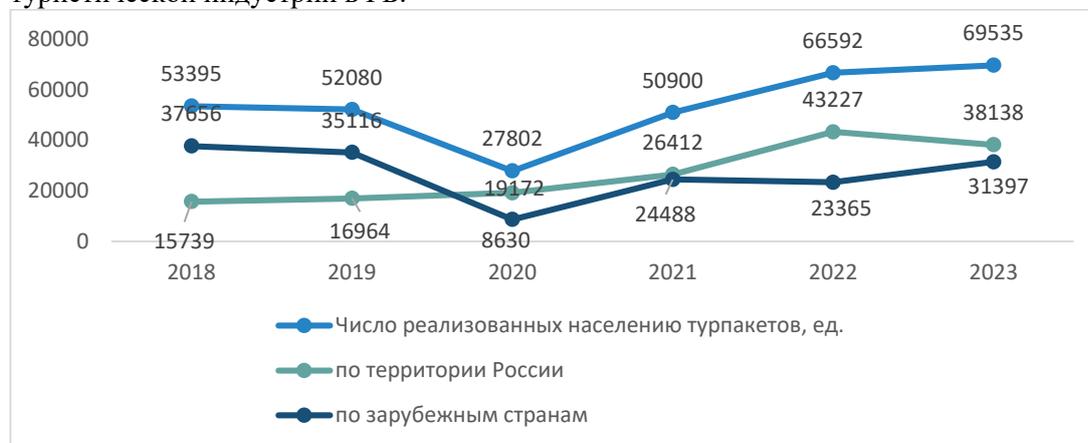

Рисунок 1. Число реализованных населению турпакетов, ед.

Источник: составлено авторами по [6].

Число реализованных турпакетов населения в 2023 году по сравнению с 2018 годом увеличилось на 30,2 % (рис. 1). Если в 2018–2019 гг. преобладали турпакеты

по зарубежным странам (около 70 % от общего числа реализованных турпакетов), то начиная с 2019 года, ситуация кардинально меняется. В 2020 годом доля турпакетов по РФ составляла 69 %. В последующие годы удельный вес турпакетов по территории нашей страны сокращается и в 2023 году составляет 55 %. Число реализованных турпакетов по территории РФ за исследуемый период возросло почти в 2,5 раза; по зарубежным странам напротив сократилось на 16,6 %. Стоимость всех реализованных населению турпакетов увеличилась на 68,7 %. Стоимость реализованных турпакетов по РФ увеличилась в 2,7 раза (с 597,7 млн. руб. до 1617,8 млн. руб.); по зарубежным странам в 1,5 раза. Согласно данным Башкортостанстата, прирост цен на услуги внутреннего туризма за период с 2018 по 2023 гг. увеличился в 1,4 раза; услуги в сфере зарубежного туризма подорожали в 1,5 раза.

Положительную динамику демонстрирует число туристов, отправленных из РБ по РФ (за исключением 2020 года) (рис. 2). До 2020 года жители региона предпочитали отдыхать в зарубежных странах. Так, в 2019 году более 73 % туристов, отправленных из РБ, выехали на отдых за границу. В 2020 году уже 60 % туристов из региона отправились в туры по стране. В 2023 году удельный вес туристов, отправленных из РБ по РФ, составил 54 %. Если говорить в целом, то в 2023 году по сравнению с 2018 годом рост числа туристов, отправленных из РБ по России, составил 2,7 раза. Максимальное число туристов, отправленных по нашей стране, было зафиксировано в 2022 году. В 2023 году жители республики кроме местного отдыха (56,1 %), чаще всего отправлялись в Краснодарский край (23,7 %), а также в г. Москву, г. Санкт–Петербург, Республику Татарстан и Республику Крым

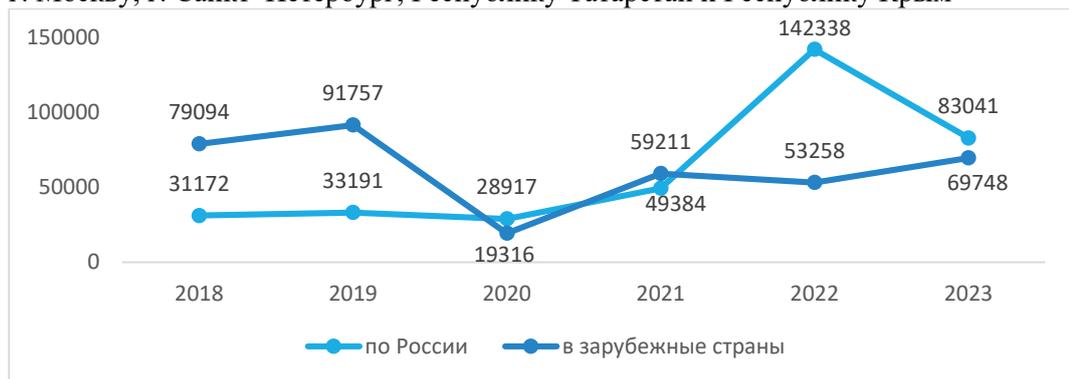

Рисунок 2. Число туристов, отправленных из Республики Башкортостан в зарубежные страны и по Российской Федерации, чел.

Источник: составлено авторами по [4].

С 2021 года наблюдается планомерный рост числа туристов, выезжающих из региона в зарубежные страны. Популярными направлениями выездного зарубежного туризма в 2023 году стали Турция, Египет, ОАЭ. Увеличилось количество туристов в Китай и Италию. При этом посещение европейских стран (Франции, Испании, Кипра и др.) заметно снизилось.

Показателями, отражающими инфраструктурное развитие туристической отрасли, являются показатели, отражающие количественные и качественные характеристики коллективных средств размещения (КСР).

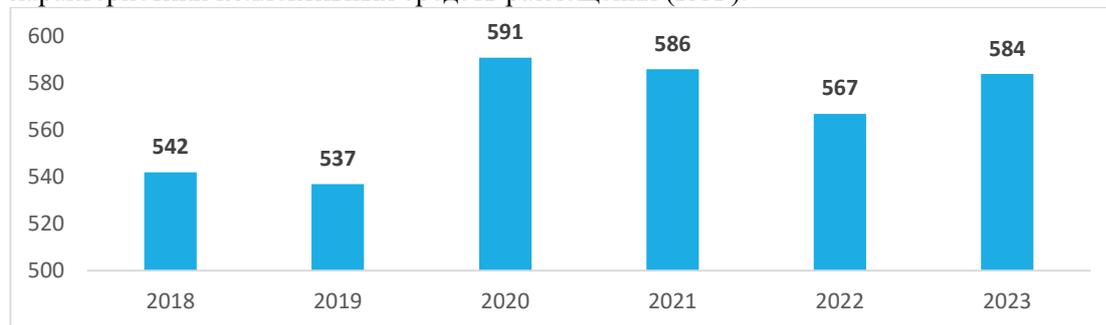

Рисунок 3. Число коллективных средств размещения, ед.

Источник: составлено авторами по [8].

Показатель «Число коллективных средств размещения» показывает неоднозначную динамику (рис. 3). После подъема в 2020–2021 гг. число КСР к 2022 году заметно сокращается. Однако в целом в 2023 году по сравнению с 2018 годом число КСР увеличилось на 7,7 %.

Рисунок 4. Число номеров и число мест в КСР, ед.

Источник: составлено авторами по [6].

Число мест и номеров в КСР также демонстрирует неравномерную динамику. Число мест в КСР увеличивалось до 2020 года, затем стабильно сокращалось; номерной фонд показал положительную динамику с 2018 по 2021 года, затем число номеров уменьшается. Вместе с тем отметим, что весь исследуемый период 2018–2023 гг. численность лиц, размещенных в КСР, стабильно увеличивалась (за исключением 2020 года), рост в 2023 году по сравнению с 2018 годом составил 25 %.

Для того чтобы удовлетворить спрос со стороны приезжающих из регионов на отдых в республику в Башкортостане, активно расширяется и модернизируется туристическая инфраструктура. В последние годы одним из перспективных направлений внутреннего туризма в РБ являются глэмпинги. В республике разработана «Концепция развития глэмпингов в 2021–2024 гг.», согласно которой в

регионе к 2024 году должно было появиться не менее 50 глэмпингов. Однако на конец 2023 года в республике уже функционировало 76 глэмпингов.

Традиционно востребованными в РБ являются лечебно-рекреационный, оздоровительный, экскурсионный, спортивный (спелеотуризм, восхождение в горы, велотуры и др.) туризм. Популярным направлением отдыха для жителей и гостей региона являются сплавы. На сегодняшний день в республике действуют более 1700 туристических маршрутов, из которых более 100 составляют сплавы.

Активно в РБ развивается этнографический туризм. Точками притяжения этнографического туризма в регионе являются geopарки «Торатау» и «Янган-Тау», государственный заповедник «Шульган-Таш», этнографический комплекс «Бабай Утары», башкирская усадьба «Алтын кош», этно-туристический комплекс «Сердце Башкирии», этнопарк «Иная». Развитие этого направления туризма способствует не только привлечению туристов в регион, позволяет также сохранить культуру, традиции и обычаи народов республики [1].

Новый импульс для развития научно-образовательного туризма в регион получил с открытием таких объектов, как историко-музейный комплекс «Шульган-Таш» и Евразийский музей кочевых цивилизаций.

Успешно развивается в РБ и гастротуризм. Так, в 2021 году глобальный маркетплейс для автодорожных поездок BlaBlaCar составил свой рейтинг из пяти регионов России с необычной национальной кухней, в котором республика заняла 1 место, оставив позади Иркутскую область, Республику Татарстан, Новосибирскую область и Республику Адыгея [3].

Большие перспективы для развития в Башкортостане имеет промышленный туризм. В регионе расположено более 80 объектов исторического промышленного наследия, в числе которых комплекс Преображенского медеплавильного завода (Зилаирский район), комплекс Верхоторского медеплавильного завода (Ишимбайский район), комплекс Воскресенского медеплавильного завода (Мелеузовский район) и др. Большинство заводов власти региона планируют отреставрировать и превратить в полноценные туристические объекты. В настоящее время для проведения полной научной реставрации выбраны 4 комплекса: медеплавильные заводы Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский и Преображенский, которые были построены симбирскими купцами И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым в XVIII веке. В РБ реализуется акселерационная программа развития промышленного туризма, предприятия-участники которой могут создавать готовые туры и предлагать их жителям и гостям региона через региональных туроператоров. Производственные экскурсии проводят такие предприятия региона, как «Агидель» (специализируется на башкирских художественных промыслах), индустриальные парки «Уфимский» и «Промцентр» и пять предприятий в Благовещенске: Благовещенский арматурный завод, Приуфимская ТЭЦ, Павловская ГЭС, ПОЛИЭФ и др. [4]

По итогам 2023 года, число туристических компаний в регионе составляет 1,3 тыс., РБ входит в десятку регионов-лидеров по данному показателю.

Однако несмотря на достаточно уверенное развитие доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте не превышает 3 % (в 2021 году – 2,7 %).

ВЫВОДЫ

Авторами были проведены экспертные интервью с представителями туристических фирм в регионе о состоянии, перспективах и основных проблемах развития туристической индустрии в РБ. В результате были сформулированы проблемы, тормозящие развитие туристской индустрии в регионе:

- автономность функционирования различных элементов инфраструктуры туристической отрасли: доступность и полноценность информации о достопримечательностях, удобство навигации, наличие мест размещения, точек питания, досуга и др.;

- неразвитость туристской инфраструктуры, в том числе отсутствие дорог к туристическим локациям, недостаток мест размещения, точек питания, досуга и др. Последние пять–десять километров до любой башкирской достопримечательности – это всегда как минимум проселочная дорога. Из-за этого стоимость транспортных услуг растет «неимоверно», так как 40–60 % стоимости тура – это транспортные расходы. Например, в Белорецкий район приезжает более 140 тыс. чел. в летний период, при этом дорога Уфа–Белорецк требует серьезного ремонта; для проезда до горы Ирмель необходим капитальный ремонт и строительство дороги Белорецк – Тирлян – Николаевка –Верхнеаршинский;

- невысокий уровень сервиса и его несоответствие установленным ценам; в республике отсутствуют единые стандарты туристского сервиса и механизмы аккредитации степени соответствия этим стандартам мест размещения, точек питания и др. Так, многие туристические базы, рестораны и кафе на пути следования туристических маршрутов лишь поверхностно знакомы со стандартами индустрии. В данных заведениях встречается посуда со сколами, грязные приборы и др., что отпугивает туристов;

- несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей некоторые аспекты туристской деятельности. Например, для привлечения инвесторов в строительство объектов туристской инфраструктуры (глэмпингов и др.) необходимо внести изменения в российское законодательство касательно разрешения строительства на особо защитных участках;

- отсутствие взаимодействия между участниками туристического рынка, непрофессионализм работников туристической сферы; острая нехватка квалифицированных и компетентных специалистов предприятий гостеприимства;

- присутствие на туристском рынке республики «серых» гидов, которые собирают группы в социальных сетях без каких-либо разрешительных документов. Контролирующие органы, в свою очередь, направляют свое внимание преимущественно на официальных игроков рынка, почти не замечая «нелегальных» экскурсоводов;

– недооцененность некоторых видов туризма в регионе. Например, по мнению опрошенных экспертов, медицинский туризм в республике настоящее время имеет большой потенциал для развития. Офтальмологические, перинатальные, кардио-, неврологические, стоматологические клиники ежегодно в РБ посещают сотни тысяч человек, в том числе из-за рубежа, однако это поездки частные, а не организованные туроператором. Также большой потенциал для дальнейшего развития имеют такие виды туризма, как гастрономический, этнический, промышленный, сельский;

– недостаточное финансирование туристической отрасли. При этом отметим, что в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» республикой привлечено 740 млн рублей федеральной поддержки. Также со стороны республиканских властей были предусмотрены следующие меры поддержки. При строительстве глэмпинга в регионе можно получить земельный участок в аренду без торгов, а также субсидировать затраты на инженерную и транспортную инфраструктуру. Однако сами предприниматели считают, что импульс для развития туристической отрасли в республике даст снижение налогов. Так, в период пандемии предпринимателям, использующим упрощенную систему налогообложения (УСН), в качестве меры поддержки правительство РБ снизило ставку до одного процента. Ставка в 1 % «позволила увеличить налоговые поступления и сократить сегмент теневого бизнеса в туристической отрасли региона» [10];

– отсутствие в республике проработанных стратегий и механизмов (в том числе в сфере нормативно-правового регулирования), которые позволяли бы в полной мере использовать потенциал природных парков и заповедников. В РБ, как и в РФ, преобладает запретительный режим природопользования, что является одним из препятствий для развития экотуризма в регионе;

– недостаточное количество различных мест притяжения для туристов разных возрастов. В республике проводится незначительное количество событийных мероприятий, что сокращает турпоток в регион;

– отсутствие единого систематизированного туристского портала, объединяющего все аккредитованные маршруты, достопримечательности, места размещения, точки питания и др. Также необходимо дать возможность потенциальным туристам бронировать различные туры, места размещения, покупать билеты для просмотра достопримечательностей региона и др.;

– недостаточно активное продвижение туристских брендов республики на внутреннем и внешнем рынках;

– недостаточная информированность участников туристского рынка о различных федеральных и региональных мерах поддержки.

По мнению представителей туристической отрасли, у региона имеется значительный потенциал для эффективного развития туристической отрасли, который до конца не реализуется.

Статья выполнена в рамках государственного задания ИСИ АН РБ за 2024 г.

Список литературы

1. Ахметов В. Я. Этнокультурный туризм как одно из перспективных направлений межмуниципального и межрегионального сотрудничества в развитии сельских территорий Республики Башкортостан и Челябинской области // Вестник ГУУ. 2022. № 11. [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-turizm-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-mezhmunitsipalnogo-i-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-v-razviti-i-selskih>.

2. Внутренний туризм в России в 2023 году побил исторический рекорд. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/tourism/industry/articles/2024/05/15/1037177-vnutrennii-turizm-pobil-rekord>

3. Гастрономический тур по Башкирии: республика заняла первое место в рейтинге с необычными блюдами в стране [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/28337/4482178/>

4. До 40 заводов Башкирии могут начать пускать туристов на свои территории. [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/20/04/2023/644126bf9a7947ba00e64f00>

5. Развитие внутреннего туризма определит транспортная доступность. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/06/24/doletim-doedem.html>

6. Рынок туризма в Республике Башкортостан в 2018–2023 гг.: аналитическая записка. Уфа: Башкортостанстат, 2024, 17 с., таблицы, диаграммы

7. Тайны земли уральской: какие бренды предлагает этнотуристам Башкирия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/nacproject/2023-10-24/taynu-zemli-uralskoy-kakie-brendy-predlagaet-etnoturistam-bashkiriya-3489313>

8. Туризм в России. Сборник. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/182905?print=1>

9. Эксперт считает, что внутренний туризм в РФ имеет потенциал для двукратного роста. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20435999>.

10. Эксперты обсудили перспективы развития туристического бизнеса в Башкирии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/13/04/2023/6438028c9a7947a52b8d6b40?from=copy>

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 339.9

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Никитина М. Г., Кузнецов М. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: inecondp@mail.ru

В работе раскрывается сущность санкций как инструмента экономической политики, а также описываются стратегии развития внешней торговли в условиях санкционного давления и рассматриваются оценочные инструменты реализации внешнеторговой стратегии. Проанализированы состав и структура санкционного воздействия на внешнеторговые отношения Российской Федерации, развитие которых происходит в разрезе этапов и особенностей адаптации внешнеторговой стратегии к новым условиям. Проведена оценка влияния санкций на внешнюю торговлю основными товарными группами. Выявлены и обоснованы тенденции российской стратегии импортозамещения и нового внешнеполитического курса.

Ключевые слова: санкционное давление, внешнеторговая стратегия, внешнеторговая политика, экспорт, импорт, импортозамещение.

ВВЕДЕНИЕ

За последние 30 лет многие отрасли экономики Российской Федерации стали тесно интегрированными в глобальные цепочки создания стоимости. Так, российские производственные предприятия зависят от постоянного притока деталей и комплектующих из-за рубежа, в особенности высокотехнологичных товаров и компонентов, а также транспортных средств.

В таких условиях актуальность вызывают стратегии, способные существенно снизить негативное санкционное давление и, в первую очередь, это импортозамещение и технологический суверенитет, действие которых усиливается за счет использования механизма параллельного импорта.

Наряду с развитием внешнеторговой стратегии значимым является изучение трансформации внешней политики страны, которая ищет пути выхода из складывающейся ситуации, что актуально и требует детального изучения.

Тематика санкционного давления на экономику Российской Федерации и ее ответных мер на агрессивную политику западных стран привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей.

Аспектами стратегии снижения санкционного давления в своих трудах уделяли внимание Богдан Н. И. [4], Гатаулина Р. Р. [6], Иваненко О. Б. [9], Алхассан А. [18], Барбер Я. [19] и другие. Вопросами стратегического развития внешней политики занимались Глазьев С. Ю. [7], Гусев М. С. [8], Ершова И. [24], Тараканова Н. В. [17], Бессам Х. Е. [20] и другие.

Цель статьи – выделить тенденции и перспективы формирования внешнеторговых отношений Российской Федерации в условиях санкционного давления на основе оценки реализации внешнеторговой стратегии в период с 2013 по 2022 годы.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

САНКЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С РАЗВИТИЕМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

С развитием экономической глобализации появилось несколько инструментов, которые использовались странами или учреждениями в целях оказания давления на поведение правительств других стран.

Международные санкции являются одним из наиболее широко используемых инструментов принуждения во внешней политике [19].

Термин «экономические санкции» охватывает преднамеренный, инспирированный правительством отказ от традиционных торговых или финансовых отношений или угрозу отказа от них в целях внешней политики и политики безопасности [27].

В общем виде под экономическими санкциями понимаются так называемые ограничительные меры, представляющие собой действия, налагаемые одной или несколькими странами (странами–инициаторами) против другой страны (н) (страна–мишень или цель), ее должностных лиц, группы или отдельных лиц.

В настоящее время в экономической науке не сформирована однозначная теоретическая и методологическая базы для изучения воздействия санкций, несмотря на доказательства их влияния на снижение экономического роста, занятости и покупательной способности в целевых странах [21].

В эмпирических исследованиях экономических последствий санкций утверждается, что введение санкций негативно влияет на торговые потоки [15, 16], провоцирует валютные кризисы [7, 11], увеличивает неравенство доходов и разрыв в уровне бедности [13] и препятствует экономическому росту [11].

Применение санкций постепенно усиливалось в период после окончания холодной войны, чем привлекли интерес ученых и политиков, вызвав многочисленные дебаты и поместив их в центр международной политики.

Предполагается, что санкции наносят экономический ущерб, чтобы заставить страну–мишень изменить свою политику [26].

Следовательно, санкции могут служить карательными, демонстративными или упреждающими мерами для обеспечения соблюдения со стороны государства–объекта санкций. Более того, они инициируются отдельным государством (в одностороннем порядке) или международной организацией (на многосторонней основе) и осуществляются с использованием таких инструментов, как замораживание активов, эмбарго, экспортные и импортные ограничения, запреты на поездки, приостановление действия экономических соглашений, блокирование и прекращение иностранной помощи [18].

Тотальное эмбарго встречается редко. Современные действия по введению санкций в отношении отдельных участников мирового рынка расширились так называемыми секторальными санкциями, родоначальником которых являются США.

Разница между секторальными санкциями и традиционными санкциями заключается в том, что организации, включенные в идентификационный список секторальных санкций, не подпадают под общие запреты.

Политика применения санкций к конкретной стране чаще всего используется с целью сокращения возможностей развития этой страны и вытеснения ее из мирового экономического пространства.

В свою очередь международные торговые соглашения обычно направлены на устранение дискриминации между продуктами и услугами местного происхождения и товарами и услугами других производителей. Некоторые торговые соглашения защищают местные правила посредством выборочных исключений или оговорок [23].

Все это находит свое отражение в зависимости одних стран от экспорта других стран, что в конечном итоге ведет к ситуации, когда применение по отношению к этой стране ограничительных мер (санкции) приводит к резкому падению или полному отсутствию на внутреннем рынке импортных товаров, что существенно сказывается на ее благосостоянии.

В связи с чем преодоление санкционного воздействия странами сводится к выработке стратегических решений, опирающихся на национальный индустриальный потенциал, в виде импортозамещения, параллельного импорта и технологического суверенитета.

Эти три стратегии снижения санкционного воздействия активно применяются в мировой практике, позволяя тем самым странам–мишеням реализовывать собственные интересы в рамках развития национальных интересов через внешнеторговые отношения.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ

В процессе развития экономики Российской Федерации, когда санкционное давление становится новой реальностью в организации и реализации внешнеторговых отношений страны, основными действующими странами–инициаторами ограничительных мер становятся США и ЕС.

Как отмечает в своей работе В. Моисеев, «изначально европейским и другим западным компаниям было запрещено экономическое сотрудничество с Россией, банкам было отказано в кредитах на срок более 90 дней, а также был запрещен длинный список экспорта современных технологий и комплектующих» [14].

Не являясь основным торговым партнером Российской Федерации, США стали родоначальниками среди западных стран, которые начали вводить антироссийские санкции. Масштабные санкции против России начали вводиться в апреле 2013 года из-за смерти российского аудитора Сергея Магнитского. Далее первый набор мер на основе Закона о международных чрезвычайных экономических полномочиях (ИЕЕРА), установленный исполнительными приказами президента 13660, 13661 и 13662, был принят в 2014 году, нацелившись на стратегические секторы российской

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

экономики, и, таким образом, послужил ранней моделью для аспектов последующих раундов санкций [29].

Программа санкций против вредной иностранной деятельности в России началась в 2021 году с выпуска исполнительного приказа 14024, а Положения о санкциях в отношении вредной иностранной деятельности в России были выпущены в мае 2022 года [22].

21 февраля 2022 года президент США издал исполнительный приказ 14065, запрещающий «лицам США» осуществлять новые инвестиции в регионы ДНР и ЛНР, а также заниматься торговлей, включая экспорт, импорт, реэкспорт, продажу или поставку товаров, услуг или технологий.

Отметим действующее всеобъемлющее эмбарго на операции с двумя регионами с 2014 года, а также Республикой Крым.

В целом, вводимые санкции со стороны США можно разделить на блокирующие (в США это список SDN – Specially Designated Nationals) и секторальные (в США это список SSI – Sectoral Sanctions Identifications).

Секторальные санкции – это целевые санкции в отношении конкретных отраслей в стране, на которую распространяются санкции, для лучшего управления воздействием санкций на мировую экономику. В отношении экономики России секторальные санкции вводились как минимум на год с перспективой их пересмотра через три месяца (31 октября 2014 года) в зависимости от их эффективности.

В настоящее время большинство организаций, подпадающих под секторальные санкции, являются российскими, и Управление по контролю за иностранными активами впервые определило их как «Способствующие ситуации в Украине». Такие организации фиксируются и вносятся в списки секторальных санкций, который начитывает 177 страниц, где наряду с отечественными предприятиями присутствуют некоторые венесуэльские и иранские имена.

В целом, санкции в 2022 году были нацелены на отдельных российских лиц, принимающих решения, а также на российский оборонный, финансовый и энергетический секторы.

США использовали экспортный контроль для ограничения экспорта технологий в Россию, особенно связанных с ее оборонными возможностями.

США и их союзники особенно сильно ударили по российскому финансовому сектору серией жесточайших мер, которые в конечном итоге привели к иммобилизации большей части активов, которые ЦБ РФ, Министерство финансов и Фонд национального благосостояния держали за рубежом, а также к полной блокировке всех крупных российских финансовых учреждений.

Управление по контролю за иностранными активами ввело санкции против всех пяти крупнейших российских банков в 2022 году.

Совместные меры США и их сателлитов включают многосторонние экономические санкции, финансовые ограничения и экспортный контроль в ключевых секторах российской экономики.

США и ЕС совместно с другими единомышленниками формируют устойчивую санкционную сеть, опутывающую внешнеторговые отношения мира с участием

Российской Федерации, из которой наша страна ищет пути выхода за счет внедрения ответных мер и формирования эффективной внешнеторговой стратегии.

Стратегия всегда является продуктом политического процесса, т. е. стратегия в своем формировании требует направлений, которые могут быть обеспечены только политическим процессом, в то время как политика не может быть реализована без стратегии. В связи с этим формирование внешнеторговой стратегии невозможно без анализа внешнеторговой политики страны.

С 2014 года в России началось формирование внешней политики как дипломатии великих держав. Данный переход был вызван украинским кризисом в феврале 2014 года и последовавшей за ним конфронтацией между Москвой и Западом.

Основными событиями, произошедшими во внешней политике этого периода, стали:

1. Противостояние Западу и поддержание сотрудничества только в крайне ограниченных областях, таких как ядерное разоружение.

2. «Поворот на восток», то есть развитие политического и экономического сотрудничества со странами АТР и продвижение интеграция в АТР.

3. Сохранение доминирующей роли России в регионе СНГ в виде создания в 2015 году ЕАЭС, что направлено на содействие дальнейшей экономической интеграции в рамках объединения.

4. Возвращение доминирования на Ближнем Востоке. Военная помощь России в Сирии в сентябре 2015 года укрепила ее роль в этой стране и расширила влияние на регион в целом.

После событий февраля 2022 года в Российской Федерации была отменена старая концепция внешней политики и утверждена ее новая редакция [2].

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ САНКЦИЙ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ ОСНОВНЫМИ ТОВАРНЫМИ ГРУППАМИ В ПЕРИОД 2013–2022 ГОДЫ

Для оценки взят период с 2014 по 2022 годы, когда санкционное давление на экономику Российской Федерации ознаменовалось запретом внешнеторговых отношений целых регионов страны – Республики Крым и г. Севастополя, а это 2014 год. В свою очередь, 2013 год представлен как базисный год для выявления динамики изменений в развитии внешнеторговых отношений Российской Федерации, а 2022 год указан как последний год периода, потому что, начиная с него и за последующие годы, нет официальных данных или же они неполные и могут существенно отличаться от реальной картины.

Основными индикаторами влияния санкций на внешнеторговую стратегию Российской Федерации выступают показатели внешней торговли – экспорт и импорт, динамика которых позволяет оценивать происходящие тенденции в этой сфере (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, начиная с 2014 г. и по 2021 г., экспорт Российской Федерации был ниже показателя базисного 2013 года и лишь в 2022 году значение экспорта товаров было незначительно выше сравниваемого года. Темп роста в 2022 году составил 109,58 %.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

Импортные операции по сравнению с 2013 годом имели тенденцию к снижению, хотя в 2021 году была положительная динамика роста, но в целом за 2022 год темп роста составил всего 63,18 % от базисного.

Таблица 1. Значения основных показателей внешней торговли товарами Российской Федерации

годы	2013 (базис)	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт, млрд долл. США	527,26	497,83	333,50	285,49	357,08	449,34	422,77	337,10	492,31	577,79
темп роста экспорта	100,00	94,42	63,25	54,15	67,72	85,22	80,18	63,93	93,37	109,58
темп прироста экспорта	0,00	-5,58	-36,75	-45,85	-32,28	-14,78	-19,82	-36,07	-6,63	9,58
Импорт, млрд долл. США	314,94	286,64	177,29	182,26	226,96	238,15	243,78	231,66	293,50	198,97
темп роста импорта	100,00	91,02	56,29	57,87	72,07	75,62	77,40	73,56	93,19	63,18
темп прироста импорта	0,00	-8,98	-43,71	-42,13	-27,93	-24,38	-22,60	-26,44	-6,81	-36,82
ВТБ	212,32	211,18	156,20	103,22	130,11	211,19	178,99	105,43	198,81	378,82
ВТО	842,21	784,48	510,79	467,75	584,04	687,49	666,55	568,77	785,81	776,76

Примечание: ВТБ – внешнеторговый баланс; ВТО – внешнеторговый оборот

Источник: составлено авторами по данным [31].

Внешнеторговый баланс Российской Федерации характеризуется как положительный (рис. 1), что касается внешнеторгового оборота, то он не существенно снизился в целом относительно 2013 года.

На рисунке 1 можно отметить, что во внешнеторговых отношениях Российской Федерации в период с 2013 по 2022 годы отмечаются периоды снижения экспорта 2014–2016 гг., 2019–2020 гг., а также периоды роста – 2017–2018 гг. и 2021–2022 гг. Это относится и к импорту, с одной оговоркой, что в 2022 году наблюдается снижение импорта.

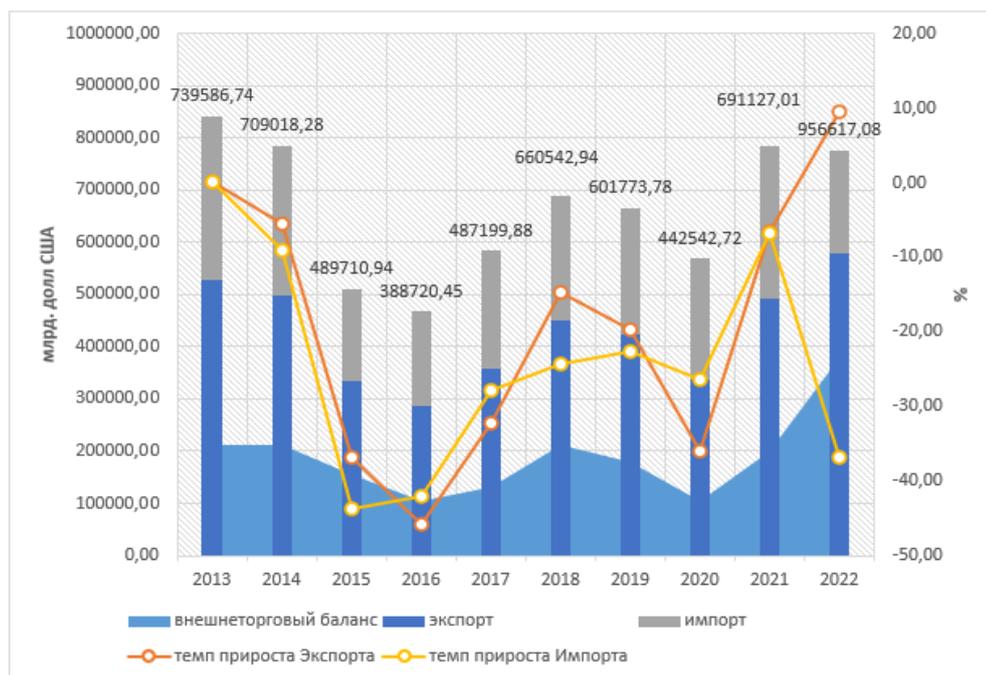

Рисунок 1. Динамика основных внешнеторговых показателей РФ.
Источник: рассчитано авторами по данным [31].

Для более полной оценки необходимо проанализировать эмпирические значения внешней торговли, которые содержит таблица 2.

Таблица 2. Эмпирические значения реализации внешней торговли товарами Российской Федерации

годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля экспорта в мире, %	2,8	2,6	2	1,8	2	2,3	2,3	1,9	2,2	2,3
Доля импорта в мире, %	1,7	1,5	1,1	1,1	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	0,8
Выявленные сравнительные преимущества по ВТБ РСА _{ВТБ}	25,21	26,92	30,58	22,07	22,28	30,72	26,85	18,54	25,30	48,77
покрытие экспортом импорта	1,67	1,74	1,88	1,57	1,57	1,89	1,73	1,46	1,68	2,90
покрытие импортом экспорта	0,60	0,58	0,53	0,64	0,64	0,53	0,58	0,69	0,60	0,34
Доля ИКТ в экспорте ЭИКТ	0,42	0,80	0,81	0,60	0,63	0,47	0,53	0,51	0,52	-
Доля ИКТ в импорте ИИКТ	6,84	7,88	9,14	8,40	8,67	9,91	9,36	10,37	9,99	-
Эффективность экспорта		0,8960	0,6022	0,6207	0,6581	0,6471	0,6788	0,7136	0,6784	0,4358

Источник: составлено авторами по данным [25].

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

Из таблицы 2 видно, что мировая доля экспорта РФ в 2022 году составляла 2,3 %, что ниже показателя 2013 года. Снижение зафиксированы и в динамике мировой доли импорта с 1,7 в 2013 году до 0,8 % в 2022 году.

Покрытие экспортом импорта составляет существенное значение, что позволяет РФ импортировать необходимые для внутреннего рынка товары. При этом доля экспорта ИКТ составляло в 2021 году 0,52, что значительно ниже импорта ИКТ в этом году – 9,99. В целом в исследуемом периоде наблюдался рост импорта ИКТ в РФ, а вот экспорт ИКТ имел тенденцию с 2015 года к снижению.

Необходимо сказать, что Российская Федерация в 2012 году стала членом ВТО, что открыло внутренний рынок для импортных товаров всех членов этой организации и при этом было взято обязательство по внедрению во внешнеторговую политику правил международной торговли.

Следствием этого стало увеличение торговых партнеров по импорту с 210 в 2013 году до 219 в 2021 году. Одновременно с этим были открыты рынки стран–членов ВТО, что находит свое подтверждение в росте партнеров по экспорту с 199 в 2013 году до 219 в 2021 году (табл. 3).

Таблица 3. Торговые индикаторы внешней торговли Российской Федерации по годам

Индикаторы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество партнеров по импорту, шт.	210	219	218	220	218	218	224	218	219
Количество импортированных товаров, ед.(наименований)	4470	4477	4433	4448	4428	4439	4426	4377	4384
Количество партнеров по экспорту, шт.	190	189	193	199	194	194	198	192	199
Количество экспортированных товаров, ед.(наименований)	4299	4321	4330	4375	4365	4364	4385	4354	4359

Источник: составлено авторами по данным [32]

Как видно из таблицы 3, количество экспортируемых и импортируемых товаров примерно сопоставимо, хотя с 2013 по 2021 годы импортируемые товары имеют тенденцию к снижению, а вот количество экспортируемых товаров к расширению перечня.

Наблюдается рост индекса проникновения экспорта РФ на рынки зарубежных стран, что указывает на расширение количества рынков РФ. Это свидетельствует о том, что против отечественного экспорта не задействованы торговые барьеры (табл. 4).

Таблица 4. Значение внешней торговли в развитии Российской Федерации по годам

показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП по ППС в текущих ценах млрд долл. США	3741,48	3761,75	3522,7	3542,74	3808,13	4234,74	4411,04	4392,61	4868,72	5077,63
Экспортная квота	14,09	13,23	9,47	8,06	9,38	10,61	9,58	7,67	10,11	11,38
Импортная квота	8,42	7,62	5,03	5,14	5,96	5,62	5,53	5,27	6,03	3,92
Коэффициент ВТБ	5,67	5,61	4,43	2,91	3,42	4,99	4,06	2,40	4,08	7,46
Коэффициент ВТО (открытости экономики)	22,51	20,85	14,50	13,20	15,34	16,23	15,11	12,95	16,14	15,30
Индекс проникновения экспорта на рынок:	9,45	9,58	10,26	10,84	11,47	11,95	12,39	12,60	13,79	14,34
Индекс проникновения импорта на рынок	8,92	8,07	5,27	5,30	6,17	5,92	5,76	5,40	6,28	4,23

Источник: составлено авторами по данным [25, 32]

С 2013 года по 2022 год наблюдается устойчивое снижение показателя проникновения импорта на рынок страны с 8,92 до 4,23, что свидетельствует о том, что внутренний спрос Российской Федерации удовлетворяется за счет импортной продукции, но при это имеет тенденцию к снижению.

Несмотря на общую тенденцию к снижению показателей относительно 2013 года, ВВП по ППС в текущих ценах демонстрирует стабильный рост. Так совокупный среднегодовой темп роста составил 3,10 %. На наш взгляд, это достижение произошло благодаря нестабильности цен на мировых продуктовых рынках, особенно на основную продукцию, торгуемую Российской Федерацией.

Не менее важные изменения за исследуемый период произошли в географии экспорта и импорта РФ.

Согласно исследованию, Российская Федерация экспортирует почти в 200 регионов мира, при этом на ТОП–25 стран импортеров приходится более 60 % всего экспорта страны. Так, несменными лидерами в экспорте выступали две страны: Китай и Германия, а вот начиная с 2013 года, основные изменения произошли относительно смены третьей, четвертой и пятой позиции. Так, места Беларуси, Украины и Италии в 2022 году заняли Турция, Казахстан и Республика Корея.

Украина и Беларусь в 2022 году не вошли в ТОП–5. Италия сместилась на 6 место, а вот Турция и Казахстан совершили скачок с 12 места в 2021 году на 3 место в 2022 году и с 10 на 4 место соответственно.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

В целом, в этот период отмечается снижение партнерских позиций США, Великобритании, Финляндии, Чехии, Швеции и других западных стран. Вместе с этим наблюдается тенденция к повышению рейтинговых позиций странами из Азии и Латинской Америки, такими как Индия, ОАЭ, Вьетнам и Бразилия.

В рамках рейтинга ТОП–25 партнеров по импорту Российской Федерации наблюдаются значительные изменения. Так, среди пятерки лидеров произошли перестановки. Если в 2013 году Германия, Китай, США, Нидерланды и Италия располагались друг за другом, в порядке убывания, то уже в 2022 году первые пять рейтинговых мест выглядели следующим образом: на первом стоял Китай, на втором – Турция, на третьем – Индия, на четвертом – Германия и Италия на пятом, тем самым сохранив свои позиции. Нидерланды опустились на 6 место, а США – на 10.

Отметим, что начиная с 2013 по 2021 годы США прочно входили в ТОП–5 импортеров, занимая 2 место в 2021 году. Индия совершила значительный скачок в своих позициях импортера Российской Федерации. Стартовав в 2016 году в ТОП–25 лишь с 16 места, смогла повысить свою роль, поднявшись на 13 позиций в 2022 году. Великобритания самую высокую позицию занимала в 2020 году, вытеснив Германию со 2 места, а вот уже в 2022 году довольствовалась лишь 21 местом в рейтинге.

Импорт из Украины демонстрировал стабильное снижение в этот период, а в 2022 году страна не попала в этот рейтинг.

В общем, основной тенденций в этот период становится снижение роли ведущих импортеров из западных стран ЕС и США и повышение значимости Индии и других стран Азии.

Совокупный среднегодовой темп роста экспорта и импорта Российской Федерации за исследуемый период представлен в таблице 5 (↑ – рост; ↓ – снижение).

Таблица 5. Совокупный среднегодовой темп роста экспорта и импорта Российской Федерации 2013–2022 гг.

HS	экспорт	темп	импорт	темп	HS	экспорт	темп	импорт	темп
'01	13,48 %	↑	-14,18 %	↓	'50	14,07 %	↑	0,33 %	↑
'02	29,79 %	↑	-18,73 %	↓	'51	-11,25 %	↓	0,59 %	↑
'03	10,99 %	↑	-5,76 %	↓	'52	-6,51 %	↓	5,92 %	↑
'04	0,74 %	↑	-18,70 %	↓	'53	1,35 %	↑	-8,56 %	↓
'05	7,39 %	↑	-1,40 %	↓	'54	-0,48 %	↓	3,04 %	↑
'06	7,53 %	↑	-6,18 %	↓	'55	-7,19 %	↓	-1,35 %	↓
'07	12,13 %	↑	-7,07 %	↓	'56	0,30 %	↑	-1,57 %	↓
'08	14,20 %	↑	-2,92 %	↓	'57	5,58 %	↑	-5,43 %	↓
'09	-0,70 %	↓	0,67 %	↑	'58	-5,06 %	↓	-0,80 %	↓
'10	7,98 %	↑	-6,70 %	↓	'59	0,58 %	↑	2,66 %	↑
'11	12,60 %	↑	-5,64 %	↓	'60	3,13 %	↑	3,15 %	↑
'12	15,65 %	↑	3,98 %	↑	'61	1,36 %	↑	-2,33 %	↓
'13	6,38 %	↑	7,68 %	↑	'62	-2,47 %	↓	-4,67 %	↓
'14	16,45 %	↑	13,59 %	↑	'63	5,29 %	↑	-2,85 %	↓
'15	10,31 %	↑	4,08 %	↑	'64	-1,42 %	↓	-3,15 %	↓
'16	3,34 %	↑	-9,51 %	↓	'65	-4,72 %	↓	2,71 %	↑
'17	3,89 %	↑	-0,86 %	↓	'66	-4,09 %	↓	-1,32 %	↓
'18	-0,91 %	↓	-3,78 %	↓	'67	16,50 %	↑	11,70 %	↑
'19	2,58 %	↑	-5,21 %	↓	'68	-1,37 %	↓	-7,02 %	↓
'20	7,47 %	↑	-2,46 %	↓	'69	0,64 %	↑	-4,87 %	↓

HS	экспорт	темп	импорт	темп	HS	экспорт	темп	импорт	темп
'21	1,89 %	↑	-2,17 %	↓	'70	1,42 %	↑	-6,93 %	↓
'22	1,74 %	↑	-4,13 %	↓	'71	6,00 %	↑	-3,77 %	↓
'23	8,78 %	↑	-4,95 %	↓	'72	1,68 %	↑	-5,10 %	↓
'24	-4,86 %	↓	-4,41 %	↓	'73	-1,74 %	↓	-6,27 %	↓
'25	-2,45 %	↓	-8,95 %	↓	'74	5,16 %	↑	4,94 %	↑
'26	4,31 %	↑	-4,35 %	↓	'75	2,83 %	↑	-16,16 %	↓
'27	0,37 %	↑	-4,73 %	↓	'76	3,75 %	↑	-6,54 %	↓
'28	-2,28 %	↓	0,12 %	↑	'78	-8,12 %	↓	6,09 %	↑
'29	-4,32 %	↓	5,30 %	↑	'79	6,15 %	↑	14,05 %	↑
'30	2,30 %	↑	-0,52 %	↓	'80	-1,01 %	↓	-10,16 %	↓
'31	8,65 %	↑	4,00 %	↑	'81	1,87 %	↑	2,04 %	
'32	1,31 %	↑	-5,38 %	↓	'82	-4,35 %	↓	-4,78 %	↓
'33	0,50 %	↑	-3,77 %	↓	'83	0,12 %	↑	-1,14 %	↓
'34	-0,64 %	↓	-3,31 %	↓	'84	-7,48 %	↓	-4,71 %	↓
'35	1,39 %	↑	2,12 %	↑	'85	-6,67 %	↓	-4,31 %	↓
'36	1,53 %	↑	-6,05 %	↓	'86	-3,07 %	↓	-11,46 %	↓
'37	-8,78 %	↓	-5,49 %	↓	'87	-11,67 %	↓	-9,63 %	↓
'38	2,77 %	↑	0,88 %	↑	'88	-21,65 %	↓	-16,12 %	↓
'39	5,15 %	↑	-2,55 %	↓	'89	-26,77 %	↓	-9,06 %	↓
'40	-2,21 %	↓	-4,55 %	↓	'90	-7,12 %	↓	-2,84 %	↓
'41	-13,34 %	↓	-3,10 %	↓	'91	-1,91 %	↓	-10,67 %	↓
'42	-3,14 %	↓	-0,47 %	↓	'92	19,75 %		-5,77 %	↓
'43	-19,00 %	↓	11,62 %	↑	'93	-31,84 %	↓	-18,24 %	↓
'44	2,60 %	↑	-14,48 %	↓	'94	0,19 %	↑	-6,97 %	↓
'45	11,44 %	↑	-9,03 %	↓	'95	1,52 %	↑	-2,90 %	↓
'46	9,43 %	↑	-3,38 %	↓	'96	3,80 %	↑	-1,21 %	↓
'47	4,17 %	↑	-1,86 %	↓	'97	27,93 %	↑	5,71 %	↑
'48	3,40 %	↑	-6,09 %	↓	'99	-10,99 %	↓	134,43 %	↑
'49	-6,52 %	↓	-16,79 %	↓					

Источник: рассчитано авторами по данным [25].

Из таблицы 5 видно, что совокупный среднегодовой темп роста экспорта 37 товарных групп отрицательный, т. е. в период с 2013 по 2022 годы наблюдается снижение экспорта.

Наименьший темп был в группе 54 «Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов» и составлял -0,48 %. Наивысший темп снижения наблюдался в группе 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности» -31,84 %.

Остальные позиции демонстрировали положительную динамику темпов роста: от 0,12 %, как у группы 83 «Прочие изделия из недрагоценных металлов», до 29,79 % в группе 02 «Мясо и пищевые мясные субпродукты».

Что касается импорта, то снижение зафиксировано в 72 товарных группах: от -0,47 % – до -18,73 % – 42 «Изделия из кожи; шорно-седельные изделия и упряжь; дорожные принадлежности, сумки и аналогичные ...» и 02 «Мясо и пищевые мясные субпродукты», соответственно.

Всего 26 товарных групп показали положительную динамику роста импортных операций. Наибольшее значение было в товарной группе 99 «Товары, нигде не указанные» +137,43 %.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

Одним из ключевых принципов экономики торговли является принцип «сравнительного преимущества», впервые описанный Давидом Рикардо. Теория гласит, что странам выгоднее всего, если они специализируются на продуктах, которые они могут производить относительно более эффективно – с меньшими альтернативными издержками, чем другие страны. Теоретически, если это произойдет, глобальное благосостояние возрастет. Однако эта концепция сложнее, чем кажется.

Общая картина товарной структуры внешней торговли демонстрирует импортную зависимость Российской Федерации от зарубежных поставок по большому количеству продукции (рис. 2).

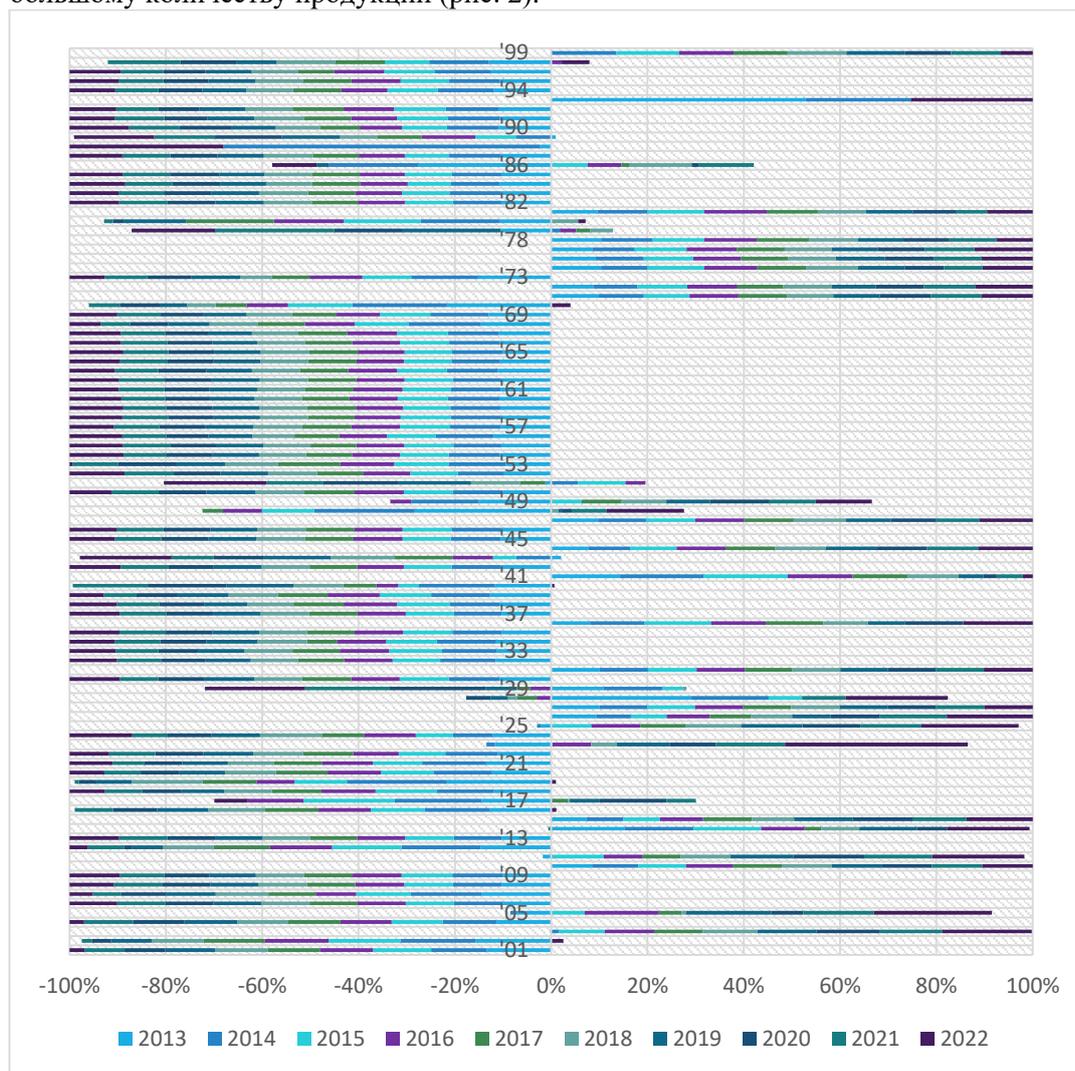

Рисунок 2. Динамика показателя $RSA_{вг}$ Российской Федерации по торговым группам.

Источник: рассчитано авторами по данным [25].

Так, индекс $РСА_{ВТБ}$ с отрицательными значениями указывает на то, что в стране импорт данных товаров превышает показатели экспорта. Необходимо отметить, что в 2022 году появилась положительная динамика перехода Российской Федерации в статус чистого экспортера по некогда импортозависимым позициям, например 02 «Мясо и пищевые мясные субпродукты».

Анализируя рисунок 2, можно заметить, что по 60 товарным позициям Российская Федерация является чистым импортером и лишь по 22 позициям чистым экспортером, а по 16 – в различных годах показатель менял свое значение от чистого экспортера к чистому импортеру. Основной импорт Российской Федерации принадлежит товарам с высокой добавленной стоимостью, а вот экспорт в основном это сырье и продукция с низкой добавленной стоимостью.

Для Российской Федерации выявленные сравнительные преимущества характерны по товарным группам, представленным в таблице 6.

Таблица 6. Выявленные сравнительные преимущества Российской Федерации по товарным группам HS, по годам

HS	2013г	2014г	2015г	2016г	2017г	2018г	2019г	2020г	2021г	2022г
'03	0,963	0,965	1,354	1,547	1,457	1,491	1,699	2,332	2,015	2,395
'10	1,387	2,305	2,709	3,381	3,756	4,325	3,346	4,161	2,798	2,520
'14	0,477	0,482	0,555	0,536	0,336	0,377	0,765	0,795	0,480	1,357
'15	0,784	0,880	1,043	1,411	1,355	1,228	1,746	1,732	1,631	1,434
'23	0,455	0,558	0,640	0,769	0,602	0,583	0,728	0,935	0,924	0,952
'25	1,107	1,129	1,274	1,389	1,223	1,018	1,059	1,155	0,955	0,723
'27	4,441	4,756	4,981	5,426	4,704	4,405	5,226	3,892	3,989	4,312
'28	2,406	1,649	1,688	1,357	1,117	1,096	1,218	1,088	1,107	1,188
'31	5,550	5,930	7,751	8,580	7,893	6,808	7,199	6,277	7,677	7,746
'36	1,043	0,820	1,726	1,512	1,734	1,235	1,123	1,945	0,000	1,261
'44	2,074	2,195	2,521	2,977	2,994	2,734	2,984	3,037	2,981	2,272
'47	0,883	0,994	1,301	1,463	1,305	1,317	1,071	1,373	1,211	1,248
'71	0,574	0,626	0,571	0,754	0,824	0,666	1,042	2,385	1,699	1,200
'72	1,860	1,936	2,306	2,689	2,553	2,458	2,221	1,939	2,396	1,811
'74	1,086	1,216	1,595	1,583	1,609	1,441	1,601	1,693	1,228	1,629
'75	5,588	5,523	5,326	6,386	5,644	4,640	5,433	6,963	3,146	5,302
'76	1,598	1,403	2,128	2,188	1,939	1,477	1,483	1,520	1,651	1,595
'78	0,937	0,938	1,274	1,872	1,558	1,192	1,001	1,304	1,352	0,413
'81	1,711	1,709	2,408	2,913	2,419	2,546	2,551	2,538	1,700	1,738
'86	0,716	0,663	0,690	0,873	0,806	0,920	1,024	0,945	0,972	0,510
'93	10,899	0,517	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,186
'99	0,000	1,055	7,216	6,514	7,404	7,724	4,491	7,168	9,157	0,389

Источник: рассчитано авторами по данным [25].

Согласно расчетам, за исследуемый период в Российской Федерации сравнительные преимущества были выявлены в 21 торгуемых товарных группах.

В таблице присутствует товарная группа 23 «Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных», демонстрирующая положительную динамику роста этого показателя.

Высокими показателями сравнительных преимуществ более 4 обладают товарные группы 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки»;

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

битуминозные вещества; воски минеральные», 31 «Удобрения», 75 «Никель и изделия из него» и 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности».

На этот кластер торгуемых товарных групп Российской Федерации приходится более 90 % всего экспорта страны (рис. 3)

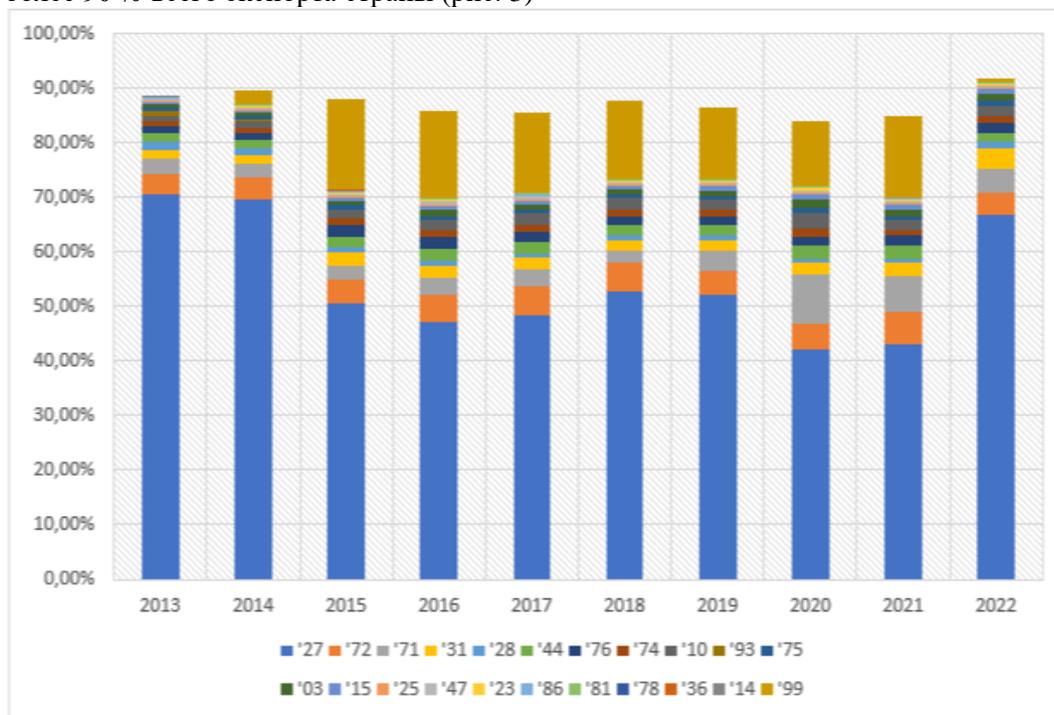

Рисунок 3. Динамика долей товарных групп в общем экспорте Российской Федерации, обладающих выявленными сравнительными преимуществами.

Источник: рассчитано авторами по данным [25].

Анализируя рисунок 3, можно отметить, что с 2013 по 2021 гг. наметилась тенденция к снижению экспорта группы 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», однако уже в 2022 году значение практически достигло уровня 2013 года.

В это период с 2015 по 2022 год наблюдалось увеличение в экспорте товарной группы 99 «Товары, нигде не указанные».

Таким образом, в исследуемом периоде развития внешней торговли Российской Федерации под воздействием введенных санкций в 2014 году произошли существенные изменения в географии партнеров по импорту, а также наметились тенденции к импортозамещению по многим товарным позициям.

Вместе с этим отметим, что ежегодно Российская Федерация экспортирует товаров на сумму более 500 млрд долл. США. Такая зависимость от внешних рынков откладывает свой отпечаток на экономической активности Российской Федерации в условиях санкционного давления.

Оценка степени товарно-географической диверсификации экспорта позволяет выявить, сконцентрированы ли отношения экономики страны на одном крупном партнере или нескольких партнерах, и может ли страна экспортировать один или несколько продуктов.

Рассмотрение данных о внешней торговле через эту призму диверсификации дает дополнительную информацию о подверженности российских производителей рискам на зарубежных рынках, таким как конкурентное (санкционное) давление, волатильность цен на сырьевые товары и обменного курса, а также экономические и политические риски.

Индекс Херфиндаля–Хиршмана для российских импортных товаров неизменно был на уровне 0,07 на двухзначном уровне агрегирования товаров по Гармонизированной системе (HS) на протяжении всего периода с 2013 по 2021 годы, а в 2022 году он снизился до 0,06, что представлено в таблице 7.

Таблица 7. Индексы диверсификации (концентрации) экспорта и импорта РФ (индекса Хиршмана–Херфиндаля – ННИ):

Индекс	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Индекс рыночной концентрации экспорта (ННИ)	0,50	0,49	0,29	0,25	0,26	0,31	0,30	0,21	0,22	0,45
Индекс рыночной концентрации импорта (ННИ)	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,06

Источник: составлено авторами по данным [28].

Данные таблицы 7 позволяют сделать прогноз о развитии индекса импортной диверсификации (концентрации), согласно которому он существенно не изменится до 2030 года при прочих равных условиях, т. е. импортные операции Российской Федерации останутся диверсифицированными даже в условиях санкционного давления. Это возможно лишь в одном случае, если главных импортеров, ушедших с российского рынка, заменят другие партнеры из дружественных стран, например, стран БРИКС в расширенном формате.

Сравнивая между собой совокупный среднегодовой темп роста и $RCA_{в\tau}$, показывающий чистый экспорт или импорт по продуктовым позициям Российской Федерации, можно заметить, что на рисунке 4 товарные группы, характеризующиеся чистым экспортом, размещаются в верхней части графика, а чистым импортом – в нижней части рисунка 4.

При этом правая часть графика содержит в себе позиции с положительным темпом роста, а в левой – с отрицательным темпом.

Таким образом, верхний правый квадрат графика содержит те товарные группы, который в период с 2013 по 2022 годы продемонстрировали положительные значения по обоим индексам, т. е. чистый экспорт с положительными темпами роста, а нижний левый, наоборот, – все позиции с отрицательными значениями, т. е. чистый импорт с отрицательными темпами роста. Как видно, большое число товарных групп обладают отрицательными среднегодовыми темпами роста, что позволяет говорить о снижении показателей внешней торговли по ним в ближайшем будущем.

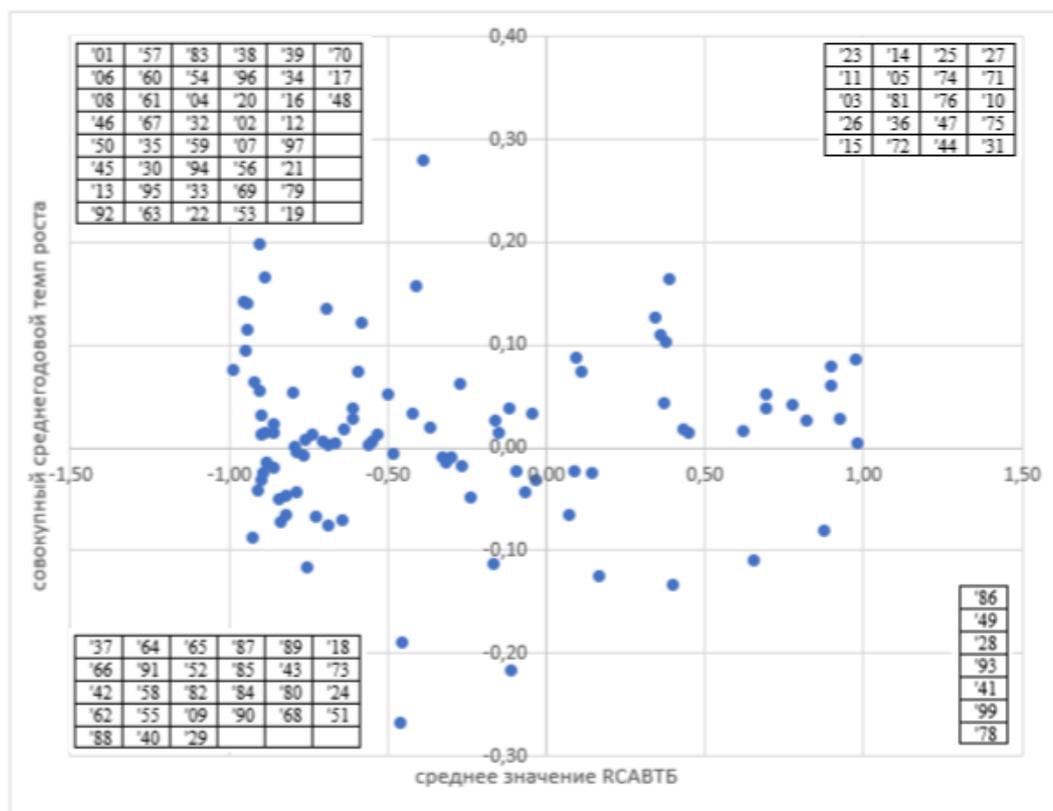

Рисунок 4. Тенденция размещения товарных групп Российской Федерации в соответствии с совокупным среднегодовым темпом роста и РСА_{ВТБ}.

Источник: составлено авторами по результатам расчета данных [31].

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Согласно данным Международного валютного фонда, ожидается, что уровень инфляции снизится до 6,3 % в 2024 году. Некоторые аналитики прогнозируют, что экономика России продолжит восстанавливаться в 2024 году, при этом МВФ прогнозирует рост ВВП на 2,6 % – по сравнению с более ранними оценками в всего 1,1 % роста [28].

Можно выделить четыре стратегии, которые Россия использует для защиты своей экономики от санкций: импортозамещение, укрепление иностранных партнерств, ответные меры посредством контрсанкций и снижение зависимости от какой-либо единой резервной валюты.

Импортозамещение всегда было важно для России, поскольку она стремится к реиндустриализации или созданию «новой индустриализации», но постепенно оно стало ключевой национальной политикой в ответ на экономические и геополитические кризисы. Поскольку с 2014 года возможности России по импорту

промышленных и высокотехнологичных товаров ограничены, Россия реализовала амбициозную стратегию «импортозамещения» для защиты своей экономики.

В целом, все предприятия России могут быть дифференцированы через степень импортозависимости [10]:

Первая группа – это «импорточистое» производство с локализацией отечественной промышленной линии, не использующее импорт.

Вторая группа – это предприятия, ассоциированные с глобальным производством в рамках цепочек создания стоимости относительно сборки импортной продукции и /или переработке импортного сырья.

Третья группа – это производства, импортозависимые относительно поставок отдельных компонентов.

Переход к импортозамещению проявился в производстве продуктов питания. Так, по итогам 2022 года производство основных продуктов питания превысило нормы, установленные Доктриной продовольственной безопасности [1], которая, является основным ориентиром в работе продовольственных отраслей в рамках импортозамещения.

За время, прошедшее с момента принятия стратегии импортозамещения в России, на отечественном продовольственном рынке существенно сократился импорт только мяса – на 65 %.

В 2000–е годы импорт мяса и субпродуктов в Россию составлял около 2,5–3 млн тонн, но в 2022 году страна импортировала уже менее 600 тыс. тонн. Россия увеличила производство мяса птицы и свинины: с 0,8 млн до 5,05 млн тонн и с 1,6 млн до 4,25 млн тонн соответственно [3].

Внутреннее производство рыбы также увеличилось: с 3,68 тонны лосося в 2013 году до 4,21 тонны в 2019 году.

Вместе с этим, в первой половине 2022 года российские сельхозпроизводители столкнулись с определенными трудностями, связанными с импортными семенами. Согласно российской доктрине продовольственной безопасности, страна должна удовлетворять внутренний спрос на семена как минимум на 75 %. В 2021 году этот уровень составлял 63,5 %, при этом большая часть импортных семян поставлялась из Европейского Союза [1].

Тем не менее, конкурентная борьба в виде санкционного противостояния между Россией и странами Запада предоставляет хорошую возможность отечественным производителям, в частности продуктов питания, на занятие освободившихся ниш как на внутреннем рынке, так и последующим выходом на зарубежные рынки продовольственных товаров.

Зависимость в отраслях имеет региональную привязанность. Так, высокий уровень зависимости проявляется в трех типах регионов: регионах, специализирующихся на машиностроении; регионах с международными портами; и регионах, где реализуются крупные инвестиционные проекты с привлечением иностранного капитала и/ или значительных закупок иностранного оборудования, например, Дальний Восток.

Главной тенденцией в стратегии импортозамещения с 2022 года стало то, что после того, как российский высокотехнологичный сектор стал объектом западных

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

санкций, он получил поддержку благодаря новым возможностям, созданным государственной программой импортозамещения.

В целом, для развития этих отраслей «в качестве импортозамещающих элементов могут выступать сырье, сопутствующие компоненты, оборудование, нематериальные активы, технологии, сертификация, аутсорсинг, которые компании используют при проектировании и производстве (консалтинг, инжиниринг, маркетинговые исследования)» [24].

В настоящее время в рамках реализации стратегии импортозамещения действуют следующие инструменты регулирования:

- упрощение разрешительных процедур для отечественных производителей;
- предоставление предприятиям налоговых льгот и соответствующих льгот при наличии государственных контрактов или конкретных контрактов, предложенных некоторыми экспертами:
 - внедрение международных стандартов качества, менеджмента безопасности и экологического менеджмента на отечественных предприятиях, что направлено на повышение качества, безопасности и конкурентоспособности отечественной продукции;
 - осуществление деятельности по развитию отечественного производства промышленной продукции, эквивалентной зарубежной, путем использования опыта партнеров в привлечении инвестиций;
 - оказание финансово-кредитной поддержки хозяйствующим субъектам, участвующим в реализации проектов импортозамещения.

В связи с этим наблюдается значительная роль государственных инвестиций и политической воли, но их масштаб и эффект ограничены. Получателями большей части инвестиций являются крупные государственные предприятия, но низкая эффективность госпредприятий является фактором, тормозящим развитие российской экономики. Мировая практика экономического развития показывает, что малые и средние предприятия (МСП) являются движущей силой инноваций в современной экономике, но доля МСП в российском ВВП составляет всего 5 %, и план импортозамещения, ориентированный на госпредприятия, может лишить их необходимых ресурсов.

В дополнение к этому нехватка квалифицированной рабочей силы становится одним из самых серьезных препятствий для экономического роста в России. Частично проблема заключается в плохой демографической ситуации в стране. Рабочая сила в России сокращается уже более 15 лет. Частичная мобилизация резервов и эмиграция из России только усугубили ситуацию. Хотя безработица упала до рекордно низкого уровня, Россия остро нуждается как в высокообразованных, так и в низкоквалифицированных рабочих. Утечка мозгов и отъезд лиц трудоспособного возраста из страны вряд ли улучшили ситуацию с 2022 году.

Загрузка производственных мощностей находится на исторически высоком уровне с 2021 года, а санкции еще больше ограничивают импорт инвестиционных товаров. Усилия России по импортозамещению вряд ли восполнят дефицит производственного капитала. Значительная часть роста инвестиций в основной капитал в 2024 году и в ближайшие годы будет направлена на военную технику и

оснащение, то есть инвестиции, которые потенциально не могут создать основу для устойчивого экономического роста в будущем.

Мы поддерживаем утверждение, что «системный подход к импортозамещению должен быть сосредоточен на стимулировании промышленной базы посредством государственного регулирования и поддержки, что будет значительно выгоднее нынешней политики поддержки относительно нерегулируемого внутреннего свободного рынка и зависимости от импорта иностранных технологий» [30]. Однако при этом необходимо не только не забывать о поддержке МСП, но и расширять их возможности.

Таким образом, стратегия импортозамещения является промежуточным этапом в процессе реструктуризации экономики страны, а основное воздействие должно оказываться на развитие новых направлений в промышленности и модернизации производственных процессов, обеспечивая переход к экспортноориентированной модели экономического развития. Это будет способствовать выходу России на большее число зарубежных рынков, тем самым подтверждая рост конкурентоспособности национальных отраслей промышленности.

ВЫВОДЫ

Анализ состава и структуры санкционного воздействия на внешнеторговые отношения Российской Федерации показал, что с 2014 года экономика нашей страны столкнулась с давлением экономических санкций, введенных США, Европейским союзом и другими 36 странами.

Санкции вводились несколькими раундами: с марта и апреля 2014 года по июль и сентябрь 2014 года, а затем в сентябре и октябре 2017 года. До текущего дня список дополнялся, а новый раунд более ограничительных санкций вступил в силу в феврале 2022 года. Санкции с 2014 по 2022 год были направлены против фирм и частных лиц.

Первый раунд санкций затронул многие российские фирмы так, что они были вынуждены изменить источники финансирования, цепочки поставок и свои глобальные операции. В 2015 году секторальные санкции были введены против России. Отрасли российской экономики были разделены на сектора, сектор А – нефть, газ, производство оборудования для атомной энергетики, сельскохозяйственное и оборонное производство; сектор В – автомобильная промышленность, авиация, судостроение, пенсионное обеспечение, а также оборудование для работы с нефтью и газом.

В начале действия санкций экономика перестраивалась, и Правительство Российской Федерации ввело политику импортозамещения в секторах, которые сильно зависели от Запада. В отличие от санкций 2022 года, экономические санкции 2014 года не являлись совместными. Так, ЕС не ввел санкции против России из-за глубокой экономической интеграции с энергетическими цепочками создания стоимости.

Анализ адаптации внешнеторговой стратегии России к новым условиям выявил следующие особенности.

В связи с тем, что в период с 2014 по 2022 годы стране пришлось столкнуться с рядом экономических проблем, таких как бегство капитала, обесценивание

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

российского рубля и высокий уровень инфляции, Правительство России инициировало многочисленные контрмеры для смягчения воздействия санкций. Например, включение ряда схем «параллельного импорта» и диверсификация экспорта топлива в Азию и в другие страны. Так, доля импорта нефти и газа из Европы снизилась; однако это не мешает странам покупать российские углеводороды. Нефть реимпортируется из Индии, ОАЭ и Турции. У последней есть специализированные судоходные компании, которые помогают России реимпортировать товары в Черном море.

В мае 2022 года Министерство промышленности и торговли России предложило легализовать несанкционированный параллельный импорт ряда товаров. Этот шаг был направлен на смягчение воздействия санкций и ухода международных компаний с российского рынка, а уже к концу июня 2022 года схема получила одобрение со стороны российских властей. После изменений в законодательстве основные электронные торговые площадки в России также разрешили продажу товаров, поступающих в Россию по схемам параллельного импорта.

В общей сложности можно выделить 10 наиболее распространенных схем обхода санкций:

1. Скрытое происхождение российской нефти.
2. Посредническая торговля через другие страны.
3. «Туризм с использованием дебетовых карт». Российские банки автоматически перевыпускают карты Visa и Mastercard через платежную систему «МИР», хорошо известную российскую карточную систему, которую принимают некоторые страны. Клиентам даже не нужно посещать свой банк – карта будет доставлена курьером и будет работать в России, Турции, Вьетнаме и т. д.
- Россияне также ездят в Минск, чтобы получить карты Visa и MasterCard в белорусских и других банках соседних стран.
4. Импорт товаров без согласия владельца товарного знака.
5. Закупки деталей электроники в других странах для дальнейшей сборки, например в Китае.
6. Альтернативные платежные системы.
7. Двусторонние организации. Под ней понимается фирма, созданная для обслуживания одной единственной страны. Основным примером создания двусторонней организации, обслуживающей только Россию, является создание Турцией авиакомпании, которая выполняет рейсы только для россиян, обходя санкции ЕС и США и стимулируя российский туризм в Турции.
8. Иностранские компании, осуществляющие платежи в рублях.
9. Корпоративная реструктуризация и ликвидация. Российские компании могут провести реструктуризацию, чтобы скрыть конкретных лиц, в отношении которых вводятся санкции, маскируя конечного бенефициарного владельца.
10. Счета и дочерние компании в Центральной Азии. Страны Центральной Азии, такие как Казахстан, извлекают выгоду из перенаправления российского бизнеса, разрешают россиянам открывать счета и создавать дочерние компании, чтобы подорвать санкции Запада против SWIFT.

Не только внешнеторговые отношения прошли адаптацию, но и внешняя политика Российской Федерации, которая «де-вестеризировалась» и осуществила «Поворот на Восток» и выбрала «Восточный вектор».

Российская политика «Поворота на Восток» началась примерно в 2008 году и набрала обороты после кризиса в отношениях с Западом в 2014 году. В ее основе лежит понимание того, что центр мирового экономического развития смещается в АТР, и Китай является главной причиной этого сдвига, поэтому ему суждено оставаться ведущей мировой экономикой в долгосрочной перспективе.

Основа внешней политики России и Китая и векторы российско-китайского сотрудничества носят стратегический и долгосрочный характер. В то время как доминирующие геополитические факторы «новой эры» укрепляют его, переизбрание Путина и его визит в Китай подчеркивают преимущество российской политики в отношении Китая.

Оценка влияния санкций на внешнюю торговлю основными товарными группами в 2013 – 2022 годах выявила некоторые особенности. Так, общей тенденцией стало снижение роли стран ЕС во внешнеторговом обороте с Российской Федерацией, одновременно с повышением таких отношений со странами Восточной Азии и Ближнего Востока.

Результаты прогнозирования диверсификации внешней торговли Российской Федерации до 2030 года установили следующие возможные сценарии.

Во-первых, будет наблюдаться снижение товарооборота между Россией и ЕС и его рост с Китаем. В ЕС снижение экспорта происходит в основном за счет продукции металлургической промышленности, химической продукции, драгоценных камней и металлов, а также древесины; в импорте – за счет машин и оборудования. Торговля с Китаем по основным товарным группам расширяется с начала 2023 года в основном за счет экспорта топливной и нефтехимической продукции, и импорта – по машинам и оборудованию.

Во-вторых, основными партнерами по российскому экспорту станут Китай, а также страны Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) и Ближнего Востока.

В-третьих, насыщение внутреннего рынка Российской Федерации до 2030 года будет происходить за счет торговли со странами БРИКС во главе с Китаем и Индией, ОПЕК и Ближнего Востока.

Таким образом, формирование внешнеторговой стратегии Российской Федерации в условиях санкционного давления будет осуществляться на основе установления партнерских отношений в рамках политики «Поворота на Восток», а также за счет планирования и воплощения в жизнь адекватной и грамотной политики импортозамещения и технологического суверенитета.

Список литературы

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106>

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ...

2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1>
3. Официальный новостной портал Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://specagro.ru/news>
4. Богдан Н. И. Особенности формирования технологического суверенитета на современном этапе развития // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2023. № 3 (46). С. 124–132. DOI 10.24412/2079-7958-2023-3-124-132.
5. Бушуева Е. В. Проблемы и перспективы развития внешней экономики Российской Федерации // Право, экономика и управление: теория и практика: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 12 мая 2022 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. С. 17–20.
6. Гагаулина Р. Р. Принцип исчерпания права на результат интеллектуальной деятельности в условиях параллельного импорта // Право и экономика. 2023. № 4 (422). С. 27–33.
7. Глазьев С. Ю., Архипова В. В. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 3–29.
8. Гусев М. С. Внешнеэкономическая стратегия России в условиях меняющейся модели международной экономической интеграции // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 1 (159). С. 48–53.
9. Иваненко О. Б. Стратегия экономического развития: импортозамещение или политика экспортно-ориентированного роста // От синергии знаний к синергии бизнеса: Сборник статей и тезисов докладов X Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей, Омск, 17 марта 2023 года. Омск: ООО «Издательский центр КАН», 2023. С. 38–41.
10. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра / Высшая школа экономики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/814560067.pdf>
11. Куприянова Л. М., Варламова С. Б. Российская финансово-банковская сфера в процессе преодоления санкционных вызовов // Экономика. Бизнес. Банки. 2023. № 4 (70). С. 18–33.
12. Любовцева Е. Г. Гордеева И. А. Влияние санкций на развитие экономики России: возможности и ограничения // Oeconomia et Jus. 2022. № 3. С. 8–14. [Электронный ресурс]. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/3/2>. - DOI: 10.47026/2499-9636-2022-3-8-14.
13. Мариев О. С., Савин И. В., Тепляков Н. С. Моделирование влияния санкций на неравенство в распределении доходов населения стран–объектов // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 363–376.
14. Моисеев В. В. Санкции и их влияние на экономику современной России: монография. 2–е изд., испр. и доп. М.: Директ–Медиа, 2024. 472 с.
15. Подбиралина Г. В., Мигалева Т. Е. Оценка влияния санкционного давления на внешнюю торговлю России // Международная торговля и торговая политика. 2020. № 1 (21). С. 97–106.
16. Рожнова А. С. Влияние экономических санкций на развитие торговых связей России с Европейским союзом. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ekonomicheskikh-sanktsiy-na-razvitiye-torgovyh-svyazey-rossii-s-evropeyskim-soyuzom>.
17. Тараканова Н. В. Совершенствование внешнеэкономической стратегии России // Экономика образования. 2020. № 5 (120). С. 90–99.
18. Alhassan A., Sabzehmeidani A. S., Taha A. I., Haseki M. I. Sanctions and economic growth: Do sanction diversity and level of development matter? // Heliyon. 2023. Vol. 9 (9). doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e19571.
19. Barber J. Economic Sanctions As a Policy Instrument. International Affairs // Royal Institute of International Affairs. 1979. Vol. 55 (3). P. 367–384. DOI: 10.2307/2615145.
20. Bessam H. E., Gadow R., Arnold U. Industrialization Strategy Based on Import Substitution Trade Policy // Designing Public Procurement Policy in Developing Countries; Springer, New York, NY. 2012. DOI: 10.1007/978-1-4614-1442-1_4
21. Caetano J., Galego A., Caleiro A. On the Determinants of Sanctions Effectiveness: An Empirical Analysis by Using Duration Models // Economies. 2023. Vol. 11 (5). DOI: 10.3390/economies11050136.
22. Current State of U.S. Economic Sanctions Imposed on the Russian Federation and Covered Regions of Ukraine in Response to the Russian Federation’s Invasion of Ukraine / BakerHostetler. [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.bakerlaw.com/insights/current-state-of-u-s-economic-sanctions-imposed-on-the-russian-federation-and-covered-regions-of-ukraine-in-response-to-the-russian-federations-invasion-of-ukraine-january-25-2023/>

23. Eaton D. Global Trade Sovereignty and Subnational Autonomy // Globalization and Regionalization; Springer, Boston, MA. 2002. DOI: 10.1007/978-1-4615-0867-0_9

24. Ershova I., Ershov A. Development of a Strategy of Import Substitution // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 620–624. DOI: 10.1016/S2212-5671(16)30308-2.

25. Free access to detailed global trade data / United Nations Comtrade database. [Электронный ресурс]. URL: <https://comtradeplus.un.org/>.

26. Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. The economic effects of international sanctions: An event study // Journal of Comparative Economics. 2023. Vol. 51. Issue 4. P. 1214–1231.

27. Morgan T. Clifton, Syropoulos C., Yotov Y. V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37 (1). P. 3–30.

28. Research / International Monetary Fund. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Research>

29. Sanctions Programs and Country Information / The U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control (OFAC). [Электронный ресурс]. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information>

30. Tolkachev S., Teplyakov A. Import Substitution in Russia: The Need for a System-Strategic Approach // Russian Social Science Review. 2022. Vol. 63 (1–3). P. 15–40. DOI; 10.1080/10611428.2022.2111162

31. Trade Map // International Trade Centre (ITC). [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=5%7c643%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1.

32. World Integrated Trade Solution. site. [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en>

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 334.021

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Приходько И. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: economist.cfu@mail.ru

В статье разработан метод оценки состояния и перспектив развития сложившейся межрегиональной хозяйственной и научной кооперации, на основе которой проведён анализ межрегионального экономического и научно-технического сотрудничества Республики Крым. По итогам анализа выявлены резервы межрегионального сотрудничества, раскрытие которых обеспечит повышение технологического суверенитета Республики Крым.

Ключевые слова: технологический суверенитет, межрегиональное сотрудничество, оптимизация, специализация, кооперация, научно-образовательные центры.

ВВЕДЕНИЕ

Межрегиональное сотрудничество имеет высокий потенциал в стимулировании социально-экономического развития Республики Крым и использует широкий набор инструментов взаимодействия: рамочные и отраслевые соглашения о сотрудничестве, совместные проекты, научно-образовательные центры, межрегиональные ассоциации, форумы и конференции, выставки и ярмарки. Значительно развита межрегиональная торговля, структура и направления которой, тем не менее, требуют расширения с ориентацией на производство товаров с высокой долей добавленной стоимости. Как указано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, потенциал межрегионального и межмуниципального сотрудничества в значительной степени не реализован.

В связи с этим определение перспективных направлений межрегионального сотрудничества Республики Крым в сфере достижения технологического суверенитета представляется актуальным в научном и практическом отношении.

Целью данной статьи является выявление резервов межрегионального сотрудничества, раскрытие которых поспособствует повышению технологического суверенитета Республики Крым.

В рамках сформулированной цели в публикации последовательно решаются следующие задачи: анализ имеющихся в современной науке методов оценки состояния и перспектив развития сложившихся межрегиональных связей; на основе данных методов – разработка авторского подхода; определение путей оптимизации межрегионального сотрудничества.

Достижение цели настоящей статьи требует применения оптимизационных и прогностических моделей. Использование оптимизационных моделей позволяет одновременно определить состояние исследуемого объекта, а также отклонение данного состояния от оптимального. Соответственно, построение подобной модели

требует проведение индексной оценки текущего положения в сфере межрегионального сотрудничества Республики Крым.

К основным методам оценки состояния и перспектив развития сложившихся между регионами связей относятся: подход Госкомстата, разработанный в рамках проекта ТАСИС [1, с. 84–86], метод группы авторов под руководством П. И. Бурак [2], методика Е. А. Колодиной [3] и сводный индекс развития межрегионального сотрудничества Министерства развития предпринимательства, торговли и внешних связей правительства Кировской области (руководитель группы разработчиков – Н. А. Ларионова) [4, с. 186].

Изучение отечественного опыта межрегионального сотрудничества представлено в работах А. В. Душина и В. В. Юрак [5], С. А. Кожевникова и И. А. Секушиной [6], А. Ю. Данилова [7], Д. Г. Решетникова [8]. Данной теме посвящена монография Е. В. Лукина и Т. В. Усковой [9].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Сформулируем теоретическую базу процесса межрегионального сотрудничества, к которой относится его определение, факторы, формы, методы регулирования.

На основе анализа ряда определений межрегионального сотрудничества, приведённых отечественными учёными [10, 11, 12, 13, 14], выбран наиболее полный подход, предложенный Т. Г. Морозовой, которая понимает под межрегиональным сотрудничеством «систему, представленную экономическими отношениями и интересами регионов, которые развиваются в процессе функционирования общественного производства. Эта система деятельности региональных властей как объединения усилий и ресурсов регионов для решения совместных задач и реализации общих проектов» [15, с. 46].

К основным факторам межрегионального сотрудничества относятся: наличие межрегиональных несовпадений степеней и направлений отдачи (возрастающая или убывающая) от факторов производства в различных отраслях, тяготение периферийных регионов к полюсу роста в центральном регионе, нахождение региональных инновационных систем на разных этапах цикла диффузии инноваций [16, с. 46–53].

Отечественная литература и нормативно-правовые акты классифицируют основные формы межрегионального сотрудничества по следующим критериям: уровень взаимодействия, наличие общих границ, сфера деятельности, число участников, способ организации. Среди форм, методов и инструментов государственного регулирования процессов межрегионального сотрудничества ключевую роль играют нормативно-правовые инструменты [9, с. 182; 17, с. 9]. Так, Конституция РФ устанавливает исключительную компетенцию региональных органов власти в сфере межрегионального сотрудничества типа «регион–регион». Отсюда основным нормативным актом, регулирующим МРС в Республике Крым, является Закон Республики Крым от 15 декабря 2014 года № 31–ЗРК/2014 «О

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ...

соглашениях об осуществлении межрегионального и международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей».

Республика Крым участвует и в других формах межрегионального сотрудничества, в частности, является действующим членом Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «Юг». В отчёте о деятельности ассоциации за 2023 год указано, что в течение данного года было реализовано более 60 мероприятий, в числе которых: заседания координационных советов по различным вопросам отраслевого взаимодействия (в т. ч. в промышленности), выставки, ярмарки, научно-технические конференции и форумы. При участии Ассоциации «Юг» в г. Сочи в мае 2023 года проходило Всероссийское совещание по развитию электрического транспорта и зарядной инфраструктуры в южных регионах России, в котором приняли участие более 150 руководителей и специалистов, а в подготовке программы – 10 отраслевых ассоциаций и объединений. Ассоциация также отмечает, что проводит «постоянную работу по принятию субъектов РФ ЮФО Республики Крым и г. Севастополя в члены Ассоциации» [18].

Кроме того, по инициативе Республики Крым и г. Севастополя на полуострове в 2021 году создан Межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня «МореАгроБиоТех». В 2022 году на его поддержку было направлено около 120 млн. рублей из федерального бюджета, общий бюджет Центра составляет 23,5 млрд руб. Деятельность научно-образовательного центра направлена на развитие технологий инновационного судостроения, цифровой навигации и освоения ресурсов Мирового океана, агро- и биомедицинских технологий в тесной координации с заинтересованными регионами РФ.

Республика Крым также не оставляет без внимания отраслевые соглашения о сотрудничестве, основными из которых являются соглашения, заключаемые Министерством промышленной политики РК и Министерством курортов и туризма РК. Соглашения по линии Минпромполитики подписаны с 17-тью регионами, а по линии Минтуризма – с 26-тью регионами.

Знаковым проектом межрегионального сотрудничества Республики Крым с субъектами РФ в сфере туризма является межрегиональный туристский проект «Золотое кольцо Боспорского царства». Проект разработан профильными ведомствами Республики Крым, Краснодарского края, Севастополя и Ростовской области. Общую координацию проекта осуществляет Русское географическое общество при поддержке Федерального агентства по туризму. На международном уровне проект позиционирует Российскую Федерацию как один из уникальных центров античной культуры и цивилизации.

Несмотря на обширную географию межрегионального сотрудничества Республики Крым (заключено 61 соглашение о сотрудничестве с регионами России), полуостров не является лидером в этой области на всероссийском уровне. Кроме того, в торгово-экономической деятельности Республики характерно доминирование ввоза над вывозом, в импорте преобладает продукция с высокой добавленной стоимостью, а в экспорте – с низкой, что является препятствием достижения технологического суверенитета Республики Крым.

Отсюда возникает необходимость поиска путей интенсификации межрегионального сотрудничества. Проведём анализ имеющихся в современной науке методов оценки состояния и перспектив развития сложившихся между регионами связей.

Подход Госкомстата, разработанный в рамках проекта ТАСИС, выделяет лишь проблемно-содержательные блоки, не уточняя конкретные показатели оценки [1, с. 84–86]. Только два блока непосредственно касаются межрегиональных связей – внешнеэкономическая деятельность и межбюджетные отношения, остальные же рассматривают состояние экономики и социальной сферы региона, а также его потенциалы.

Методики П. И. Бурак и Е. А. Колодиной напротив, основываются на оценке межрегиональных связей [2, 3]. П. И. Бурак и соавторы используют количественные показатели, большинство из которых не рассчитываются региональными управлениями статистики или в принципе сложны для определения (к примеру, число туристов, прибывающих из других регионов РФ). Е. А. Колодина, в свою очередь, использует показатели состояния институциональной сферы (наличие межрегиональных кластеров, предпринимательских институтов и институтов гражданского общества, штаб–квартир крупных компаний) и движения ресурсных потоков.

Наиболее полной является методика, разработанная группой экспертов под руководством Н. А. Ларионовой. Методика предполагает балльную оценку межрегионального взаимодействия по широкой группе критериев: экономических, инвестиционных, экологических, социальных, гуманитарных и коммуникационных [4, с. 185]. Данный подход позволяет оценивать состояние сотрудничества в статике и в динамике, проводить всесторонний анализ и анализ связей с каждым регионом отдельно, учитывать все сферы общественной жизни. Безусловно, для применения подобной методики необходима значительная статистическая база, но и упрощённый вариант – с выбором ограниченного круга ключевых показателей – будет репрезентативным при условии сохранения общих принципов оценки, выделенных Н. А. Ларионовой: исследование каждого региона в отдельности, использование балльной шкалы, создание карт (рейтингов) межрегионального взаимодействия.

На основе синтеза рассмотренных методик исследования межрегионального взаимодействия, а также матричной модели нами был предложен собственный подход, который предполагает выделение двух ключевых характеристик: оценки возможностей научного сотрудничества исследователей (ось абсцисс) и степени взаимодополняемости экономик регионов по показателям отраслевой специализации (ось ординат).

Оценка степени взаимодополняемости экономик регионов базируется на принципе межрегионального разделения труда: наиболее перспективно торговое взаимодействие между теми субъектами, которые специализируются на производстве различных товаров.

Соответственно, индекс взаимодополняемости рассчитывается по следующей формуле:

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ...

$$I_{\text{вд}} = \sum_{i=1}^n |d_j^i - d_k^i|, \quad (1)$$

где: $I_{\text{вд}}$ – индекс взаимодополняемости региона j и исследуемого региона k (изменяется от 0, означающего полное совпадение специализации, до 2,00 – полное несовпадение отраслей специализации);

d_j^i – доля i -той отрасли j -того региона в общей сумме валовой добавленной стоимости j -того региона;

d_k^i – доля i -той отрасли исследуемого региона в общей сумме валовой добавленной стоимости исследуемого региона.

Соответствующий индекс рассчитывается и для оценки возможностей научного сотрудничества исследователей, разделённых в соответствии со специализацией по шести основным областям наук, выделяемых Росстатом: естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, общественные и гуманитарные. Основой расчётов здесь выступает доля исследователей определённой области наук в общем числе исследователей региона. В случае с индексом возможностей научного сотрудничества, чем выше несовпадение исследовательской специализации, тем менее перспективна кооперация с данным регионом, и наоборот.

Матрица типов межрегионального сотрудничества в общем виде представлена на рисунке 1.

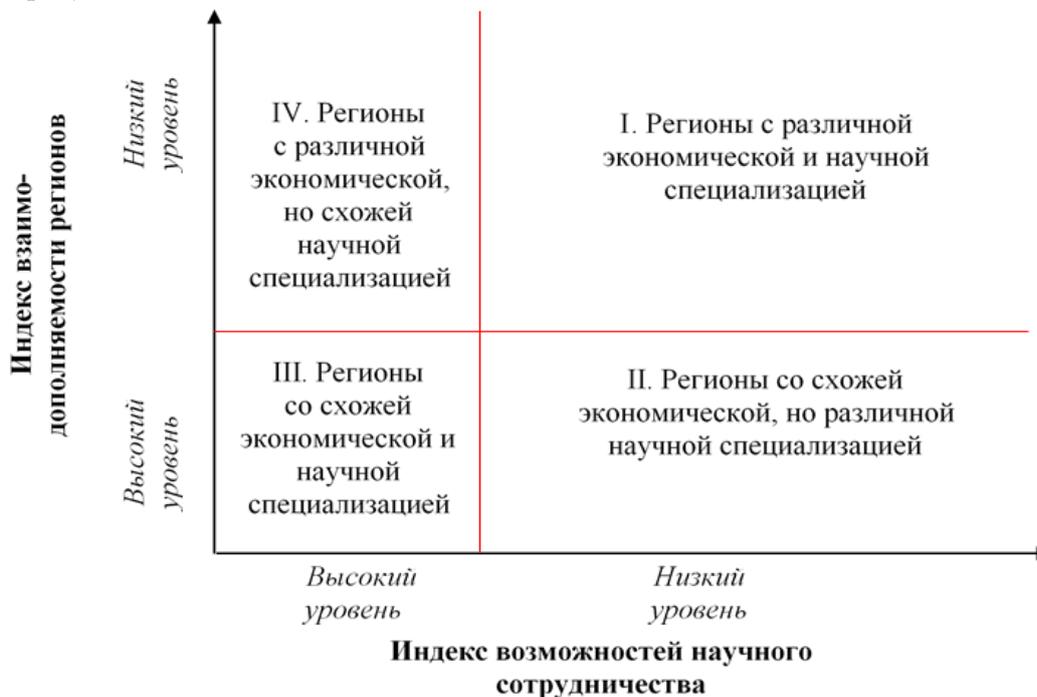

Рисунок 1. Матрица типов межрегионального научно-технического сотрудничества

Источник: составлено автором.

Для составления матрицы также необходимо определить две пороговых оси, которые будут отделять четыре квадранта, характеризующих различные типы межрегионального сотрудничества в сфере науки и технологий субъектов РФ с исследуемым регионом. В качестве первой и второй пороговых отметок по формуле (1) был рассчитан индекс взаимодополняемости региона с условным субъектом, у которого отсутствует специализация (то есть доли отраслей в ВДС такого региона и доли исследователей в общем числе учёных равномерно распределены).

Распределение регионов относительно квадрантов позволяет сделать общий вывод о возможностях межрегионального научно-технического сотрудничества, а также определить пути его оптимизации. Так, наиболее оптимальный тип сотрудничества соответствует квадранту III, в котором сочетается взаимодополняемость экономик и научной специализации регионов.

Перейдём к анализу матрицы типов межрегионального сотрудничества, построенной нами для Республики Крым (рисунок 2).

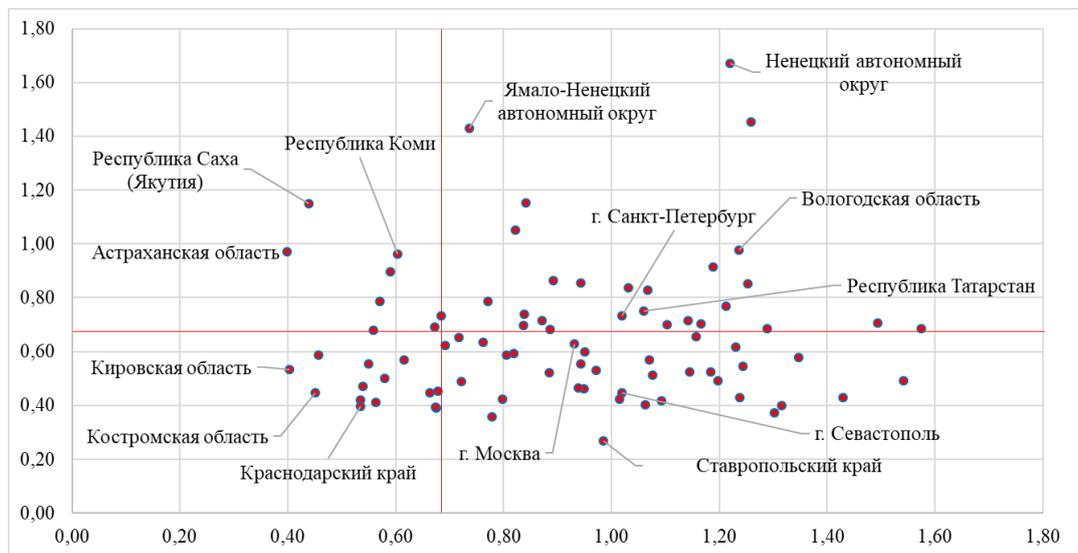

Рисунок 2. Матрица межрегионального научно-технического сотрудничества Республики Крым, 2024 год

Примечания: 1. Херсонская и Запорожская области, Донецкая и Луганская народные республики не учтены в силу отсутствия статистических данных.

2. Статистические данные по Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу не представлены в соответствии Федеральным законом от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учёте и системе государственной статистики в Российской Федерации».

Источник: составлено автором на основании [19].

Распределение регионов РФ по типам взаимодействия с Республикой Крым сложилось следующее: 26 субъектов относятся к первому типу, 34 – ко второму, 14 – к третьему и 8 – к четвёртому. Подобное распределение не является оптимальным,

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ...

так как несовпадение научной специализации имеет место с 60 регионами из 82, а III (оптимальному) типу сотрудничества соответствуют лишь 14 субъектов, что составляет меньше пятой части от их общего числа.

Распределение регионов относительно квадрантов позволяет сделать общий вывод о возможностях межрегионального научно-технического сотрудничества, а также определить пути его оптимизации. Так, наиболее оптимальный тип сотрудничества соответствует квадранту III, в котором сочетается взаимодополняемость экономик и научной специализации регионов.

Ориентируясь на результаты матричного анализа, можно определить ключевые регионы, с которыми научно-техническое взаимодействие по линии НОЦ «МореАгроБиоТех» было бы наиболее перспективно. При этом степень совпадения специализации в научной сфере (ось абсцисс) позволяет обратить внимание на те регионы, сотрудничество с которыми было бы возможно в сфере образования и науки. Соответственно, взаимодополняемость экономик регионов (ось ординат) указывает на перспективные области взаимодействия в сфере бизнеса.

Таким образом, в квадранте III размещаются те регионы, сотрудничество с которыми было бы возможно по всем трём направлениям деятельности НОЦ – наука, образование, производство. Эти же три направления соответствуют сторонам треугольника Лаврентьева, что позволяет использовать матрицу не только как инструмент планирования и совершенствования межрегиональных связей НОЦ, но и шире – для моделирования связей науки и бизнеса в межрегиональном контексте, что поспособствует расширению экспортного потенциала Республики Крым и Южного макрорегиона в целом [20, С. 82].

Приведём примеры использования матрицы. Так, критериям квадранта III соответствует положение Краснодарского края. Схожесть специализации двух регионов очевидна, их связывает давние межрегиональное сотрудничество, но, тем не менее, Кубань и Крым участвуют в разных НОЦ. Анализ проектов данных центров позволяет обнаружить определённые совпадения: обеими НОЦ запланировано создание систем управления водными ресурсами, генетические исследования, реабилитационная медицина.

Также к III квадранту относится и Республика Дагестан. Научные учреждения республики, такие как ФГБУН «Федеральный аграрный научный центр Республики Дагестан», в течение многих лет ведут разработки по тем же направлениям, что и НОЦ «МореАгроБиоТех»: селекция, приёмы возделывания и орошения винограда, генетические исследования. Также заинтересован Дагестан и в работах по управлению водными ресурсами: республика находится на последнем месте в России по качеству питьевой воды, 96,7 % водных объектов не соответствует требованиям Роспотребнадзора [21].

ВЫВОДЫ

В целях определения перспектив достижения технологического суверенитета Республики Крым на основе межрегионального сотрудничества была разработана и

применена оптимизационная модель – матрица типов межрегионального сотрудничества.

Матрица построена по двум параметрам: взаимодополняемость регионов, отражающая степень различий в отраслевой специализации и оценку взаимодополняемости научно-технической специализации регионов. Среди выявленных типов сотрудничества первый (I) соответствует наименьшей взаимодополняемости регионов, третий (III) – наибольшей.

Построение матрицы по параметрам межрегионального сотрудничества Республики Крым, позволило определить, что оптимальному типу сотрудничества соответствуют лишь 14 субъектов, наименее развитый тип отношений характерен для 26 регионов, остальные занимают промежуточную позицию. Налицо значительный потенциал развития межрегионального сотрудничества.

Использование матрицы типов межрегионального сотрудничества позволило на примере Краснодарского края и Республики Дагестан, которые относятся к III типу сотрудничества, определить перспективные направления научно-технической кооперации (управление водными ресурсами, генетические исследования, реабилитационная медицина, виноградарство), реализация которых позволит интенсифицировать процесс достижения технологического суверенитета Республики Крым.

Исследование проведено в рамках гранта Государственного Совета Республики Крым (Постановление Президиума Государственного Совета Республики Крым от 22 января 2024 года № п932-2/24).

Список литературы

1. Лезина Е. Г. Методические подходы к оценке эффективности регулирования межрегионального сотрудничества // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2012. № 8. С. 81–86.
2. Бурак П. И., Ростанец В. Г., Топилин А. В. Инфраструктура межрегионального экономического сотрудничества и императивы инновационного развития: монография; Российская акад. естественных наук, Междунар. ассамблея городов, Ин–т региональных экономических исслед. Москва: Экономика, 2009. 366 с.
3. Колодина Е. А. Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05. Иркутск, 2004. 316 с.
4. Ларионова Н. А. Методика оценки межрегионального сотрудничества субъекта Федерации // Регион: Экономика и Социология. 2016. № 3 (91). С. 178–194.
5. Душин А. В., Юрак В. В. Проблемы разработки и реализации мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»: уроки для будущего // ЭКО. 2017. № 9 (519). С. 42–53.
6. Кожевников С. А., Секушина И. А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70.
7. Данилов А. Ю. «Золотое кольцо России»: история становления и развития туристского маршрута // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 4 (46). С. 41–45.
8. Решетников Д. Г. 50–летие маршрута «Золотое кольцо России»: опыт развития и новые вызовы // Беларусь в современном мире: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96–летию образования Белорус. гос. ун–та, Минск, 25 окт. 2017 г. = Беларусь у сучасным свеце: матэрыялы XVI Міжнар. навук. канф., прысвеч. 96–годдзю заснавання Беларус. дзярж. ун–та, Мінск, 25 кастр. 2017 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 256–258.
9. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.

10. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 года: ратифицирована ФЗ РФ от 22 июня 2002 г. № 91–ФЗ: вступила в силу для Российской Федерации 5 января 2003 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901734774>.

11. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон № 4–ФЗ: [принят Государственной Думой 2 декабря 1998 года]. // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347>.

12. О межрегиональном сотрудничестве: модельный закон принят на 29 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств: постановление № 29–19 от 31 октября 2007 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902092618?marker>.

13. О соглашениях об осуществлении межрегионального и международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей: Закон Республики Крым № 31–ЗРК/2014: [принят Государственным Советом Республики Крым 26 ноября 2014 года] // Правительство Республики Крым: официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/10832>.

14. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2577–р от 7 октября 2020 года // Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/MnASiQeMZvg94D1jToaVcdAyXzgFpGAC.pdf>.

15. Мосолов Д. М. Современные подходы к управлению межрегиональным сотрудничеством // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2016. № 28. С. 46–50.

16. Гейман О. А. Теоретические аспекты сценарного моделирования развития регионов // Экономика промышленности. 2009. № 5. С. 14–18. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-stsenarnogo-modelirovaniya-razvitiya-regionov/viewer>.

17. Беззубченко О. А. Межрегиональное сотрудничество: сущность, формы и процесс реализации. 2015. № 9. С. 96–102.

18. Отчёт о деятельности Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «Юг» за 2022 год: утверждено решением № 1 заседания Совета Ассоциации «Юг» от 27.01.2023 года // Ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ ЮФО «Юг»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://askregion.ru/information/reports/>.

19. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

20. Ровенчак О. И. Экспортный потенциал Южного макрорегиона: приоритеты и тренды развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 81–88.

21. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019. 254 с.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 332.1

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Сметанко А. В., Богданова Ж. А., Богданов Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: smetanko@mail.ru

В статье раскрыта роль сельских территорий в Российской Федерации. Данная роль обусловлена тем, что такие земли занимают более двух третей российской территории, и от их состояния в огромной степени зависит развитие Российской Федерации. Рассмотрены понятия демографической политики. Демографическая политика является составной частью общей социально-экономической политики государства и влияет на динамику численности населения. Обозначено место Республики Крым в исследуемой проблеме. Сельскому хозяйству в Крыму уделяется особое внимание, поэтому немаловажным вопросом является устойчивое развитие именно сельских территорий. На устойчивое развитие территорий напрямую влияет демография. Поэтому в статье проведена оценка демографической политики и отражено ее влияние на устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий Республики Крым. В ходе анализа было выявлено, что с каждым годом удельный вес сельского населения Республики Крым увеличивается, тем самым уменьшается удельный вес городского населения. Установлено, что численность трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Республики Крым с каждым годом уменьшается. В статье раскрыты вопросы миграции, которые напрямую влияют на демографию как региона, так и страны в целом. По результатам исследования авторами выделены проблемы и приведена их классификация. Проблемы социального характера обозначены тем, что практически отсутствуют перспективы развития молодого поколения, многие села до сих пор не газифицированы, на сельских территориях нет четкого плана по строительству детских садов и школ, нет качественного медицинского обслуживания и т. д. Определено, что экономические проблемы в основном касаются как нехватки финансирования, так и отсутствия высококвалифицированных кадров. Предложены мероприятия для решения этих проблем, которые должны быть осуществлены на государственном и муниципальном уровне.

Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, демография, демографическая политика,

н
а
с
е
п

ВВЕДЕНИЕ

Сельские территории Российской Федерации являются ключевым ресурсом страны, важность которого стремительно растет в условиях усиления процессов глобализации при одновременном увеличении значения природных и территориальных ресурсов для развития экономики страны.

На протяжении ряда лет усиливается поляризация сельских поселений по численности населения, что приводит к изменению исторически сложившейся территории расселения. Происходит старение сельского населения, наблюдается снижение рождаемости в сельской местности, сокращение населения трудоспособного возраста, сохраняется миграция из сельских поселений в города.

Для того чтобы улучшить ситуацию, направленную на устойчивое развитие сельских территорий, необходимо усилить демографическую политику.

о
с
о
б
н
о
й

н
а
с
е
л
е
н
и
е
,
с

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА...

Вопросами изучения в части данного исследования занимались такие авторы, как Разумова М. А., Зайченко А. А. [1], Стрекалова Н. Д., Татарникова М. А., Фролова Н. Н. [2], Паштетский А. В. [6] и многие другие.

Цель научного исследования заключается в оценке демографической политики Республики Крым и отражения ее влияния на устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий полуострова.

Исходя из поставленной цели, в ходе научного исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить сущность демографической политики, выделить ее объекты и цель;
- раскрыть роль Республики Крым в развитии экономики Российской Федерации;
- рассмотреть отрасль сельского хозяйства и выделить ее приоритетность среди других отраслей Республики Крым;
- проанализировать численность населения Российской Федерации, Южного Федерального округа и Республики Крым;
- провести анализ демографической ситуации в Республике Крым за последние 5 лет.
- выявить проблемы в реализации демографической политики Крыма и предложить пути их решения.

В исследовании были использованы следующие методы:

- Метод дедукции – при изучении основных понятий, которые были использованы в исследовании.
- Метод анализа – при оценке показателей демографической ситуации в Республике Крым.
- Метод сравнения – был использован в анализе показателей численности населения при сравнении данных показателей за исследуемый период.
- Метод синтеза – при обобщении изученного материала и формирования выводов по теме исследования.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Демографическая политика – это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения.

«В настоящее время демографической политике в Российской Федерации уделяется большое внимание как на федеральном, так и на региональном уровнях управления. Тем не менее демографическая ситуация является одной из острых проблем современного общества. Очевидным является тот факт, что демографический кризис требует от органов власти системных и эффективных мер, результат которых общество сможет увидеть по прошествии определенного количества лет» [1, с. 154].

Объектом демографической политики рассматривается население страны, отдельных регионов, а также отдельных социально-демографических групп.

Цель демографической политики – формирование желательного режима воспроизводства. Для стран с высоким уровнем смертности целью демографической политики может быть достижение определенных уровней ожидаемой продолжительности жизни или снижение детской смертности. Для стран с низким уровнем рождаемости, со стареющим населением – повышение суммарного коэффициента рождаемости или привлечение иммигрантов. Для развитых стран – введение квот на иммиграцию. Для развивающихся стран – снижение темпов роста населения или снижение суммарного коэффициента рождаемости.

В международном праве вопросы демографии контролирует Конвенция Международной организации труда и Концепция Организации Объединенных Наций [2]. В Российской Федерации регулирует вопросы демографической политики Конституция РФ. В ст. 7 указано, что Россия – социальное государство, нацеленное на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан [3]. В законодательную базу, регулирующую демографическую и семейную политику, уровень и качество жизни населения в России, входят также федеральные законы, указы Президента РФ, в том числе Указ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Данный указ нацелен на сокращение различий в качестве жизни граждан в различных регионах, а также в городах и сельской местности [4].

Республика Крым занимает особое место в развитии Южного федерального округа, поскольку регион обладает сложной укоренившейся отраслевой структурой.

Проведем анализ численности населения Российской Федерации, Южного федерального округа и Республики Крым, а также выделим удельный вес численности населения в соотношении с РФ и ЮФО (таблица 1 и рисунок 1).

Таблица 1. Численность населения Республики Крым и его удельный вес относительно РФ и ЮФО за 2018–2022 гг.*

Годы	Российская Федерация в целом (млн. чел.)	Южный ФО (млн. чел.)	Республика Крым (млн. чел.)		
	Человек	Человек	Человек	Удельный вес (РФ)	Удельный вес (ЮФО)
2018	146,88	16,44	1,91	1,30	11,63
2019	146,78	16,46	1,91	1,30	11,63
2020	146,75	16,47	1,90	1,29	11,56
2021	146,17	16,72	1,93	1,32	11,55
2022	145,56	16,64	1,92	1,32	11,52

*Составлено на основании [5, 9].

По данным таблицы 1 видно, что население Республики Крым составляет 1,9 млн. человек (1 января 2023), что составляет 1,3 % населения Российской Федерации и 11,5 % населения Южного федерального округа.

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА...

Также по данным таблицы 1 и рисунка 1 видно, что динамика численности населения имеет условно-положительную динамику. В среднем по Российской Федерации за последние 5 лет численность населения составляет 146 млн. чел., хотя за исследуемый период данный показатель уменьшается. Если рассматривать соотношение 2022 года к 2018, то численность населения России уменьшилась на 1,32 млн. человек, что связано в большей части с демографическим кризисом, на который влияет много факторов, в том числе связанных с экономической ситуацией в стране.

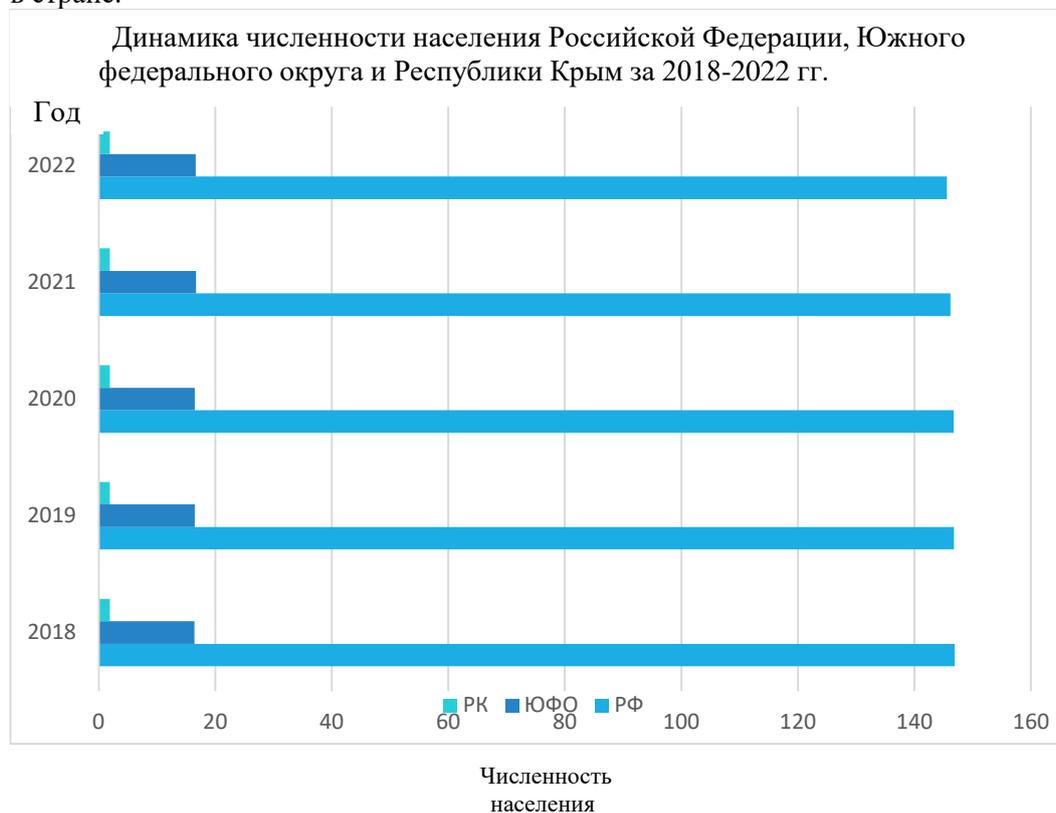

Рисунок 1. Динамика численности населения Российской Федерации, Южного федерального округа и Республики Крым за 2018–2022 гг. (Составлено по данным табл. 1).

Анализируя показатели Южного федерального округа, можно сделать вывод, что за период с 2018 года по 2021 гг. данный показатель численности населения наоборот увеличился на 0,28 млн. чел., а вот в 2022 году он незначительно упал на 0,08 млн. чел. Схожая ситуация наблюдается в Республике Крым, где происходит уменьшение численности населения в 2022 году на 0,01 млн. чел.

После подписания Президентом Российской Федерации Путиным В. В. закона о ратификации договоров о принятии Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в состав России входит 89 субъектов.

Поэтому немаловажным моментом является то, что по численности населения республика занимает 25-е место среди субъектов РФ, 4-е место среди республик Российской Федерации после Башкортостана, Татарстана и Дагестана.

Территория Крыма составляет 26,1 тыс. км². Всего в Республике Крым 1019 населённых пунктов, в том числе: 16 городов, 56 поселков городского типа и 947 сел и поселков [6].

Для реализации национальных приоритетов и повышения уровня и качества жизни населения в среднесрочный и долгосрочный периоды в 2016 году была принята Стратегия социально-экономического развития Республики Крым на период до 2030 года [7]. Как отмечено в данной стратегии, важный фактор социально-экономического развития страны и её регионов и территориальных подразделений тесно связан с развитием всех отраслей экономики. Правительство Республики Крым определило социально-экономическое развитие территориальных подразделений в качестве приоритетного направления, так как оно занимает ведущее место среди долгосрочных факторов общественного производства, формирующих устойчивое развитие национальной экономики.

Одним из ключевых моментов в данной стратегии является демография. В данном разделе отмечено, что «в 2014 году в Республике Крым изменилась доля городского населения по причине отнесения поселков городского типа к сельским населённым пунктам, в результате данных изменений доля городского населения уменьшилась с 62,7 % (на 1 января 2014 года) до 50,8 % (на 1 января 2016 года), а доля сельского населения возросла с 37,3 % до 49,2 %» [7].

В Стратегии особое внимание уделяется демографии населения, проживающего на сельскохозяйственных территориях: «В некоторых подотраслях сельского хозяйства Республика Крым занимает лидирующие позиции среди российских регионов» [7].

Следует отметить, что агропромышленный комплекс является развивающейся отраслью в Республике Крым. Это обусловлено тем, что около 65 % территорий Крыма занято сельскохозяйственными угодьями.

Как отмечает Паштетский А. В., «сельскохозяйственное производство Республики Крым является важнейшим ресурсом страны, поскольку может внести существенный вклад в обеспечение продовольственной безопасности России. Для этого необходимо обеспечить развитие сельской местности как единого территориального исторически сложившегося комплекса, выполняющего производственно-экономическую, социальную, экологическую, демографическую, культурную, природоохранную, рекреационную и другие региональные и общенациональные функции» [8, с. 7].

Следовательно, актуальным вопросом является оценка и влияние демографической политики на устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий Республики Крым.

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА...

Основными проблемами демографического развития и занятости населения Республики Крым являются: естественная убыль населения, вызванная высокой смертностью; высокая доля сельского населения по сравнению со среднероссийскими показателями; высокий уровень демографической старости населения Республики Крым; ярко выраженная сезонность рынка труда Республики Крым; более высокая, чем в среднем по Российской Федерации доля занятых в образовании, здравоохранении и предоставлении социальных услуг, и более низкая – в обрабатывающем производстве, оптовой и розничной торговле, строительстве, что может быть обусловлено высокой долей теневой занятости в экономике.

Рассмотрение проблемы начнем с мониторинга изменения удельного веса сельского населения республики в общей численности населения по данным Крымстата с 2000 по 2022 годы (таблица 2).

Таблица 2. Динамика и структура численности населения Республики Крым за 2000–2022 годы*

Годы	Городское и сельское население	Городское население		Сельское население	
		Человек	Удельный вес	Человек	Удельный вес
2000	2024056	1258720	62.19 %	765336	37.81 %
2001	2022947	1258342	62.20 %	764605	37.80 %
2002	2009659	1251066	62.25 %	758593	37.75 %
2003	1996372	1243744	62,30 %	752573	37.70 %
2004	1985495	1239215	62.40 %	746280	37,60 %
2005	1975070	1233760	62.47 %	741310	37.53 %
2006	1968379	1230000	62.49 %	738379	37.51 %
2007	1962317	1225676	62.46 %	736641	37.54 %
2008	1958505	1222906	62.44 %	735599	37.56 %
2009	1956550	1221048	62.40 %	735502	37.60 %
2010	1954759	1219159	62.38 %	735600	37.62 %
2011	1954253	1217402	62.29 %	736851	37.71 %
2012	1956422	1218329	62.27 %	738093	37.73 %
2013	1891465	959916	50.75 %	931549	49.25 %
2014	1895915	962161	50.75 %	933754	49.25 %
2015	1907106	968721	50.80 %	938385	49.20 %
2016	1912168	973489	50.91 %	938679	49.09 %
2017	1913731	974788	50.94 %	938943	49.06 %
2018	1911818	974881	50.99 %	936937	49.01 %
2019	1912622	975208	50.99 %	937414	49.01 %
2020	1901578	966232	50.81 %	935346	49.19 %
2021	1931091	974231	50.45 %	956860	49.55 %
2022	1916805	963958	50.29 %	952847	49.71 %

*Составлено и рассчитано авторами на основании [9].

Удельный вес сельского населения в Крыму составлял 37,81 % в 2000 году, незначительно изменяясь до 2012 года включительно. С 2013 года удельный вес сельского населения увеличился до 49,25 % и незначительно колебался в течение последних лет, составив в 2022 году 49,71 %. По данным Росстата, уровень сельского населения в 2022 году в целом по Российской Федерации составил 25,55 %, то есть практически в 2 раза меньше, чем по Республике Крым (на 94,56 %). Кажется бы, ситуация благоприятная, однако динамика численности работников, непосредственно занятых в АПК, несколько другая.

Далее целесообразно провести анализ соотношения городского и сельского населения в части трудоспособного населения в Республике Крым за последние пять лет (2018–2022 гг.) (таблица 3).

Таблица 3. Соотношение городского и сельского населения (в том числе трудоспособного) в Республике Крым за 2018–2022 гг.

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	Динамика 2022/2018 (+/-)	% (+/-)	Динамика 2022/2018 (+/-)	% (+/-)
Численность населения, в т.ч.	1911818	1912622	1901578	1931091	1916805	4987	0,26	-14286	-0,75
Городское (чел.)	974881	975208	966232	974231	963958	-10923	-1,12	-10273	-1,07
Сельское (чел.)	936937	937414	935346	956860	952847	15910	1,70	-4013	-0,42
Удельный вес сельского населения (%)	49,01	49,01	49,19	49,55	49,71	0,7	1,43	0,16	0,32
Динамика среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) по полному кругу предприятий по видам экономической деятельности									
Всего	420400	414033	416379	407432	408086	-12314	-2,93	654	0,16
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (чел.)	19332	18417	17758	16548	16707	-2625	-13,58	159	0,96
Удельный вес среднесписочной численности работников в сельском хозяйстве (%)	4,6	4,45	4,26	4,06	4,09	-0,51	-11,09	0,03	0,73
Динамика численности трудовых ресурсов в Республике Крым									
Численность трудовых ресурсов (чел.)	1089155	1097253	1079359	1087911	1118417	29262	2,69	30506	2,73
Среднегодовая численность занятых в экономике (чел.)	841434	852711	843025	850156	839035	-2399	-0,29	-11121	-1,33
Удельный вес (%)	77,26	77,71	78,1	78,15	75,02	-2,24	-2,90	-3,13	-4,17
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (чел.)	100114	98275	87586	85664	77472	-22642	-22,62	-8192	-10,57
Удельный вес (%)	11,9	11,53	10,39	10,08	9,23	-2,67	-22,44	-0,85	-9,21
растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях (чел.)	94741	93356	83045	81372	73054	-21687	-22,89	-8318	-11,39
Удельный вес (%)	94,63	94,99	94,82	94,99	94,3	-0,33	-0,35	-0,69	-0,73
лесоводство и лесозаготовки (чел.)	3024	2705	2509	2451	2446	-578	-19,11	-5	-0,20
Удельный вес	3,02	2,75	2,86	2,86	3,16	0,14	4,64	0,3	9,49
рыболовство и рыбоводство (чел.)	2349	2214	2032	1841	1972	-377	-16,05	131	6,64
Удельный вес (%)	2,35	2,25	2,32	2,15	2,55	0,2	8,51	0,4	15,69

*Составлено и рассчитано авторами на основании [10].

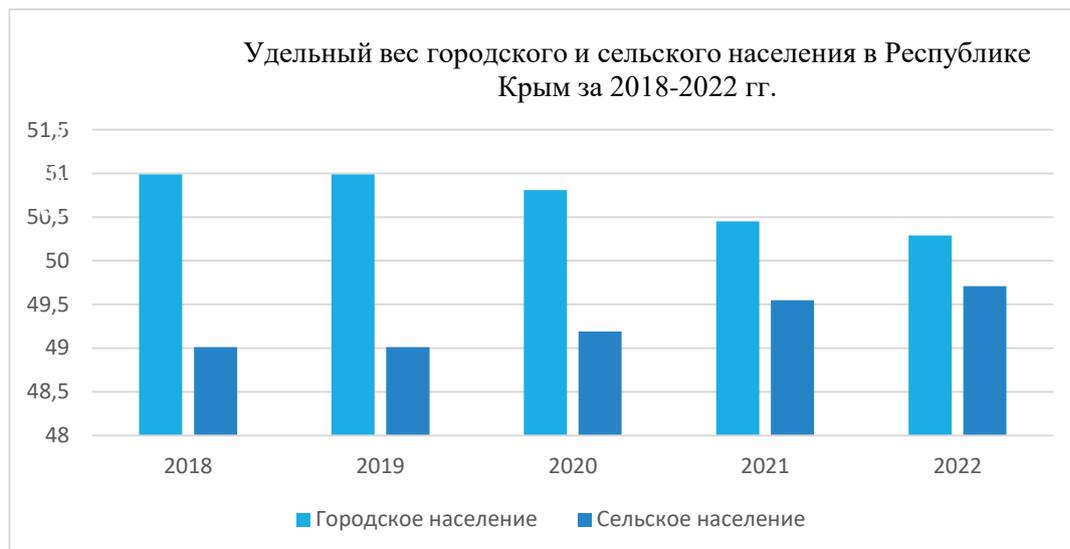

Рисунок 2. Удельный вес городского и сельского населения в Республике Крым за 2018–2022 гг. (Составлено по данным табл. 3)

Проанализировав таблицу 3 и рисунок 2, можно сделать следующие выводы. Так, численность сельского населения за последние пять лет увеличилась на 15910 человек. Увеличился и удельный вес сельского населения: в 2018 году он составлял 49,01 %, в 2022 году – 49,71 %. По сравнению с 2021 годом также произошло увеличение удельного веса на 0,32 %, хотя сама численность населения в 2022 году по сравнению с 2021 годом уменьшилась на 14286 человек.

Если рассматривать данный показатель по Российской Федерации в целом, то сельское население составляет 1/3 всего населения, примерно, 25–26 %. Так, по данным Росстата за 2022 год, городское население составляет 75,06 %, а сельское – 25,55 %. Как видно из проведенного анализа, в Республике Крым доля сельского населения составляет почти половину от всего населения Республики (49,71 %).

Динамика среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) в сельском хозяйстве по полному кругу предприятий по видам экономической деятельности за анализируемый период нестабильна.

В 2018 году наблюдалось максимальное количество занятых в сельском хозяйстве – 19332 человека, затем до 2021 года идет ежегодное снижение численности, и только в 2022 году появляется некоторый рост – на 159 человек, или на 0,96 %. Удельный вес среднесписочной численности работников в сельском хозяйстве (2022/2018 годы) уменьшился с 4,6 % до 4,09 %. Небольшое положительное изменение показателя произошло в 2022 году, удельный вес увеличился на 0,03 %.

Численность трудовых ресурсов в сельском хозяйстве республики Крым в 2018 году составляла 100114 человек, а в 2022 году уже 77472 человек, то есть видна отрицательная динамика, произошло уменьшение на 22642 человека, или на 22,62 %.

Наблюдается отрицательная динамика удельного веса среднегодовой численности населения, занятых в сельском хозяйстве. В 2018 году он составлял 11,9 %, а в 2022 году снизился до 9,23 %. Аналогичная ситуация и с соотношением 2022 года к 2021 году – та же отрицательная динамика: в 2021 году – 10,08 %, а в 2022 году – 9,23 %.

За последние 5 лет прослеживается положительный прирост (за счет миграции) сельского населения по Республике Крым, но трудоспособного населения становится меньше. Это связано с тем, что в сельскую местность переезжают, в первую очередь, пенсионеры. У людей, вышедших на пенсию, мотив переезда в сельскую местность обычно связан с сокращением доходов и невозможностью вести привычный образ жизни. Оплата жилищно-коммунальных услуг, транспорта, расходы на потребительские товары подталкивают пенсионера к пересмотру места жительства. Огород становится главным дополнительным источником дохода, а излишки произведенной продукции раздаются родственникам или реализуются.

Рассмотрим возрастной состав населения Крыма по данным Крымстата на 1 января 2023 года (таблица 4).

Таблица 4. Анализ возрастного состава населения Республики Крым на 01.01.2023 (человек)*

Возраст (лет)	Все население	Городское население	Сельское население
Итого численность (чел.)	1 916 805	963 958	952 847
младше трудоспособного (чел.):	358 630	175 374	183 256
– удельный вес (младше трудоспособного) (%)	18,71	18,19	19,23
в трудоспособном (мужчины 16–61 лет, женщины 16–56 лет) (чел.):	1 061 117	536 966	524 151
– удельный вес	55,36	55,70	55,01
старше трудоспособного возраста (мужчины 62 года и старше, женщины 57 лет и старше) (чел.):	497 058	251 618	245 440
– удельный вес	25,93	26,10	25,76

*Составлено и рассчитано авторами на основании [10].

Проведя анализ численности населения по возрасту, можно отметить, что трудоспособная его часть составляет 55,36 %, причем особой разницы удельного веса городского и сельского населения не наблюдается – удельный вес трудоспособного городского населения – 55,7 %, сельского – 55,01 %.

Важно отметить, что в удельном весе сельскохозяйственного населения (трудоспособного сельского населения) большая часть составляет трудоспособное население, попадающей в категорию внутренней миграции, что обусловлено отсутствием рабочих мест. Следует отметить, что во внутрирегиональных перемещениях традиционно преобладали направление «село–город», а также перемещение жителей из северных, северо-западных и некоторых центральных регионов полуострова в приморские, что объясняется разным уровнем их социально-экономического развития и наличием вакантных мест для трудоустройства.

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА...

Внешняя миграция в основном связана с переселением населения из освобожденных территорий. Многие понимают, что в сельской местности, особенно в пригородных зонах, жилье дешевле и при этом можно найти работу в городе.

Отдельной группой сельскохозяйственного населения являются самозанятые трудоспособные лица, часть которых работает удаленно или имеют регистрацию в других регионах Республики или субъектах Российской Федерации. По данной группе достаточно сложно спрогнозировать обеспеченность лиц рабочими местами.

Рассмотрим валовый продукт Республики Крым в части его формирования с участием сельского населения, а также рассчитаем ВВП на душу сельского населения (таблица 5).

Таблица 5. Валовый внутренний продукт Крыма, приходящийся на сельское население РК за 2019–2021 годы*

	2019	2020	2021	Динамика 2022/2018 (+/-)	% (+/-)	Динамика 2022/2018 (+/-)	% (+/-)
Валовой региональный продукт (млн. руб.)	475525,3	517147,3	586497,5	41622	8,75	69350,2	13,41
в том числе (млн. руб.): сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	28620,1	30358,3	43520,9	1738,2	6,07	13162,6	43,36
Удельный вес (%)	6	5,9	7,4	-0,1	-1,67	1,5	25,42
Численность сельского населения (чел.)	935346	956860	952847	21514	2,30	-4013	-0,42
ВВП на душу сельского населения	0,031	0,032	0,046	0,001	3,69	0,014	43,96

*Составлено и рассчитано авторами на основании [11]

Как видно из приведенной таблицы 5:

– ВРП Республики Крым в 2021 по сравнению с 2020 годом вырос на 13,41 %. Если рассматривать в том числе ВРП, приходящийся на сельское хозяйство, то данный показатель по сравнению с 2018 годом в 2021 году вырос почти в два раза, что свидетельствует о росте АПК РК.

– показатель ВВП на душу сельского населения в 2019 и 2020 годах фактически был без изменений, а вот в 2021 году, несмотря на незначительное снижение сельскохозяйственного населения, он увеличился по сравнению с 2019 годом на 43,96 %.

Несмотря на положительную динамику, в РК можно выделить ряд проблем и факторов, требующих оперативного решения со стороны Правительства Республики Крым:

Проблемы социального характера:

1. Низкий уровень экономической и социальной составляющей – практически отсутствуют перспективы развития для молодого поколения в части их интеллектуального развития (недостаточное количество школ, клубов, дошкольных и школьных образовательных кружков и т. д.).

2. Многие села до сих пор не газифицированы, что приводит к увеличению стоимости жизни на сельскохозяйственных территориях, а также к экологическим проблемам, связанным с загрязнением окружающей среды отходами печного отопления. Многие отапливают свои дома за счет электроэнергии, что является достаточно дорогим. Хотя газ к многим селам подвели, но местного финансирования не хватает для технического присоединения домохозяйств к магистральной газовой сети.

3. Отсутствует качественное водоснабжение и водоотведение, что не позволяет эффективно развивать сельскохозяйственные территории, а также обеспечивать здоровый образ жизни населения, проживающего в селе.

4. Низкий уровень обеспечения рабочих мест в сельских поселениях. Не все трудоспособное население может работать в агропромышленном комплексе, а именно: учителя, воспитатели, медицинские работники, госслужащие и т. д.

Проблемы экономического характера:

1. В большинстве сельскохозяйственных территорий отсутствуют эффективные формы хозяйствования, позволяющие организовать круглогодичное и/или высокорентабельное производство, что даст возможность населению капитализировать свои доходы или же инвестировать часть сбережений в собственное домохозяйство, улучшение социальных условий, образование и т. д.

2. Выделяемые Правительством Российской Федерации денежные средства на поддержку сельхозпроизводителей на уровне регионов не находят должного контроля за целевым их использованием, а также последующей оценки эффективности финансовых инвестиций (необходимо не бесцельно выдавать субсидии и осуществлять финансирование, а лишь при условии постоянного мониторинга, направленного на эффективность использования средств, что должно подтверждаться наличием дополнительных рабочих мест, интенсификацией производства, получением новых видов продукции и т. п.).

3. Небольшое количество бюджетобразующих сельхозпроизводителей и фермерских хозяйств (холдингов, обществ и т. д.) не позволяют наполнять местные бюджеты (отсутствует доходная часть при наличии высокой доли обязательств по социальным программам и прочим расходам), что приводит к закрытию дошкольных образовательных учреждений, школ, медицинских учреждений, а также учреждений соцкультбыта. Данные обстоятельства приводят к тому, что наблюдается отрицательный естественный прирост населения, а также естественной миграции молодых семей в города или на территории, где сформированы благоприятные социально-экономические условия.

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА...

4. Наблюдается тенденция к уменьшению количества сельских поселений в Республике Крым. На основании переписи населения на 2016 г. было установлено наличие 11 вымерших и 74 исчезающих сел. Для нивелирования рисков, связанных с отрицательной миграцией, требуется целевая программа по развитию инфраструктурных проектов, направленных на восстановление в сельских поселениях учреждений соцкультбыта, производственных мощностей, транспортной и инфраструктурной доступности, а также прочих условий, необходимых для формирования положительной динамики в части естественного прироста населения.

5. Миграция трудоспособного населения в город создает дополнительные проблемы, среди которых следует выделить: загруженность дорог; нехватка мест в дошкольных и образовательных учреждениях; высокая стоимость жилья; социальная напряженность, связанная с демпингом оплаты труда при трудоустройстве на работу и т. д.; нагрузка на инженерную инфраструктуру.

ВЫВОДЫ

Для решения выделенных проблем рекомендуется разработать целевую программу, ориентированную на сохранение существующих сельских поселений в Республике Крым, по ряду направлений:

1) Поддержка семей. Реализация социальных программ и мер поддержки для семей, включая субсидии на детей, льготы по жилью и образованию, может способствовать увеличению рождаемости и укреплению семейных структур.

2) Уровень образования. Развитие образования в сельских районах, включая доступность качественных школ и профессионального обучения, может повысить уровень образования населения и способствовать повышению квалификации. Открыть или восстановить работу средних профессиональных учебных заведений, лицеев, колледжей, для того чтобы сельские школьники после окончания школ могли получать рабочие специальности, которые востребованы в сельской местности.

Также существует элементарная нехватка рабочей силы, прежде всего, рабочих специальностей, которые смогли бы работать в сельской местности, например трактористы, механики и т. д.;

3) Здравоохранение. Улучшение доступности в медицинской помощи, в том числе родовспоможению и детской медицине, что позволит улучшить здоровье матерей и детей, а также снизить коэффициент смертности.

4) Создание рабочих мест. Привлечение инвестиций и развитие экономики сельскохозяйственных районов могут создавать новые рабочие места и предоставлять молодым специалистам возможность оставаться и работать на сельских территориях.

5) Меры по борьбе с миграцией. Разработка программ по противодействию миграции молодежи в города может включать в себя предоставление сельской молодежи специальных образовательных и профессиональных возможностей.

6) Поддержка малых предприятий и фермерских хозяйств. Предоставление финансовой и консультационной поддержки малому и среднему бизнесу в сельской

местности, что способствует развитию предпринимательства и созданию рабочих мест.

7) Туризм и развлечения. Развитие туризма и инфраструктуры для активного отдыха может привлечь туристов и создать рабочие места в сельских районах.

8) Привлечение специалистов. Разработка и финансирование программ и мероприятий для привлечения и удержания высококвалифицированных специалистов в сельских районах, что, в свою очередь, позволит укрепить инфраструктуру и качество услуг.

Список литературы

1. Разумова М. А., Зайченко А. А. О реализации демографической политике в регионе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 8 С. 154–161 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47324388>
2. Стрекалова Н. Д., Татарникова М. А., Фролова Н. Н. Демографическая политика в контексте устойчивого регионального развития // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 1. С. 281–294. doi: 10.18334/ce.16.1.114101
3. Конституция Российской Федерации 12.12.1993 г. (редакция от 01.07.2020 г. // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/.
5. Численность населения Южный федеральный округ: Статистика по годам 1991–2022 // Численность-населения.рф. [Электронный ресурс]. URL: <https://численность-населения.рф/южный-федеральный-округ>.
6. Административное деление // Правительство Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://tk.gov.ru/structure/1e500681-f176-44df-b8d6-34ce560c849b>
7. О Стратегии социально-экономического развития Республики Крым на период до 2030 года: Закон Республики Крым от 09 января 2017 года № 352–ЗРК/2017 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/strategiya_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_krym_do_2030_goda/
8. Паштетский А. В. / Проблемы и перспективы инновационного развития сельских территорий Крыма: коллективная монография // ФГБУН «Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крыма». Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 252 с.
9. Население Крыма: численность, состав, динамика // Статистика и показатели: региональные и федеральные [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-kryma-po-dannym-rosstat/>
10. Статистический ежегодник Республики Крым 2022 г. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. URL: [https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Статистический %20ежегодник %20Республики %20Крым. % 202022.pdf](https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Статистический%20ежегодник%20Республики%20Крым.%202022.pdf)
11. Краткий статистический сборник РК в цифрах // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. URL: [https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ПК %20в %20цифрах.pdf](https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ПК%20в%20цифрах.pdf)

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 338;658.1

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА УСТОЙЧИВОСТИ: ОТ ВНУТРЕННИХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ДО ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ

Таничев А. В.¹, Климовец О. В.², Стуглев А. А.³

¹*Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт–Петербург, Российская Федерация*

²*Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Краснодар, Российская Федерация*

³*Фонд Росконгресс, Москва, Российская Федерация*
E-mail: new_economics@mail.ru

Настоящая статья представляет результаты теоретического исследования процесса становления корпоративного менеджмента устойчивости под воздействием противодействующих сил: драйверов устойчивости и ингибиторов устойчивости. С целью систематизации последних предложена 6–уровневая модель глобальной геосоциоэкономической системы, в рамках которой проанализировано влияние внешних и внутренних драйверов устойчивости. Отмечена особая роль таких внешних драйверов устойчивости, как нефинансовые институты развития, реализующие политику государства в области устойчивого развития. Выявлен дуализм ESG–рисков и ESG–камуфляжа, которые могут в зависимости от ситуации быть как драйверами, так и ингибиторами становления корпоративного менеджмента устойчивости. Показана решающая роль в становлении корпоративного менеджмента устойчивости таких внутренних драйверов и ингибиторов устойчивости на наноуровне, как, соответственно, персональный ментальный конструкт устойчивости и негативная валентность ожидания. Приведен значительный справочно-библиографический аппарат пригодный для дальнейших исследований по данной теме.

Ключевые слова: ESG–камуфляж, ESG–риски, импакт–инвестирование, корпоративный менеджмент устойчивости, нефинансовые институты развития, драйверы и ингибиторы устойчивости, символическая и сущностная устойчивость, Фонд Росконгресс.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «устойчивость» (sustainability) приобрел широкую популярность в современном обществе, что можно в известной степени подтвердить, например, тем, что запрос <sustainability AND pdf> давал в апреле 2024 г. около миллиона Google–откликов, а просто <sustainability> – более миллиарда. Вообще говоря, «устойчивое развитие» как русскоязычный термин должен отражать сущность соответствующего ему понятия, так как «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определенным полем» [1, с. 34], вызывает некоторое сомнение в его адекватности означаемому им понятию. Этот двухкомпонентный термин «устойчивое» + «развитие» неоднократно подвергался критике как не самый, мягко сказать, удачный перевод с английского «sustainable development», который в ряде стран нашел себе более удачную репрезентацию на национальных языках (например, в Польше «zrównowazony» – «сбалансированный»).

Прежде, чем непосредственно перейти к заявленной в названии статьи теме, сделаем, на наш взгляд, необходимые замечания по поводу дальнейшего развития терминосистемы устойчивого развития. Неудачность и определённая оксюморонность

самого термина «устойчивое развитие» (sustainable development) давно стала притчей во языцех [2]. Выяснилось [3], что сама концепция, которую повсеместно стали называть «устойчивое развитие», была терминована еще в начале восемнадцатого века неким саксонским бюрократом, чтобы обозначить принцип бережливой и дальновидной практики непрерывной заготовки древесины в одном и том же лесу, как «Nachhaltigkeit» (постоянство, настойчивость, упорство, стойкость или стабильность, длительность – см. <https://forward-translate.ru>). Суть принципа «Nachhaltigkeit» в том, чтобы потребление леса не опережало его восстановление. Впрочем, такое же рудиментарное бережное отношение к «природному капиталу» можно и сегодня заметить у малых народов Крайнего Севера. Даже если в духе наивной этимологии (по Задорнову) разбить этот немецкий термин на части и заменить герундий на инфинитив – Nachhalten + keit – получим «способность сохраняться или долго держаться», что наилучшим образом соответствует целям и задачам следования так называемому «тройному итогу» (по Элкингтону) (Triple Bottom Line) [4]. Иными словами, для менеджмента устойчивости необходимо принимать управленческие решения, ориентированные на финансовые показатели (Profit) в координации с социальными (People) и экологическими (Planet) результатами (последствиями) деятельности бизнеса. Вместе с тем, свершившаяся дальнейшая эволюция терминологической онтологии устойчивого развития (сдвиг корневого термина: «sustainable development» ⇒ «sustainability»), похоже, все расставляет на свои места. Так, в целом, практически сформировалась наука об устойчивом развитии или наука устойчивости (sustainability science) [5] как новая междисциплинарная предметная область [6], которая ставит своей основной целью понимание сложной системы «человек–природа» и вклада академических знаний в стремление к устойчивому развитию. Кроме того, в релевантных нашей теме академических работах замечен переход частотности применения от термина «sustainable development» к его акрониму «SD» и, наконец, просто к «sustainability». Поэтому здесь и далее все члены терминологической парадигмы устойчивости (менеджмент устойчивости, бизнес устойчивости, компания устойчивости, корпоративная устойчивость и т.п.) должны пониматься как означающие принадлежность к ценностям и целям устойчивого развития.

Вопрос устойчивости бизнеса продолжает привлекать большое внимание общественности и вызывает все больше дискуссий. В первое десятилетие XXI века обнаружилось [7], что ожидания заинтересованных сторон (стейкхолдеров) компаний включают все больше и больше социальных и экологических аспектов, в то время как основной целью компании остаются финансовые показатели (все же остающиеся основной целью бизнеса для его выживания), которые в силу отношения к данному бизнесу импакт–инвесторов [8] преданы принципу измерения и отчетности о социальных и экологических последствиях инвестируемого бизнеса [9, с. 24] и все больше влияют на социальные и экологические показатели. Практический интерес становления устойчивости компании представляет получение ответа на два вопроса: 1) кто является прямым и непосредственным актором становления признаков устойчивости компании среди множества стейкхолдеров устойчивости; 2) какая из связанных с корпоративным менеджментом устойчивости концепций (табл. 1) преимущественно используется при рассмотрении устойчивости или устойчивого развития в сфере

бизнеса. Ответ на первый вопрос кажется однозначным, это – внутренние стейкхолдеры устойчивости [10], то есть владельцы бизнеса и менеджмент (равно понимаемый и как группа работников, и как форма управления, подчиненная определенной идеологии бизнеса), а в нашем случае менеджмент устойчивости, задача которого заключается в «соблюдении баланса между экономическим, социальным, экологическим и институциональным принципами в управлении организацией» [11]. Впрочем, косвенное влияние на корпоративный менеджмент устойчивости со стороны внешних стейкхолдеров и разнообразно, и может даже превалировать, что можно себе представить из перечня внешних стейкхолдеров в широком смысле [10] понимания этого термина, претерпевшего расширение после первого их определения (по Фримену) [12], а именно: 1) поставщики/покупатели (потребители); 2) акционеры; 3) государственные организации; 4) общество (местная общественность, НГО/НКО, СМИ, входящие в социальную жизнь поколения); 5) прочие организации/конкуренты; 6) группы влияния (корпорации, промышленные предприятия, коммерческие организации, лоббисты, профсоюзы и гражданские/общественные институты); 7) университеты/исследовательские институты [как раз здесь и могут появиться «некорректные» оценки и рейтингование, могущие быть оценены как ингибиторы устойчивости – авт.] и 8) природная окружающая среда (natural environment), относительно недавно включенная в число стейкхолдеров устойчивости [13].

По поводу второго вопроса, то как по концепциям, связанным с корпоративным менеджментом устойчивости (табл. 1), так и по числу систем (матриц), представляющих индикаторы и индексы для оценки корпоративной устойчивости [14], имеет место весьма большое разнообразие, что однажды привело к появлению в подзаголовке статьи по этой проблеме весьма выразительного вопроса «Измерение неизмеримого?» [15]. Однако для основной задачей настоящей статьи достаточно зафиксировать тот факт, что метрики существуют безотносительно к оценке их достоверности и используются как сенсоры устойчивости [8], хотя порой и могут играть роль ингибиторов как инструменты «зеленого камуфляжа» (greenwashing), или «ESG–камуфляжа», вызывая негативную реакцию внешних стейкхолдеров бизнеса, среди которых особое внимание обращается на импакт–инвесторов и потенциальных/реальных поставщиков/покупателей B2B–рынка. А собственно, ее основная задача состоит в представлении тех сил – драйверы и ингибиторы устойчивости [8], которые оказывают влияние на поведение менеджмента компании в контексте достижения целей устойчивого развития.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Роберт Уиллард (Robert Willard) [<https://sustainabilityadvantage.com/>], накопивший огромный опыт за его 34–летнюю карьеру в IBM Canada и являющийся сегодня ведущим экспертом по обоснованию устойчивости, системам отчетности и устойчивым закупкам, предложил пятиэтапную модель движения компании к устойчивости (The 5–Stage Sustainability Journey) [16], где на основании его многолетних наблюдений компания, принявшая ценности устойчивого развития и начавшая практиковать корпоративный менеджмент устойчивости, должна проходить следующие этапы движения к устойчивости: 1) пре–согласие (Pre–Compliance); 2)

согласие (Compliance); 3) пост–согласие (Beyond Compliance); 4) интегрированная стратегия (Integrated Strategy); и 5) увлеченность и целеустремленность (Passion and Purpose) (рис. 1). Считается [ibid.], что на первых трех этапах корпоративный менеджмент еще не может быть отнесен к состоявшемуся менеджменту устойчивости, который можно функционально определить как «формулирование, внедрение и оценка решений и действий, связанных как с экологической, так и с социально-экономической устойчивостью» [17, с. 12]. Действительно, бизнес–фрейм устойчивости, равно как и корпоративный менеджмент устойчивости, образуется на этапах 4 или 5, поскольку здесь ментальный конструкт руководителей и менеджеров также меняется от имеющих место в той или иной степени на этапах 1, 2 и 3 их представления о «зеленых», «экологических» и «устойчивых» инициативах как о дорогостоящих и бюрократических угрозах прибыльности их бизнеса к признанию таковых инициатив в качестве катализаторов стратегического роста. Переход становления корпоративного менеджмента устойчивости на этапы 4 и 5 соответствует известной гипотезе Портера [18] о том, что программы корпоративной социальной ответственности в конечном итоге оказывают позитивное влияние на экономическую эффективность бизнеса (за счет накопления репутационного капитала), а также снижают репутационные риски. Представим конспективно в чем состоят указанные пять этапов движения менеджмента на пути к устойчивости.

Таблица 1. Сравнение концепций, связанных с корпоративным менеджментом устойчивости: CS, CSR, ESG и SDGs

Концепт	Определение	Основные измерения	Основные цели
CS	действия бизнеса, способствующие	экономические, социальные и	идентификация и смягчение воздействий на
4*М	экономическому процветанию, социальной справедливости и экологической чистоте.	экологические и социальные	устойчивость со стороны бизнеса и взаимоотношений между этими воздействиями
CSR	действия бизнеса, продвигающие модели поведения, соответствующие моральной/социальной ответственности	социальные и экологические	идентификация и смягчение социального вреда или неответственное поведение в обществе со стороны бизнеса
235*М			
ESG	совокупность факторов (экологических, социальных и управленческих), которые могут существенно повлиять на бизнес.	экологические, социальные и управленческие	Определение связанных с ESG рисков и возможностей для финансовых показателей компаний.
256*М			
SDGs	Полный комплект целей, которые необходимо достичь для обеспечения устойчивого развития на глобальном уровне.	экологические, социальные, экономические и управленческие	идентификация неотложных глобальных проблем устойчивого развития и обеспечение устойчивого будущего
74*М			

Примечания: CS – корпоративная устойчивость; CSR – корпоративная социальная ответственность; ESG – экология, социальная политика и корпоративное управление; SDGs – цели устойчивого развития; n*М – число Google–откликов в апреле 2024.

Источник: [19]

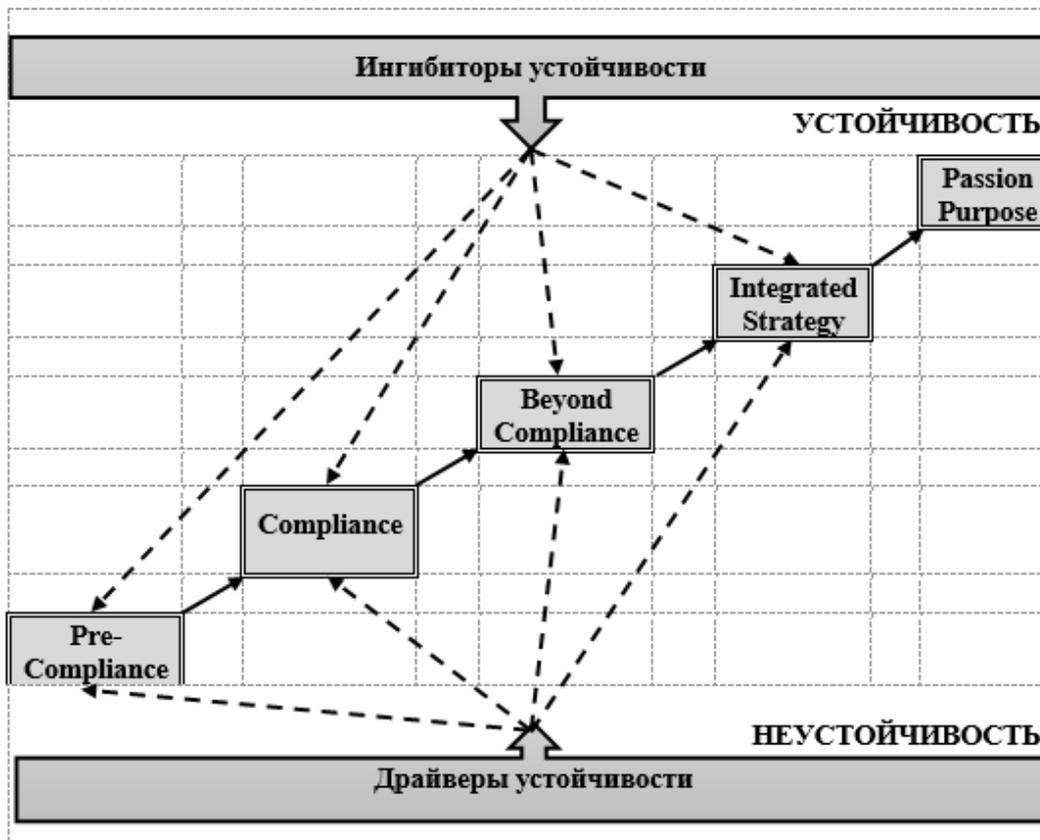

Рисунок 1. Модель становления корпоративного менеджмента устойчивости в контексте противоборства драйверов и ингибиторов устойчивости

Источник: разработка авторов с использованием концепции, отраженной в пятиэтапной модели движения компании к устойчивости [16]

Первый этап – пред–согласие. На этом этапе компания в целях экономии средств и времени хитрит и старается не попасться в случаях нарушения закона, а также при использовании нарушающих нормы методов эксплуатации, что приводит к игнорированию любых понятий устойчивого развития и пренебрежению правилами охраны окружающей среды, здоровья и безопасности. Считается [16], что в настоящее время в развитых странах (в отличие от менее развитых) менеджмент понимает, что задерживаться на этом этапе развития рискованно и, чтобы избежать штрафов, судебного преследования и потери репутации за незаконные действия, предпринимает усилия для перехода на второй этап.

Второй этап – согласие. Менеджмент в целом настроен на устойчивость и справляется со своими обязательствами по ней, соблюдая все нормы труда, экологии, охраны труда и техники безопасности, реактивно следуя сложившимся на данный момент законам и подзаконным актам, касающимся устойчивого развития, но в своем

ментальном конструкте менеджмент воспринимает и исполнение в области экологии и филантропии как вынужденные затраты, а мероприятия корпоративной социальной ответственности (КСО) минимальны и носят вид декларации. Тем не менее, менеджмент осознает, что общество начинает требовать от бизнеса большей ответственности за побочный социальный и экологический ущерб. По сравнению с первым этапом действия корпоративного менеджмента нельзя назвать незаконными, но они еще не соответствуют ценностям устойчивого развития.

Третий этап – пост–согласие. На этом этапе менеджмент уже осознает возможность реализации вышеприведенной гипотезы Портера [18], согласно которой конкурентное преимущество может быть получено из двух основных источников: снижения затрат или дифференциации. Однако это ИЛИ, по словам М. Портера, «никогда не означало, что компании могли игнорировать затраты в погоне за дифференциацией или игнорировать дифференциацию в погоне за наименьшими затратами» [20, р. xiv]. Поэтому дифференциация за счет признака устойчивости, в начале его требующего дополнительных затрат приобретения, в дальнейшем (с приобретением компанией этого признака и становлением ее корпоративного бренда устойчивости [21]) вполне сочетается с одновременным выполнением обоих условий без ИЛИ, когда менеджмент понимает, что может сэкономить на производственных и/или транзакционных издержках за счет дифференциации по признаку устойчивости при внедрении инновационных технологических мер по обеспечению экологической эффективности за счет экономии: 1) энергии и сокращение связанных с ней выбросов углекислого газа; 2) воды; 3) материалов, расходуемых на продукцию и упаковке; и 4) на затратах по переработке/захоронению отходов. Однако проявления корпоративного менеджмента устойчивости пока еще не затрагивают деятельность всей компании, а только ряда ее подразделений, наиболее заметных обществу по «неустойчивости», или «грязных».

Четвертый этап – интегрированная стратегия. Менеджмент уже трансформировал свою бизнес–модель [22], полностью приняв ценности устойчивого развития, от модели утилитарного типа «бери–сделай–выброси» (take–make–waste) в модель менеджмента устойчивости «заимствуй–используй–возвращай» (borrow–use–return) [23], что соответствует принципам циркулярной экономики [24], где при любой возможности отходы (выбросы) одного производства за счет повторного использования и восстановления занимают место материальных ресурсов другого производства (возвращай). Менеджмент координирует подходы к устойчивому развитию с ключевыми бизнес–стратегиями компании. На этом этапе гипотеза Портера становится реальностью, компании производят более чистую продукцию, применяют меры экологической эффективности и управления жизненным циклом [25], а также получают конкурентные преимущества от своих инициатив в области устойчивого развития.

Пятый этап – увлеченность и целеустремленность. Руководствуясь безальтернативным, основанным на ценностях устойчивого развития стремлением одновременно улучшить благосостояние компании, общества и окружающей среды, компания на этом этапе своей эволюции делает свой вклад в реализацию императива устойчивого развития, так или иначе сказывающийся на всех уровнях глобальной

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА...

социально-экономической системы – ГСЭС (рис. 2). Основное различие между этапами 4 и 5 движения менеджмента к устойчивости состоит в следующем: компании четвертого этапа «делают правильные дела», чтобы стать успешным бизнесом, а предприятия пятого этапа, уже являющиеся успешными, поэтому они могут бесповоротно продолжать «делать правильные дела».

Рисунок 2. Вербальная модель глобальной социально-экономической среды (ГСЭС) с репрезентацией акторов/стейкхолдеров устойчивости.

Примечания: ЮНЕА – Ассамблея ООН по окружающей среде; ЮНКТАД – Организация ООН по торговле и развитию; ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН; МТЦ – Международный торговый центр; НГО – негосударственная организация; НКО – некоммерческая организация

Источник: разработка авторов.

Очевидно, что на этом пути компании или менеджмент компаний встречает как благоприятствующие, так и препятствующие силы, которые нами ранее были названы [8] драйверы и ингибиторы корпоративной устойчивости соответственно. Представляется интересным визуализировать эти драйверы и ингибиторы в контексте вербально представленной выше пятиэтапной модели движения компании к достижению характеристик устойчивости, которые визуализированы на рис. 1., а их состав и предлагаемая классификация представлены в таблице 2.

Таблица 2. Драйверы и ингибиторы корпоративного менеджмента устойчивости

	ДРАЙВЕРЫ	ИНГИБИТОРЫ
ВНЕШНИЕ	<ul style="list-style-type: none"> — Международные* и национальные институты устойчивого развития, межорганизационные связи которых обеспечивают системную и компетентностную синергию [27] — Политика устойчивости государственных и общественных институтов (особенно нефинансовых институтов развития) — Реклама устойчивости [28] — Импакт–инвестирование, или ESG–инвестирование — Образование для устойчивости — НИИ устойчивого развития 	<ul style="list-style-type: none"> — ESG–риски (ожидание акционерами негативного влияния устойчивости на финансовые показатели компании) — Реакция на корпоративный ESG–камуфляж (опасения импакт–инвесторов за необъективный отчет со стороны объектов инвестирования, предоставляемый на основе due diligence по индикаторам устойчивости – ESG) — Возможная необъективность рейтингов устойчивости [29] — Реклама коммерческая – рост прибыли
ВНУТРЕННИЕ	<ul style="list-style-type: none"> — ESG–индикаторы* — Сущностный менеджмент устойчивости — Доминирование среди менеджеров ментального конструкта устойчивости — Становление корпоративной культуры устойчивости — Неформальные институты устойчивого развития [31] — Ведущие сторонники устойчивого развития, или амбассадоры устойчивости (Sustainability Ambassador) [34] 	<ul style="list-style-type: none"> — ESG–индикаторы** — Зеленый, или ESG–камуфляж*** — Символический менеджмент устойчивости — Негативная валентность ожидания [30] становления корпоративной устойчивости среди менеджеров компании — Экономический оппортунизм менеджеров [32] — Доминирование идеологии потребительского суверенитета [33] у внутренних стейкхолдеров

Примечания: * – например, В 2015 году ООН приступила к осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития (Agenda 2030), в которой отражено растущее понимание государствами–членами того, что модель развития, обеспечивающая устойчивость для нынешнего и будущих поколений, предлагает наилучший путь для сокращения масштабов нищеты и улучшения жизни людей во всем мире; ** – ESG–индикаторы, в зависимости от того, соответствуют ли они отображению сущностной или символической устойчивости (см. выше в тексте статьи), могут играть роль, соответственно, как драйверов, так и ингибиторов корпоративной устойчивости; *** – «Зеленый камуфляж» отнесен к внутренним ингибиторам в силу его оценки как поведенческой характеристики, присущей менеджерам компании, тогда как «ESG–камуфляж» толкуется как умышленное утаивание или искажение нефинансовой отчетности, могущей восприниматься во внешней среде как несоответствие поведения компании принципам устойчивого развития.

Источник: [8] с изменениями и дополнениями

Представленная визуализация становления корпоративного менеджмента устойчивости (рис. 1.) учитывает как отношение к ценностям устойчивого развития

внутри организации (внутренние стейкхолдеры микро- и наноуровень ГСЭС), так и влияние на менеджмент компании внешней среды, в первую очередь, со стороны внешних стейкхолдеров на мезо-, макро-, мега- и метауровнях ГСЭС (рис. 2). Отсюда следует разделение драйверов корпоративного менеджмента устойчивости на внутренних и внешних.

Особую роль на фоне взаимосвязанных процессов глобализации и информатизации играют внешние драйверы устойчивости метауровня ГСЭС, поскольку последний оказывает индивидуальное влияние на представителей всех слоев общества вне зависимости от возраста (сегодня компьютерная грамотность охватила все возрастные группы), пола, национальной принадлежности и дохода. Следовательно, сегодня активные блоггеры могут действовать на общественное сознание эффективнее, чем, например, официальные сайты международных институтов метауровня ГСЭС, продвигающих идеи и ценности устойчивого развития за счет выпуска официальных документов по устойчивому развитию на уровне ООН (например, Agenda 2030), организации соответствующих исследований и проведения международных конференций, тем самым опосредованно формируя ментальный конструкт устойчивости у менеджеров компаний. Некоторым особняком стоит Интернет-реклама «двойного действия», рынок которой в России (включая маркетинговые услуги) оценивался в 474,8 миллиарда рублей [<https://www.tadviser.ru/index.php/>]. Разумеется, часть этого рынка представлена социальной рекламой, но в несравнимом масштабе это – коммерческая реклама, манипулирующая покупательским поведением, что и позволяет включить первую в число внешних драйверов устойчивости, а вторую – в число ингибиторов [35].

Среди внешних драйверов устойчивости макроуровня ГСЭС отметим множество государственных и общественных институтов, предназначение которых разрабатывать и способствовать осуществлению политики устойчивого развития. Особая роль среди них отведена финансовым и нефинансовым институтам развития [36]. Финансовые институты оказывают прямое финансово-экономическое влияние на формирование корпоративного менеджмента устойчивости за счет механизмов импакт-инвестирования (impact investing), известное также как социально ответственное инвестирование, ответственное инвестирование и ESG-инвестирование [8], которые ставят предоставление и благоприятные условия инвестиций в прямую зависимость от устойчивости менеджмента компаний. Определенный вклад в движение к устойчивости бизнеса делает социальная реклама соответствующим ценностям устойчивого развития контентом [28]. Весьма мощный драйвер устойчивости представлен нефинансовыми институтами развития, которые оказывают влияние на корпоративный менеджмент устойчивости по двум каналам: 1) управляемая диффузия (трансфер и спилловер [37]) инноваций устойчивого развития [38], осуществляемая посредством тематической конгрессно-выставочной [39], исследовательской и консалтинговой деятельности (например, ставший традиционным флагманский проект Фонда Росконгресс «Территория инноваций» [<https://forums.spb.com/thematic-areas/innovation-space/>], АНО «Агентство стратегических инициатив», АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ»); 2) за счет выбора тематики мероприятий (событий) и компетентности консалтинговых и исследовательских подразделений (например, ООО

«Национальный Институт Устойчивого Развития») происходит фактическое участие этих институтов в разработке и реализации национальной политики устойчивости, что можно считать «несфокусированным» внешним драйвером устойчивости, продвигающим идеологию устойчивости, также оказывающим влияние на менеджмент компаний. Наконец, образование для устойчивости, встроенное в национальную систему образования на всех ее уровнях (от дошкольного до послевузовского), обеспечивающее в конечном итоге создание ментального конструкта устойчивости у менеджеров, развитию и сохранению которого способствует корпоративная культура устойчивости [40].

Эта культура, равно как и индивидуальный менталитет устойчивости, относится, соответственно, к внутренним драйверам корпоративного менеджмента устойчивости микроуровня и наноуровня ГСЭС. Следует отметить, что так или иначе, но все внутренние драйверы корпоративного менеджмента устойчивости связаны с внутренними поведенческими установками и ценностями, принятыми и разделяемыми представителями менеджмента компаний и прочими внутренними стейкхолдерами [10], которые в силу множества личных факторов могут по-своему решать альтернативу «прибыль–устойчивость». Очевидно, что доминирование поведенческой модели homo economicus мотивирует собственников бизнеса, его акционеров и в значительной степени сотрудников на максимизацию прибыли [41]. Здесь же, на наноуровне ГСЭС, проявляется дуализм ESG–индикаторов устойчивости. С одной стороны, раскрываемая менеджменту оценка устойчивости бизнеса по этим индикаторам может быть стимулом для стремления менеджмента к достижению сущностного корпоративного менеджмента устойчивости, а с другой (в зависимости от корпоративной культуры) – к манипулированию с нефинансовой отчетностью due diligence или установлению «дружеских» отношений со сторонними «аудиторами устойчивости», что соответствует символическому корпоративному менеджменту устойчивости [42]. В реальности, как мы отмечали ранее [8], по мере становления корпоративного менеджмента устойчивости (рис. 1), имеет место некий континуум корпоративной устойчивости (CS), который формально можно представить как $CS = \{Su, Sy\}$, где Su – сущностная устойчивость; Sy – символическая устойчивость, доли которых зависят от сложившейся корпоративной культуры, что позволяет рассматривать преобладание в этом континууме сущностной устойчивости как драйвер, а преобладание символической – как ингибитор развития корпоративного менеджмента устойчивости (табл. 2). Развитию корпоративной культуры устойчивости также способствуют такие внешние/внутренние драйверы, как неформальные институты устойчивого развития [31] и авторитетные сторонники устойчивого развития (лидеры мнения), или амбассадоры устойчивости [34].

Ингибиторы корпоративного менеджмента устойчивости (рис. 1.) – факторы, оказывающие тормозящее действие на становление корпоративного менеджмента устойчивости. По тем же соображениям, что приведены для драйверов устойчивости выше, ингибиторы также следует разделять на внешние и внутренние (табл. 2). Однако есть одно существенное различие. Если драйверы корпоративного менеджмента устойчивости прямо или косвенно связаны с институтами развития, то

ингибиторы устойчивости предстают восприятием и реакцией внешних стейкхолдеров на ход становления устойчивости бизнеса (внешние ингибиторы), а также персональное/коллективное отношение к устойчивому развитию внутренних стейкхолдеров в контексте альтернативы «прибыль устойчивость» (внутренние ингибиторы).

Внешние ингибиторы корпоративного менеджмента устойчивости. ESG–риски, или риски устойчивости [43], достаточно разнообразны и определяются [44] как риски любого негативного финансового воздействия на организацию, являющиеся результатом настоящего или будущего воздействия ESG–факторов. Последние воспринимаются внешними стейкхолдерами как неопределенные социальные или экологические события, результатом которых может стать заметное негативное влияние на компанию, что может привести финансовых аналитиков и потенциальных инвесторов к отрицательным решениям. В результате менеджмент может иметь склонность к искажению предоставляемой нефинансовой отчетности, поскольку вполне обоснованно считается, что «факторы устойчивости, такие как экологические, социальные и кадровые вопросы, уважение прав человека, вопросы борьбы с коррупцией и взяточничеством, могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на финансовые результаты инвестиций» [45, p. 8].

Необходимость для инвесторов оценивать ESG–риски по предоставляемой нефинансовой отчетности, помимо вышесказанного, подталкивает менеджмент к поведению в рамках экономического оппортунизма [46], проявляющегося в данном случае как корпоративный импакт–камуфляж, или ESG–камуфляж, предназначенный ввести инвесторов в заблуждение и вызвать позитивную для камуфлируемого бизнеса реакцию, что полностью или частично освобождает менеджмент от действий по движению к устойчивости и является внешним ингибитором данного процесса. Следует заметить, что исследования ESG–камуфляжа привели к необходимости разделения последнего на два вида: общий камуфляж (General Greenwashing) и компетентностный камуфляж (Competence Greenwashing) [47]. Первый вид однозначно относится к намеренному введению инвесторов (аудиторов) в заблуждение и определяется [48] как действия бизнеса, показным образом демонстрирующего свою пригодность к схемам ESG–инвестирования, но без каких-либо очевидных, существенных позитивных социальных или экологических последствий от своей деятельности. Тогда как второй вид – компетентностный камуфляж – существует непреднамеренно, в силу чего лица, проводящие ESG–оценки, не имеют достаточного знания, требуемого для квалифицированной работы в данной междисциплинарной предметной области, обычно имея стартовое базовое образование лишь в одной–двух предметных областях [ibid., pp. 6–9]. В любом случае наличие ESG–камуфляжа свидетельствует о том, что бизнес практикует не сущностный, а символический менеджмент устойчивости. Также к внешним ингибиторам устойчивости можно отнести необъективное или ошибочное рейтингование бизнеса по устойчивости [49] и стимулирующий развитие символического менеджмента устойчивости общий фон коммерческой рекламы как отражение современной доминирующей идеологии общества потребления.

Внутренние ингибиторы корпоративного менеджмента устойчивости. Как отмечено выше (табл. 2, примечания), ESG–риски и ESG–камуфляж (обоих видов) могут быть отнесены как к внешним (макроуровень ГСЭС), так к внутренним (микроуровень и наноуровень ГСЭС) с той лишь разницей, что в первом случае (макроуровень) они проявляют себя как спекулятивно искаженная реакция внешних акторов устойчивого развития (государственные и общественные, формальные и неформальные, финансовые и нефинансовые институты развития), а во втором – как преднамеренная экономико-оппортунистическая практика демонстрации символической устойчивости. Негативная валентность ожидания (по Вруму) [30] становления корпоративной устойчивости среди менеджеров компании состоит в том, что, в первую очередь, менеджеры и собственники, вопреки вышеприведенной и оправдывающей себя на практике гипотезе Портера, усматривают в становлении корпоративного менеджмента угрозу конкурентному преимуществу их бизнеса и, следовательно, личным доходам. Здесь напрямую сказывается их экономический оппортунизм [32] и характерное для современного общества потребления влияние идеологии потребительского суверенитета [33]. Отметим, что внутренние ингибиторы устойчивости могут считаться наиболее эффективным фактором определения хода становления корпоративного менеджмента устойчивости, так как напрямую связаны с поведением тех, кто непосредственно принимает решения. Поэтому среди драйверов, противодействующих всем ингибиторам устойчивости, следует выделить национальную систему непрерывного образования для устойчивости и деятельность нефинансовых институтов развития [8], поскольку они формируют у всех стейкхолдеров ментальный конструкт устойчивости. Что касается роли и места нефинансовых институтов развития в становлении этого конструкта (или в воспитании персональной устойчивости), то как пример может рассматриваться разнообразная деятельность Фонда Росконгресс [<https://roscongress.org/materials/>] – многопрофильного нефинансового института развития федерального уровня [50], организующего деловые связи с другими нефинансовыми институтами развития, тем самым (судя по релевантной информации в Интернете) делая вклад в продвижение идеологии устойчивого развития в ходе организации и проведения событий конгрессно-выставочной деятельности .

ВЫВОДЫ

По завершении очередного этапа теоретического исследования вопросов сущности и становления корпоративного менеджмента устойчивости были получены следующие результаты. Во–первых, отмечено изменение терминологической парадигмы устойчивости, где корневым термином укрепился «sustainability» (более чем в 5 раз больше Google–откликов, чем на «sustainable development» в апреле 2024 г.), и в этой же роли исключительно быстро набирает «вес» акроним ESG. Во–вторых, показано неравномерное, противоречивое и поэтапное становление корпоративного менеджмента устойчивости под конкурирующим воздействием драйверов и ингибиторов устойчивости, подтверждающее гипотезу Портера о корпоративной устойчивости как одном из конкурентных преимуществ. В–третьих, выполнена

систематизация и рассмотрены основные характеристики внутренних и внешних драйверов и ингибиторов устойчивости в контексте 6-уровневой вербальной модели глобальной социально-экономической среды. В-четвертых, на примере многопрофильной деятельности Фонда Росконгресс показана ключевая роль нефинансовых институтов развития, проводящих политику устойчивого развития, а также исследования и пропаганду ценностей устойчивого развития. В-пятых, определен дуализм ESG-рисков и ESG-камуфляжа относительно становления корпоративного менеджмента устойчивости, где в зависимости от ментального конструкта устойчивости у внутренних стейкхолдеров устойчивости они могут оказаться как драйверами, так и ингибиторами (похожий дуализм свойственен рекламе). В-шестых, обращено особое внимание на роль воспитания устойчивости как в системе образования (макроуровень), так и в рамках корпоративной культуры (микро- и наноуровни). Наконец, уточнено и предложено более лаконичное, чем ранее [8], определение: корпоративный менеджмент устойчивости – такой вид менеджмента, который, осознавая в контексте ценностей и целей устойчивого развития ответственность перед своими стейкхолдерами, обществом и природой, должен одновременно обеспечивать непрерывное создание ценности, достаточной для удовлетворения первых и, одновременно, ограничения/снижения девальвации ценности в социальном и экологическом измерениях на мезо- и макроуровне общества.

Список литературы

1. Суперанская А. В. Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
2. Багиев Г. Л., Черенков В. И., Черенкова Н. И. Маркетинг для реализации концепции устойчивого развития: сущность и терминологическая парадигма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018, № 4 (112). С. 139–152
3. Caradonna J. L. Sustainability: A history. Oxford University Press, 2014, Ch. 1. DOI:10.1093/oso/9780199372409.003.0005
4. Kraaijenbrink J. What The 3Ps Of the Triple Bottom Line Really Mean // Forbes, 2019, Dec 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jeroenkraaijenbrink/2019/12/10/what-the-3ps-of-the-triple-bottom-line-really-mean/?sh=403a0bac5143>
5. Spangenberg J. H. Sustainability science: a review, an analysis, and some empirical lessons // Environmental Conservation. 2011. № 38 (3). P. 275–287 doi:10.1017/S0376892911000270
6. Таничев А. В. К вопросу о методологии исследования феноменов устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2021. № 3 (79). С. 61–68
7. Niță C. G., Ștefea P. Cost control for business sustainability // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. № 124. P. 307–311
8. Климовец О. В., Таничев А. В., Стуглев А. А. Корпоративный менеджмент устойчивости: сенсоры, драйверы и ингибиторы // Международный журнал экспериментального образования. 2024. № 1. С. 20–40 DOI: 10.17513/mjeo.12171
9. Environmental, Social, and Governance Issues in Investing: A Guide for Investment Professionals CFA Institute, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfainstitute.org/-/media/documents/article/position-paper/ESG-issues-in-investing-a-guide-for-investment-professionals.pdf>
10. Attanasio G., Preghenella N., De Toni A. F., Battistella C. Stakeholder engagement in business models for sustainability: The stakeholder value flow model for sustainable development // Business Strategy and Environment. 2021. № 31 (9), P. 1–15 <https://doi.org/10.1002/bse.2922>
11. Апенько С. Н., Фомина Ю. А. Оценка управления устойчивостью в организации // Фундаментальные исследования. 2019. № 12. С. 14–18
12. Freeman R. E. Strategic management: A stakeholder approach. Pitman Publishing Inc. 1984

13. Orts E., Strudler A. The Ethical and Environmental Limits of Stakeholder Theory // *Business Ethics Quarterly*. 2002, № 12 (2), P. 215–233 DOI: 10.2307/3857811
14. Wu J., Wu T. Sustainability indicators and indices: an overview // *Handbook of Sustainability Management*, Eds.: Ch. N. Madu, Kuei, Ch.-K. 2012, P. 65–86 DOI: 10.1142/9789814354820_0004
15. Bell S., Morse S. *Sustainability Indicators: Measuring the Immeasurable?* 2nd ed. Earthscan, London, 2008.
16. Willard B. The 5–Stage Sustainability Journey // *Sustainability Advantage*. 2010, July 27 [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabilityadvantage.com/2010/07/27/the-5-stage-sustainability-journey/>
17. Starik M., Kanashiro P. Toward a theory of sustainability management: Uncovering and integrating the nearly obvious // *Organization & Environment*. 2013. № 26 (1), P. 7–30.
18. Porter M. E., van der Linde C. Green and Competitive: Breaking the Stalemate // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. № 9 (4). P. 97–118
19. Antolín-López R., Ortiz-De-Mandojana N. Measuring and disclosing Environmental, Social and Governance (ESG) information and performance // EUR 31372 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023, doi:10.2760/864272
20. Porter M. E. *Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors: with a new introduction* Michael E. Porter New York: Free Press, 1980
21. Черенков В. И., Благов Е. Ю., Старов С. А., Таничев А. В. Брендинг устойчивости собственных торговых марок: от междисциплинарного к трансдисциплинарному подходу // *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Менеджмент*. 2021. Том. 20. № 4. С. 471–508. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.401>
22. Нехода Е. В., Редчикова Н. А., Тюленева Н. А. Бизнес–модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценности // *Управленец*. 2018. Т. 9. № 4. С. 9–19 DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-4-2
23. Kassel K., Rimanoczy I., Mitchell Sh. The Sustainable Mindset: Connecting Being, Thinking, and Doing in Management Education // *Academy of Management Proceedings*. 2016. № 1. January 2016 <https://doi.org/10.5465/ambpp.2016.16659abstract>
24. The Road To Circularity: Why a Circular Economy Is Becoming the New Normal. PricewaterhouseCoopers B.V. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.de/de/nachhaltigkeit/pwc-circular-economy-study-2019.pdf>.
25. Грифонова Т. А., Ильина М. Е. Жизненный цикл и его оценка как инструмент экологического Менеджмента. Владимир, АРКАИМ, 2016. 68 с.
26. Penzenstadler B., Femmer H., Richardson D. Who Is the Advocate? Stakeholders for Sustainability // *Proceedings of 2nd International Workshop on Green and Sustainable Software (GREENS) at ICSE 2013* [Электронный ресурс]. URL: DOI: 10.1109/GREENS.2013.6606424
27. Стуглев А. А. Синергия в макроэкосистеме брендинга страны: теоретический аспект // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 4 (65). С. 171–179. DOI:10.25683/VOLBI.2023.65.849.
28. Семенова С. А., Губина С. А. Влияние устойчивой рекламы на экологическую ситуацию в обществе риска // *Всероссийская научная конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер–2021»* [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48258646_97570321.pdf
29. Windolph S. E. Assessing Corporate Sustainability Through Ratings: Challenges and Their Causes // *Journal of Environmental Sustainability*. 2011. № 1 (1). P. 61–80 DOI: 10.14448/jes.01.0005
30. Vroom V. H. *Work and motivation*. New York: Wiley. 1964. 432 p.
31. Тамбовцев В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // *Journal of Institutional Studies*. 2019. № 11 (3). С. 104–118 DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118
32. Muldoon J., Bendickson J. S., Gur F. A., Murphy P. J. Management’s Knowledge Filter: Entrepreneurship Theory and the Historic Conceptual Evolution of Opportunism in Management Studies // *Journal of Small Business and Enterprise Development* 2022. Vol. 29. № 3. P. 402–420.
33. Таничев А. В. Внедрение модели ответственного потребления – основа улучшения качества жизни // *Проблемы современной экономики*. 2022. № 4 (84). С. 106–113

34. Solly K., Smyer V. A., Nichols K., Steffens N. K., Kastle T. H., Pachana N. A. Volunteering for a better future: A Pilot Sustainability Ambassadors Training Program // *Australas Journal of Ageing*. 2022. № 41, e206-e209 DOI: 10.1111/ajag.13069
35. Amoako G. K., Dzogbenuku R. K., Doe J., Adjaison G. K. Green marketing and the SDGs: emerging market perspective // *Marketing Intelligence & Planning*. 2022. Vol. 40. № 3. P. 310–327. <https://doi.org/10.1108/MIP-11-2018-0543>
36. Стуглев А. А. Конгрессно-выставочная деятельность как усилитель национальной конкурентоспособности // *Проблемы современной экономики*. 2023. № 3 (87). С. 187–191
37. Черенков В. И., Марьяненко В. П., Черенкова Н. И. Развитие теории инноваций: некоторые проблемы // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019. № 1. С. 3–29
38. Гамидуллаева Л. А., Досжан Р. Д. Устойчивые инновации: систематический обзор литературы // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. 2020. № 3 (35). С. 32–45. DOI 10.21685/2227-8486-2020-3-3
39. Воронова О. В., Ляшук А. С., Смирнова С. А., Белокурова М. Э. Конгрессно-выставочная деятельность как сфера внешнеэкономической деятельности // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2019. № 4, С. 103–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-4-103-108>
40. Brunstein J., Scartzini V. N., Rodrigues A. L. Sustainability in corporate education and the development of societal competence // *o&s – Salvador*. 2012. № 19 (63). P. 583–598 DOI: 10.1590/S1984-92302012000400002
41. Shim E. D. Sustainability, Stakeholder Perspective and Corporate Success: A Paradigm Shift // *International Journal of Business, Humanities and Technology* 2015. № 4.5. P. 64–67.
42. Shabana K. M., Ravlin E. C. Corporate Social Responsibility Reporting as Substantive and Symbolic Behavior: A Multilevel Theoretical Analysis // *Business and Society Review*. 2016. № 121 (2). P. 297–327 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1111/basr.12089>
43. Sustainability and enterprise risk management: The first step towards integration – World Business Council for Sustainable Development, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wbcsd.org>
44. EBA Report on Management and Supervision of ESG Risks for Credit Institutions and Investment Firms // EBA/REP/2021/18 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/files/document_library/Publications/Reports/2021/1015656/EBA %20Report %20on %20ESG %20risks %20management %20and %20supervision.pdf](https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/files/document_library/Publications/Reports/2021/1015656/EBA%20Report%20on%20ESG%20risks%20management%20and%20supervision.pdf)
45. Sustainability risk integration & organizational impact – ROBECO The Investment Engineers. 2021. 24 pages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.robeco.com/docm/docu-robeco-sustainability-risk-policy.pdf>
46. Чеботаренко Е. С. Формы проявления оппортунизма в экономике: причины и меры противодействия // *Экономические науки*. 2016. № 4 (17). С. 380–388
47. Schumacher K. Environmental, Social, and Governance (ESG) Factors and Green Productivity: The Impacts of Greenwashing and Competence Greenwashing on Sustainable Finance and ESG Investing // *Productivity Insights*. 2022. Vol. 2–11 [Электронный ресурс]. URL: https://www.apo-tokyo.org/wp-content/uploads/2022/12/2-11_ESG-Factors-and-Green-Productivity-1.pdf
48. Bengo I., Borrello A., Chiodo V. Preserving the Integrity of Social Impact Investing: Towards a Distinctive Implementation Strategy // *Sustainability*. 2021. № 13, 2852. <https://doi.org/10.3390/su13052852>
49. Windolph S. E. Assessing Corporate Sustainability Through Ratings: Challenges and Their Causes // *Journal of Environmental Sustainability*. 2011. № 1 (1). P. 61–80 DOI: 10.14448/jes.01.0005
50. Стуглев А. А. Фонд Росконгресс как нефинансовый институт развития федерального уровня // *Проблемы современной экономики*. 2023. № 4 (88). С. 44–49

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

УДК 364:711.5

БЕЗБАРЬЕРНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: СУЩНОСТЬ, ПОТРЕБИТЕЛИ, ЭЛЕМЕНТЫ

Ячmeneва В. М., Высочина М. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: v_lev@kafmen.ru

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения научно-практической задачи формирования системы управления стратегией развития территории на основе концепции создания безбарьерной городской среды. Раскрыто содержание понятия «безбарьерная городская среда». Определены все потенциальные группы потребителей городской среды. Соотнесены между собой доступность городской среды и потребности населения в соответствии с типологией потребностей А. Маслоу. Сформулированы принципы универсального дизайна, реализация которых способствует формированию безбарьерной экономики, обеспечивает рост ВВП и качества жизни населения.

Ключевые слова: стратегия развития территории, город, городская среда, безбарьерная городская среда, универсальный дизайн.

ВВЕДЕНИЕ

Благосостояние государства и благополучие его населения во многом определяются грамотным и умелым урегулированием процессов территориального развития. Вопросы стратегического управления территориями в этих процессах занимают одно из центральных мест. Большое число заинтересованных сторон и участников процессов развития территории предполагает реализацию комплексного и системного подходов: в стратегии развития должны быть взаимосвязаны различные аспекты – экономические, социальные, экологические и пространственные. Вопросы управления стратегиями развития территорий представляются более сложными по сравнению с решением подобных проблем на уровне предприятий и организаций.

Сегодня изучение территорий как объекта стратегического управления становится одним из мейнстримов современной отечественной управленческой науки. Такие отечественные исследователи, как Е. Г. Анимца, Б. С. Бочко, Е. Г. Гущина, И. Динисламов, Е. В. Карпов, М. Ю. Махотаева, Т. М. Тишкина, А. А. Федоровская, занимались изучением проблем разработки и реализации стратегий развития территорий. В то же время несмотря на значительные результаты, достигнутые учеными в этом направлении, нельзя говорить о том, что вопрос управления стратегией развития территории решен раз и навсегда. Современные вызовы диктуют новые задачи развития территорий, в частности формирование безбарьерной городской среды – одна из таких задач, решение которой повысит уровень качества жизни населения.

В работах Е. М. Давыдовой, В. Ю. Радченко, А. И. Феха [1], Н. Н. Дорофеевой, Е. П. Дорофеева, А. Ф. Гарнаги [2], О. Э. Замулы [3], Л. Рингерта [4], К. Э. Сафронова [5] рассмотрены вопросы доступности городской среды для инвалидов и маломобильных групп населения. Однако проблема доступности

объектов городской среды – более обширная, касающаяся всех групп населения, что требует проведения дальнейших исследований.

Цель статьи – уточнить сущность понятия «безбарьерная городская среда», определить ее элементы и потребителей.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Россия принадлежит к категории стран с высоким уровнем урбанизации. Доля городского населения в общей численности медленно продолжает расти. Процессы урбанизации в России по сравнению с другими странами имеют свои особенности: повышение доли капитала города в бюджете регионов; менталитет россиян (город дает больше возможностей); объединение большого количества средних и мелких населенных пунктов в крупные городские агломерации; рост количества крупных поселений, формирующих экономику отдельных регионов [6].

«Городом в России считается населенный пункт с численностью населения более 12 тыс. человек и при условии, что более 85 % его жителей занято вне сельского хозяйства, выполняющий промышленные, организационно-хозяйственные, управленческие, культурные, транспортные и другие функции, не связанные с аграрным сектором и его обслуживанием» [7]. По данным Росстата, в России существует 1118 населенных пунктов, официально определенных как город [8].

Город рассматривается как единая система, включающая не только социально-экономическую сферу, но историко-культурную, экологическую, пространственную, градостроительную и иные сферы. А. А. Федоровская выделяет четыре основных методических подхода к изучению города: «город как территориальная единица и экосистема; город как архитектурно-планировочная система; город как социально-экономическая система; город как культурологический объект» [7].

Под городской средой, согласно «Руководству по определению первоочередных направлений развития городской среды с помощью индекса качества городской среды», понимается «совокупность застроенных и открытых городских территорий (например, улиц, площадей, парков, дворов) и способов их использования горожанами в повседневной жизни» [9].

Типология городов должна в обязательном порядке учитываться при формулировании и управлении стратегией развития конкретного города. Целью стратегии развития территории города является создание благоприятной среды для жизнедеятельности его населения. Современные города должны развиваться с учетом формирования в них доступной и комфортной городской среды. Кроме того, важным аспектом является учет ряда элементов города: уникальности, разнообразия городского ландшафта, комфортности и безопасности передвижения жителей, безопасности жизни, досуга и возможности получения разнообразных услуг.

Устойчивое развитие и процветание городов обусловлено в том числе и безбарьерной и комфортной городской средой. Такая среда – один из факторов конкурентоспособности города. Безбарьерная городская среда часто становится предпосылкой миграционных процессов: отток населения наблюдается в городах с

некомфортной городской средой, и наоборот, сохранение и приток граждан наблюдается в комфортной и доступной городской среде.

Согласно ГОСТ Р 70390–2022 «Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы», «комфортная городская среда – это способность городской среды обеспечить достойный уровень бытового обслуживания, сбалансированность транспортной инфраструктуры, возможность для беспрепятственного перемещения различных категорий граждан, грамотное районирование, удовлетворение социальных, культурных, образовательных, рекреационных потребностей горожан, адекватный уровень шумового и информационного загрязнения» [10]. В свою очередь, формирование комфортной городской среды – это «деятельность по обеспечению достойного уровня бытового обслуживания, сбалансированности транспортной инфраструктуры, возможности для беспрепятственного перемещения различных категорий граждан, грамотного районирования, удовлетворения социальных, культурных, образовательных, рекреационных потребностей горожан, адекватный уровень шумового и информационного загрязнения» [10].

Город – это сложная структура, включающая большое число разнообразных и взаимосвязанных между собой элементов (табл. 1).

Таблица 1. Элементы города

Подсистема	Элементы
Жилье	Жилые дома общего типа (комнаты, квартиры, помещения). Одноквартирные (коттеджи, дачные и усадебные дома). Рекреационные учреждения общего типа (дома отдыха, санатории, кемпинги, молодежные лагеря и т. д.). Реабилитационные центры. Гостиницы, мотели (номера, места).
Среда	Центральные районы городов. Исторические зоны городов. Микрорайоны. Срединные и периферийные зоны городов. Районы существующей индивидуальной усадебной застройки. Улично-дорожная сеть города. Зоны отдыха. Производственные зоны. Рекреационные зоны. Транспортные и пешеходные коммуникации, зоны парковки.
Транспортная инфраструктура	Подвижной состав. Маршрутная сеть (остановки). Зоны внешнего транспорта (вокзалы). Транспортно-пересадочные узлы. Индивидуальный транспорт. Информационное обеспечение. Пешеходные переходы. Парковки, гаражи.

БЕЗБАРЬЕРНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: СУЩНОСТЬ, ПОТРЕБИТЕЛИ...

Подсистема	Элементы
Объекты тяготения	Общественные здания, учреждения и предприятия обслуживания. Учреждения образования. Продовольственные магазины. Предприятия общественного питания. Предприятия бытового обслуживания. Учреждения управления, кредитно-финансовые учреждения и предприятия связи. Аптеки, поликлиники, амбулатории. Учреждения культуры. Учреждения социальной защиты населения. Государственные и муниципальные учреждения. Общественные туалеты. Специализированные детские дошкольные учреждения и школы–интернаты для детей с физическими нарушениями. Рекреационные учреждения. Места приложения труда.
Общественные пространства	Парковые и природные территории общего пользования. Бульвары общегородского и районного значения. Городские площади общегородского и районного значения. Улицы общегородского и районного значения (с приоритетом пешеходного движения). Сады и скверы общегородского и районного значения. Прибрежные территории – набережные и пляжи.

Источник: составлено авторами по материалам [5; 10].

В широком смысле безбарьерная среда – это элементарные и безопасные условия для всего населения города и приезжих. Основная цель безбарьерной среды – сделать окружающий мир комфортным и приспособленным для всех людей. Таким образом, потребители безбарьерной городской среды – все люди, осуществляющие процессы жизнедеятельности на этой территории. При этом особой группой потребителей следует считать маломобильную группу населения, в которую входят: «люди, испытывающие затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуги, необходимой информации или при ориентировании в пространстве, инвалиды, люди с временным нарушением здоровья, беременные, люди старших возрастов, люди с детскими колясками и т. п.» [11]. Довольно часто в литературе можно встретить, что безбарьерной средой является среда, адаптированная для инвалидов и других маломобильных групп населения [5]. Доступность городской среды связывают именно с этой категорией населения, поэтому проводится изучение потребностей инвалидов и маломобильной группы населения, результаты которого затем закладываются в основу принципов доступности. «Отсюда возникло правило: там, где пройдет инвалид, пройдут и остальные» [5].

В соответствии с Федеральным законом от 24.11.1995 г. № 181–ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [12]. Инвалидами могут быть признаны люди с нарушением опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха, интеллекта, психики, когнитивными нарушениями, со скрытыми формами инвалидности, по общему заболеванию. В табл. 2 представлены данные по общей численности инвалидов в Российской Федерации.

Таблица 2. Общая численность инвалидов по группам инвалидности

Показатель	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023
Всего инвалидов, тыс. чел.	13134	12924	11947	11875	11631	11331	10993
Доля инвалидов в общей численности населения, %	9,2	0,9	8,1	8,0	7,9	7,7	7,5
в том числе:							
1 группы	1920	1355	1433	1422	1367	1304	1382
2 группы	7086	6472	5356	5209	4982	4745	4506
3 группы	3609	4492	4488	4556	4578	4553	4423
Дети–инвалиды	519	605	670	688	704	729	722
Общая численность инвалидов, приходящаяся на 1000 человек населения	92	88,4	81,4	80,9	79,6	77,8	74,6
Численность детей–инвалидов, приходящихся на 10000 детей	197	213,3	221,7	226,4	231,6	240,4	239,1

Источник: составлено авторами по материалам [13].

Приведенные данные демонстрируют снижение численности инвалидов в стране, уменьшается их доля в общей численности населения. Но при этом в 2023 г. выросло число инвалидов первой группы (люди, полностью утратившие трудоспособность). Велико число детей–инвалидов.

Что касается Республики Крым, то по состоянию на 01.05.2024 г. инвалидами признано 152 436 человек, а это 7,97 % от всего населения, что выше показателя по стране. Инвалидов 1–й группы в регионе 17 979 (0,94 %), 2–й группы – 65 220 (3,41 %), 3–й группы – 60 056 (3,14 %), детей–инвалидов – 9 181 (0,48 %) [14].

К маломобильным группам населения относятся также люди пожилого возраста. На полуострове проживает 416 952 людей в возрасте от 60 до 79 лет (21,8 % населения), 26 777 людей в возрасте свыше 80 лет (1,4 % населения). Пенсионеров в Республике Крым 554 660 человек (29 % населения) [14].

К маломобильным группам населения также следует относить «беременных женщин и родителей с детьми, детей в возрасте до 12 лет, людей очень маленького или очень высокого роста, людей, не знающих язык страны пребывания, людей с повышенной массой тела, людей с детскими колясками или тележками для перевоза багажа/грузов, людей с временными ограничениями физического здоровья (заболевания различной степени тяжести, травмы, послеоперационный период и др.)» [3].

Доступность городской среды для человека может быть рассмотрена с позиций теории А. Маслоу, который построил пирамиду потребностей – от низшего уровня (потребности физиологические и безопасности) до высшего уровня (потребности в самореализации). На рисунке 1 представлена концепция А. Маслоу применительно к концепции безбарьерной (доступной) среды для инвалидов и маломобильных групп населения.

Доступность городской среды для инвалидов предполагает преодоление ряда барьеров, среди которых выделим:

- «архитектурные или физические барьеры: пороги, двери, проходы, санузлы, лифты и прочее, прочее, прочее;
- информационные барьеры: недоступные для людей с инвалидностью системы навигации и ориентирования, отсутствие информации об услуге и способах ее получения, выполненных в доступной и/или альтернативной форме и т. д.;
- операционные барьеры: нелогичные и неудобные процедуры обслуживания. Персонал, необученный принципам работы с людьми, имеющими инвалидность, и т. д.;
- коммуникативные барьеры: стереотипы в отношении людей с инвалидностью, незнание этики общения с людьми, имеющими инвалидность, неверное понимание инвалидности и т. д.» [3].

Преодоление перечисленных барьеров возможно, при этом необходимыми условиями являются: наличие политической воли всех участников процесса (органов муниципальной власти, общественных организаций, предприятий территории, населения), разработка соответствующей законодательной базы, формирование территориальной концепции и плана комплексного подхода к созданию безбарьерной среды на конкретной территории, создание системы взаимосвязанных организаций исполнителей (подрядчиков) и привлечение объединений инвалидов, комплекс ресурсов для реализации проектов по созданию безбарьерной городской среды, координация и контроль за реализацией проектов по формированию безбарьерной городской среды, создание эффективной системы коммуникаций, система подготовки кадров по работе с инвалидами и маломобильными группами населения.

Рисунок 1. Доступность и потребности человека.
Источник: составлено авторами по материалам [5].

Должны выполняться определенные требования к:

- проектированию и строительству объектов, которыми будут пользоваться инвалиды;
- обеспечению доступности существующих объектов и обслуживания в них;
- созданию безбарьерной среды на объектах транспортной инфраструктуры;

- созданию безбарьерного доступа к различным инфраструктурным объектам;
- обеспечению безбарьерного доступа к информационному пространству.

В 80–х гг. XX века архитектором Р. Мэйсом (США) было введено в употребление понятие «универсальный дизайн», означающее «дизайн среды, средств коммуникации, продуктов и услуг, способствующий их применимости всеми людьми, вне зависимости от возраста, размера тела или способностей последних» [4]. Первоначально идеи универсального дизайна имели свое воплощение в товарах, реализовывались понятия «дизайн без границ» и «доступный дизайн». Однако со временем эта концепция выходит на более высокий уровень, ставя перед собой цель сделать любой продукт (услугу) доступным для всех потенциальных пользователей, несмотря на существование различного вида барьеров. Рассматривая городскую среду, примером универсального дизайна можно считать пологий вход в здание с порога, субтитры на телевидении и т. п. Таким образом, концепция универсального дизайна предполагает проектирование и формирование окружающей среды с учетом максимальной степени пригодности ее элементов к использованию всеми людьми без необходимости приспособления или специализации дизайна. Принципы универсального дизайна могут быть применимы как на этапе проектирования территории городской среды, так и в ходе ее эксплуатации. Принципы универсального дизайна следующие [2]:

- 1) Обеспечение равноправия в использовании.
- 2) Обеспечение гибкости в использовании.
- 3) Простота использования.
- 4) Легкость восприятия информации.
- 5) Терпимость к ошибке.
- 6) Минимум затраченных усилий при использовании.
- 7) Доступность использования.

Перечисленные принципы должны стать руководством для проектировщиков территории, они позволят обеспечить лучшее сочетание параметров среды, которые соответствовали бы потребностям максимального числа потребителей (пользователей). Отметим, что при проектировании среды на основе принципов универсального дизайна следует принимать также экономические, технические, культурные и экологические особенности территории.

Предпосылкой формирования безбарьерной среды считается законодательная база, которая затрагивает различные вопросы: изучение потребностей инвалидов, маломобильных групп населения и других людей; аудит окружающей среды; разработка механизма адаптации территории к нуждам всего населения.

Проектные решения объектов территории, которые были бы доступны для различных категорий граждан, в том числе и для инвалидов и маломобильных групп населения, должны обеспечивать: досягаемость объекта, беспрепятственное перемещение внутри объекта (здания), безопасные места проживания и приложения труда, безопасный путь движения, полный спектр информации, характеристиками которой должны быть своевременность, качество, полнота, удобство и комфорт среды жизнедеятельности.

Заметим, что те решения объектов, которые принимаются для инвалидов и маломобильных групп населения, не должны ограничивать условия жизнедеятельности других групп населения, а также снижать уровень эффективности эксплуатации объекта.

Изучение современного состояния городов Республики Крым с точки зрения равных возможностей пользования городской средой инвалидами, маломобильными и обычными здоровыми горожанами показало, что критерии доступности не отвечают не только международным нормам, но и общероссийским. Несомненно, в рамках Национального проекта «Жилье и городская среда» [15] реализуется большое число проектов, однако основное внимание уделяется обеспечению доступным жильем семей со средним уровнем доходов посредством развития ипотеки, совершенствованию транспортной структуры города, благоустройству придомовых территорий (детские площадки). В городах работает общественный транспорт, адаптированный для инвалидов с проблемами опорно-двигательного аппарата, однако такого транспорта крайне мало. Решенной проблемой можно считать наличие специальных парковочных мест для транспорта инвалидов. Во многих учреждениях отсутствуют условия для входа маломобильных групп населения, в отдельных – обустроенные входы для таких категорий граждан не соответствуют нормативным требованиям. В городах Крыма тактильные наземные покрытия для ориентации слабовидящих и слепых людей почти не встречаются. Плохо организована информационная система. В регионе не хватает навигационных карт, дающих представление об окружающих объектах и местоположении человека. В рекреационных зонах полуострова чаще всего установлено оборудование, которое может быть использовано для отдыха и занятий спортом в основном здоровыми гражданами. В учреждениях образования реализуются программы инклюзивного образования, однако часто материальная база не адаптирована к предъявляемым требованиям в связи с недостаточным финансированием.

Перечисленные проблемы требуют комплексного подхода к решению. Субъектами их решения становятся не только муниципальные органы управления, но предприятия и организации различных сфер хозяйственной деятельности. Управление стратегией развития территории на основе концепции безбарьерной городской среды должно осуществляться на принципах системного подхода. При этом надо понимать, что создание безбарьерной среды решает не только социальные вопросы, но и экономические: доходы предприятий могут вырасти за счет граждан, которые сейчас в силу недоступности для них не являются потребителями их продукции и услуг, но при снятии имеющихся барьеров станут ими. То есть будет развиваться экономика безбарьерной среды.

ВЫВОДЫ

Проведенные исследования позволили сделать следующие выводы:

1) Город рассмотрен как сложная структура, включающая в себя такие взаимосвязанные элементы, как жилье, среда, транспортная инфраструктура, объекты тяготения и общественные пространства. Создание благоприятной среды

БЕЗБАРЬЕРНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: СУЩНОСТЬ, ПОТРЕБИТЕЛИ...

для жизнедеятельности населения – основная цель стратегии развития территории города. Безбарьерная городская среда – это элементарные и безопасные условия для всего населения города и приезжих.

2) Чаще всего безбарьерная городская среда рассматривается с позиций инвалидов и маломобильных групп населения, при этом возможности удовлетворения потребностей инвалидов и маломобильных групп населения закладываются в основу принципов доступности. Доступность городской среды для инвалидов предполагает преодоление ряда барьеров: архитектурных (физических), информационных, операционных и коммуникативных.

3) Безбарьерной городская среда должна быть для всех категорий населения, в результате чего помимо социальных проблем решаются экономические проблемы, способствуя становлению и развитию экономики безбарьерной среды, которая обеспечивает рост ВВП и качества жизни населения.

4) Доступная городская среда должна формироваться на базе концепции «универсального дизайна», которая предполагает проектирование и формирование окружающей среды с учетом максимальной степени пригодности ее элементов к использованию всеми людьми без необходимости приспособления или специализации дизайна, а не только инвалидами и маломобильными группами населения.

Список литературы

1. Давыдова Е. М., Радченко В. Ю., Фех А. И. Описание методики оценки доступности городской среды для волонтеров на примере работы со студентами // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 195–199. [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/55.html.
2. Дорофеева Н. Н., Дорофеев Е. П., Гарнага А. Ф. Анализ эволюции теоретической базы строительства в области формирования доступной городской среды // Инновации и инвестиции. 2020. № 9. С. 198–201.
3. Замула О. Э. Методические рекомендации по созданию доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения / Министерство социального развития Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: ООО «Винтаж», 2017. 63 с.
4. Рингерт Л. Введение в универсальный дизайн. Канадско-Российская Программа по Инвалидности, 2006. 127 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-1457375-pall.html>.
5. Сафронов К. Э. Безбарьерная городская среда. 2-е изд. доп. и перераб. Омск: Золотой тираж, 2011. 159 с.
6. Филобок А. А., Антонов О. В. Современные особенности урбанизации в России // Молодой ученый. 2022. № 9 (404). С. 60–63. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/404/89286/>.
7. Федоровская А. А. Основы территориального планирования и управления территориальным развитием: курс лекций. Ростов-на-Дону: Управление дистанционного обучения и повышения квалификации, 2017. 105 с.
8. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 460 с.
9. Индекс качества городской среды. [Электронный ресурс]. URL: <https://индекс-городов.рф/#/regions/648>.
10. ГОСТ Р 70390–2022. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 октября 2022 г. № 1097-ст. [Электронный ресурс]. URL: <chrome-extension://efaidnbmninnkpcjpcgiclfendmkaj/https://files.stroyinf.ru/Data/789/78955.pdf>.

11. СНиП 35–01–2001. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения (утв. Постановлением Госстроя РФ от 16.07.2001 № 73). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/117294/>.
12. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181–ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.
13. Здоровоохранение в России. 2023: Стат.сб./Росстат. М., 2023. 179 с.
14. Население Республики Крым. [Электронный ресурс]. URL: <https://bdex.ru/naselenie/respublika-krum/>.
15. Национальные проекты России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda>.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024

SUMMARIES

STARTUP SCALE STRATEGIES

Artyuhova I. V.

Since continuous growth is one of the main factors for business survival in the modern market, the most significant role in the life cycle of each startup project is given to such a stage as scaling. It is during the scaling process that a startup project gains a foothold in the market and undergoes transformation into a mature company, and the business model created within its framework is tested for viability in the real market. This study examines the features of scaling startup projects and the differences between this process and traditional business, as well as assessing the growth potential of startup projects and forming the most optimal strategy for their scaling.

Keywords: startup, startup project, scaling, business development, scaling strategies, startup project development management.

IMPROVEMENT OF THE REGIONAL SYSTEM OF ENSURING FOOD SECURITY IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Vershitsky A. V., Kiseleva A. A.

The article examines the general characteristics of food security in the region using the Republic of Crimea as an example. A statistical analysis of the region's food self-sufficiency has been conducted, and the main problematic aspects in this area have been identified. A mechanism for improving the process of ensuring food independence at the regional level has been presented.

Keywords: food security, Republic of Crimea, regional self-sufficiency, import substitution, food forecasting.

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROCESSES OF CONCENTRATION OF PRODUCTION AND CAPITAL

Degtyarev S. V.

The article examines the history of the development of the processes of concentration of production and capital from the middle of the XVIII century to the present. A retrospective analysis was carried out in the context of economic schools and their representatives. Special attention is paid to the analysis of the ideas of the Marxist school and its representatives regarding the processes of concentration of capital and production. K. Marx and V.I. Lenin made a special contribution to the analysis of the processes of concentration of production and capital. K. Marx in his research identified factors predisposing to the emergence and development of the processes of concentration of production and capital. Lenin in his works identified the connection between the concentration of production and monopoly, which resulted in the theory of "imperialism as monopolistic capitalism." At the same time, he identified the concentration of production

as a factor in the growth of capital concentration. The analysis of the role of concentration and centralization of production in the formation of the initial stages of the industrial stage of growth; the development of concentration and centralization processes in some countries was carried out. The author's periodization of approaches to the development of concentration of production and capital is proposed.

Keywords: concentration, production, capital, capitalism, monopoly, scale effect, competition, joint-stock companies

FEATURES OF FINANCIAL STRATEGIES OF COMMERCIAL BANKS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONDITIONS OF TURBULENCE OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT

Kirilchuk S. P., Sivakov M. A.

The article presents the results of a scientific study of the formation and implementation of financial strategies of modern banking organizations of the Russian Federation in the context of the post-pandemic and sanctions periods, a complex geopolitical and unstable socio-economic situation. The role, importance and types of financial strategies of commercial banks are considered, the size of banking organizations of Russia and the Republic of Crimea is analyzed, the key goals of the largest participants in the banking sector of the economy are identified. Promising strategic areas of activity of domestic banks, adapted to the conditions of turbulence of the external environment, are substantiated.

Keywords: financial strategy, banking sector, commercial banks, external environment turbulence, foreign sanctions, destructive factors, capital growth, adaptation strategies

TRUST AND REPUTATION AS FACTORS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Kravchenko L. A., Troyan I. A., Reutova V. V.

The article considers current issues of trust and positive reputation formation, analyzes and deepens the theoretical foundations of the relationship between trust, reputation and their impact on socio-economic indicators based on the provisions of theories of micro- and macroefficiency. It is noted that both trust and reputation are multi-level systems that include economic entities, regions and the state. The concept of trust as one of the intangible resources that can be used by the state to achieve economic, socially significant and socially necessary results is considered. The authors systematically analyzed the factors and levels of trust of economic agents. Based on the study of approaches to understanding reputational capital, its essence is revealed, the role in the economy is determined. The key importance of trust and reputational capital in the context of digital transformation and the peculiarities of the reputational economy is emphasized. Based on the dialectical method of cognition, it is substantiated that in modern conditions the results of socio-economic development are determined by a high level of trust and a positive reputation.

Keywords: trust, reputation, economic entities, business reputation, reputational capital, socio-economic development.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Mamleeva E. R., Trofimova N. V.

Currently, one of the rapidly developing types of economic activity in many constituent entities of the Russian Federation is tourism. The Republic of Bashkortostan is no exception, where the tourism industry is one of the tools for the development of the territory. The Republic of Bashkortostan has a huge tourism potential, which includes a variety of natural resources, unique geographical objects, cultural and historical heritage, and recreational infrastructure. All this allows developing various types of tourism in the region: cultural and educational, environmental, health, rural, event, etc.

The purpose of the study is to identify the main problems that hinder the effective development of tourism in the region based on the analysis of indicators characterizing the functioning of the tourism industry of the Republic of Bashkortostan and surveys of representatives of travel agencies.

The article analyzes some indicators of the development of the tourism industry in the region for the period 2018-2023. There is a positive trend in the indicators characterizing the development of domestic tourism. Thus, the number of tour packages in Russia sold to the population and, accordingly, the number of tourists who went on vacation from the region to the Russian Federation has noticeably increased in the region. More than half of the republic's residents prefer to vacation in Bashkortostan. Tourists from the Republic of Bashkortostan also travel to the Krasnodar Territory, Moscow, St. Petersburg, the Republic of Tatarstan and the Republic of Crimea.

In recent years, both the number of collective accommodation facilities and the number of people accommodated in them have been increasing in the region. The tourist infrastructure in Bashkortostan is actively expanding and modernizing. Glamping is one of the promising areas of domestic tourism in the Republic of Bashkortostan. Traditionally in demand in the Republic of Bashkortostan are medical and recreational, health, excursion, sports (spelunking, mountain climbing, cycling tours, etc.) tourism. Ethnographic, scientific and educational, industrial and other types of tourism are actively developing in the Republic of Bashkortostan.

The authors conducted a number of expert interviews and surveys, on the basis of which problems were identified that hinder the development of tourism in the region. The main ones include:

- the autonomy of the functioning of various elements of the infrastructure of the tourism industry;
- underdeveloped tourist infrastructure, including lack of roads to tourist locations, insufficient accommodation, food outlets, leisure facilities, etc.;
- low level of service and its discrepancy with established prices;

- imperfection of the regulatory framework governing some aspects of tourism activities;
- acute shortage of qualified and competent specialists of hospitality enterprises;
- presence of "gray" guides on the tourist market of the republic;
- underestimation of some types of tourism in the region;
- insufficient funding of the tourism industry;
- insufficient number of different places of attraction for tourists of different ages;
- absence of a single systematized tourist portal combining all accredited routes, attractions, accommodation, food outlets, etc.;
- insufficiently active promotion of tourist brands of the republic on the domestic and foreign markets;
- insufficient awareness of participants in the tourist market about various federal and regional support measures.

Keywords: tourism industry, Republic of Bashkortostan, domestic tourism, ethnographic tourism, industrial tourism.

FORMATION OF THE FOREIGN TRADE STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF SANCTIONS PRESSURE

Nikitina M. G., Kuznetsov M. M.

An analysis of the composition and structure of the sanctions impact on the foreign trade relations of the Russian Federation showed that since 2014, our country's economy has faced the pressure of economic sanctions imposed by the United States, the European Union and other 36 countries.

The sanctions from 2014 to 2022 were directed against firms and individuals.

The first round of sanctions affected many Russian firms in such a way that they were forced to change their sources of financing, supply chains and their global operations. In 2015, sectoral sanctions were imposed against Russia. The branches of the Russian economy were divided into sectors, sector A - oil, gas, production of equipment for nuclear energy, agricultural and defense production; sector B - automotive industry, aviation, shipbuilding, pension provision, as well as equipment for working with oil and gas.

Due to the fact that in the period from 2014 to 2022, the country had to face a number of economic problems, such as capital flight, depreciation of the Russian ruble and high inflation, the Russian Government initiated numerous countermeasures to mitigate the impact of sanctions, such as the inclusion of a number of "parallel import" schemes and diversification of fuel exports to Asia and to other countries. For example, the share of oil and gas imports from Europe has decreased; however, this does not prevent countries from buying Russian hydrocarbons. Oil is being reimported from India, the UAE and Turkey. The latter has specialized shipping companies that help Russia to re-import goods in the Black Sea.

In May 2022, the Russian Ministry of Industry and Trade proposed to legalize unauthorized parallel imports of a number of goods. This step was aimed at mitigating the impact of sanctions and the withdrawal of international companies from the Russian market,

and by the end of June 2022, the scheme had received approval from the Russian authorities. After changes in legislation, the main electronic trading platforms in Russia also allowed the sale of goods entering Russia through parallel import schemes.

Not only have foreign trade relations been adapted, but the foreign policy of the Russian Federation has also been adapted, which has "de-westernized" and carried out a "Turn to the East" or chose an "Eastern Vector".

The Russian policy of "Turning to the East" began around 2008 and gained momentum after the crisis in relations with the West in 2014. It is based on the understanding that the center of global economic development is shifting to the Asia-Pacific region, and China is the main reason for this shift, so it is destined to remain the world's leading economy in the long term.

An assessment of the impact of sanctions on foreign trade of the main commodity groups in 2013-2022 revealed some features. Thus, the general trend has been to reduce the role of EU countries in foreign trade with the Russian Federation, while increasing such relations with the countries of East Asia and the Middle East.

Current trends in the diversification of foreign trade of the Russian Federation until 2030 can be implemented under the following scenarios.

Firstly, there will be a decrease in trade turnover between Russia and the EU and its growth with China. In the EU, the decline in exports is mainly due to the products of the metallurgical industry, chemical products, precious stones and metals, as well as wood; in imports - due to machinery and equipment. Trade with China by major commodity groups has been expanding since the beginning of 2023, mainly due to exports of fuel and petrochemical products, and imports of machinery and equipment.

Secondly, China, as well as the countries of the Association for Regional Cooperation of South Asia (SAARC) and the Middle East will become the main partners in Russian exports.

Thirdly, the saturation of the Russian Federation's domestic market by 2030 will occur through trade with the BRICS countries, led by China and India, OPEC and the Middle East.

Thus, the formation of the foreign trade strategy of the Russian Federation under the conditions of sanctions pressure will be carried out on the basis of establishing partnerships within the framework of the policy of "Turning to the East", as well as through planning and implementing an adequate and competent policy of import substitution and technological sovereignty.

Keywords: sanctions pressure, foreign trade strategy, foreign trade policy, export, import, import substitution.

INTERREGIONAL COOPERATION AS A TOOL FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Prihodko I. I.

The article develops a method for assessing the state and prospects of development of relations between the regions, based on which an analysis of interregional economic, scientific and technical cooperation of the Republic of Crimea is carried out. Based on the

results of the analysis, the reserves of interregional cooperation have been identified, the disclosure of which will contribute to increasing the technological sovereignty of the Republic of Crimea.

In order to determine the prospects for achieving technological sovereignty of the Republic of Crimea based on interregional cooperation, an optimization model was applied – a matrix of types of interregional cooperation.

The matrix is based on two parameters: the complementarity of the regions, reflecting the degree of differences in industry specialization and the state of interregional cooperation determined by a point assessment. Among the identified types of cooperation, the first (I) corresponds to the least complementarity of the regions, the third (III) corresponds to the greatest.

It was revealed that only 14 subjects correspond to the optimal type of cooperation, the least developed type of relations is typical for 26 regions, the rest occupy an intermediate position. There is a significant potential for the development of interregional cooperation.

The use of the matrix of types of interregional cooperation made it possible, using the example of the Krasnodar Territory and the Republic of Dagestan, which belong to the III type of cooperation, to identify promising areas of scientific and technical cooperation, the implementation of which will intensify the process of achieving technological sovereignty of the Republic of Crimea.

Keywords: technological sovereignty, interregional cooperation, optimization, specialization, cooperation, scientific and educational centers

ASSESSMENT AND IMPACT OF DEMOGRAPHIC POLICY ON THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Smetanko A. V., Bogdanova J. A., Bogdanov E. V.

The article reveals the role of rural areas in the Russian Federation. This role is due to the fact that such territories occupy more than two thirds of the Russian territory, and the development of the Russian Federation depends to a great extent on their condition. The concepts of demographic policy are considered. Demographic policy is an integral part of the general socio-economic policy of the state and affects the dynamics of the population. The place of the Republic of Crimea in the problem under study is indicated, since the Republic of Crimea has a huge economic role in the development of the Russian Federation. Special attention is paid to the development of agriculture in Crimea, therefore, sustainable development of rural areas is not an unimportant issue. The sustainable development of territories is directly influenced by demography. Therefore, the article evaluates demographic policy and reflects its impact on the sustainable development of agricultural territories of the Republic of Crimea. Namely, during the analysis it was revealed that every year the proportion of the rural population of the Republic of Crimea increases, thereby reducing the proportion of the urban population. But at the same time, the number of labor resources in the agriculture of the Republic of Crimea is decreasing every year. The study also revealed migration issues that directly affect the demographics of both the region and

the country as a whole. According to the results of the study, the authors identified problems that relate to the problem under study, which were classified into two types: social and economic. Social problems are indicated by the fact that there are no prospects for the development of the younger generation, many villages have not yet been gasified, new kindergartens and schools are not being built in rural areas, there is no quality medical care, etc. The economic problems mainly relate to the lack of financing and the lack of highly qualified personnel. The economic problems mainly relate to the lack of financing and the lack of highly qualified personnel. Measures have been proposed to solve these problems, which should be implemented at the state level.

Keywords: rural areas, sustainable development, demography, demographic policy, population, able-bodied population, agriculture.

FORMATION OF CORPORATE SUSTAINABILITY MANAGEMENT: FROM INTERNAL STAKEHOLDERS TO DEVELOPMENT INSTITUTIONS

Tanichev A. V., Klimovets O. V., Stuglev A. A.

This article presents the outputs of a theoretical study of the process of establishing corporate sustainability management under impacts of opposing forces: drivers of sustainability and inhibitors of sustainability. To systematize the latter, a 6-level model of the global geosocio-economic system has been proposed, within the framework of which impacts of external and internal sustainability drivers and inhibitors are analyzed. The specific role of such external drivers of sustainability as non-financial development institutions that implement state policy in the field of sustainable development is noted. The dualism of ESG risks and ESG greenwashing has been identified, which, depending on the situation, can be both drivers and inhibitors of the development of corporate sustainability management. The determining role in the development of corporate sustainability management of such internal drivers and inhibitors of sustainability at the nano-level, such as the personal mental construct of sustainability and the negative valence of expectation, respectively, is shown. A significant reference and bibliographic apparatus suitable for further research on this topic is provided.

Keywords: ESG greenwashing, ESG risks, impact investing, corporate sustainability management, non-financial development institutions, sustainability drivers and inhibitors, symbolic and essential sustainability, Roscongress Foundation.

BARRIER-FREE URBAN ENVIRONMENT: ESSENCE, CONSUMERS, ELEMENTS

Yachmeneva V. M., Vysochina M. V.

The relevance of the research is due to the need to solve the scientific and practical problem of forming a management system for the development of the territory based on the concept of creating a barrier-free urban environment. The content of the concept of "barrier-

free urban environment" is revealed. All potential consumer groups of the urban environment have been identified. The accessibility of the urban environment and the needs of the population are correlated in accordance with the typology of A. Maslow's needs. The principles of universal design are formulated, the implementation of which contributes to the formation of a barrier-free economy, ensures the growth of GDP and the quality of life of the population.

Keywords: territory development strategy, city, urban environment, barrier-free urban environment, universal design.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюхова И. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Богданов Е. В., аспирант кафедры учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Богданова Ж. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Вершицкий А. В., кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Высочина М. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Дягтерев С. В., аспирант кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Кирильчук С. П., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Киселева А. А., магистрант кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Климовец О. В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»

Кравченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кузнецов М. М., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Мамлеева Э. Р., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Приходько И. И., ассистент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Реутова В. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Сиваков М. А., магистрант кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Сметанко А. В., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Стуглев А. А., директор Фонда «Росконгресс»

Таничев А. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и управления производством ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова»

Трофимова Н. В., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

Троян И. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ячменева В. М., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

Артюхова И. В.	
Стратегии масштабирования стартапов.....	3
Вершицкий А. В., Киселева А. А.	
Совершенствование региональной системы обеспечения продовольственной безопасности Республики Крым.....	14
Дегтярев С. В.	
Ретроспективный анализ процессов концентрации производства и капитала.....	22
Кирильчук С. П., Сиваков М. А.	
Особенности финансовых стратегий коммерческих банков Российской Федерации в условиях турбулентности внешней среды.....	34
Кравченко Л. А., Троян И. А., Реутова В. В.	
Доверие и репутация как факторы социально-экономического развития.....	41
Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В.	
Современные проблемы развития туристической отрасли в Республике Башкортостан.....	52
Никитина М. Г., Кузнецов М. М.	
Формирование внешнеторговой стратегии Российской Федерации в условиях санкционного давления.....	60
Приходько И. И.	
Межрегиональное сотрудничество как инструмент достижения технологического суверенитета Республики Крым.....	83
Сметанко А. В., Богданова Ж. А., Богданов Е. В.	
Оценка и влияние демографической политики на устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий Республики Крым.....	92
Таничев А. В., Климовец О. В., Стуглев А. А.	
Формирование корпоративного менеджмента устойчивости: от внутренних стейкхолдеров до институтов развития.....	105
Ячmeneва В. М., Высочина М. В.	
Безбарьерная городская среда: сущность, потребители, элементы.....	120
Summaries.....	131
Сведения об авторах.....	139
Содержание.....	141
Contents.....	142

CONTENTS

Artyuhova I. V. Startup scale strategies.....	3
Vershitsky A. V., Kiseleva A. A. Improvement of the regional system of ensuring food security in the Republic of Crimea.....	14
Degtyarev S. V. A retrospective analysis of the processes of concentration of production and capital.....	22
Kirilchuk S. P., Sivakov M. A. Features of financial strategies of commercial banks of the Russian Federation in conditions of turbulence of the external environment	34
Kravchenko L. A., Troyan I. A., Reutova V. V. Trust and reputation as factors of social and economic development	41
Mamleeva E. R., Trofimova N. V. Contemporary problems of development of the tourism industry in the Republic of Bashkortostan.....	52
Nikitina M. G., Kuznetsov M. M. Formation of the foreign trade strategy of the Russian Federation in the context of sanctions pressure	60
Prikhodko I. I. Interregional cooperation as a tool for achieving technological sovereignty of the Republic of Crimea	83
Smetanko A. V., Bogdanova J. A., Bogdanov E. V. Assessment and impact of demographic policy on the sustainable development of agricultural territories of the Republic of Crimea.....	92
Tanichev A. V., Klimovets O. V., Stuglev A. A. Formation of corporate sustainability management: from internal stakeholders to development institutions	105
Yachmeneva V. M., Vysochina M. V. Barrier-free urban environment: essence, consumers, elements.....	120
Summaries	131
Authors Data	139
Contents	142